

3 1761 08820915 0

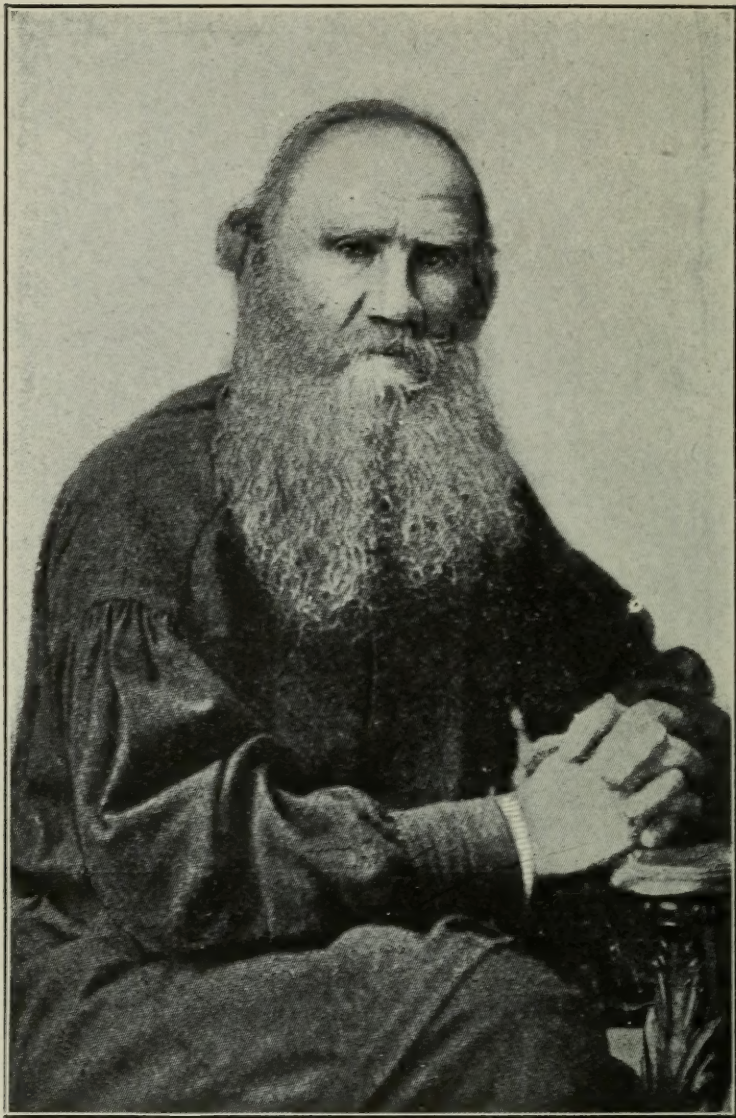

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

Левъ Николаевичъ Толстой
въ 1899 году.

LR
T 6545 pu

Tolstoi, Lev Nikolaevich, Graf (comp)

Библиотека Избранных Сочинений Русских Писателей.

(Л. Н. Толстой.)

ПУТЬ ЖИЗНИ.

Put' zhizni

Составил Левъ Николаевичъ Толстой.

Томъ III.

НЕ ВЪ СИЛѢ БОГЪ,
А ВЪ ПРАВДѢ.

459315
14.3.47

Международное Книгоиздательство.

Нью-Йоркъ.

I.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

О добръ и добротъ	3
Для души.	33
Единственное средство.	59
Неужели это такъ надо.	95
Смертная казнь и христіанство.	145
Христіанство и патріотизмъ.	169
Церковь и государство.	287

О ДОБРЪ И ДОБРОТЪ.

О ДОБРѢ И ДОБРОТѢ.

1.*).

Платить добромъ за зло естественнѣе и легче и разумнѣе, чѣмъ платить зломъ за зло.

1. И когда пришли на мѣсто, называемое Лобное, тамъ распяли Его и злодѣевъ, одного по правую, а другого по лѣвую сторону. Иисусъ же говорилъ: Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлають.

Лк. XXIII, 33—34.

2. Никто никогда не уставалъ доставлять себѣ всевозможныя блага. Но вѣдь величайшее благо, которое человекъ можетъ себѣ доставить, это—дѣйствовать сообразно съ за-

---

*) Всѣ мысли не подписанныя составлены самимъ Л. Н. Толстымъ.

кономъ своего разума, а законъ этотъ велить тебѣ, не уставая, дѣлать добро другимъ, какъ высшее благо для самого себя.

Маркъ Аврелій.

3. Плати добромъ за зло.

Талмудъ.

4. Чѣмъ отомстить своему врагу? Стараться дѣлать ему какъ можно больше добра.

Эпиктетъ.

5. Побѣждай гнѣвъ кротостью, зло добромъ, скупого дарами, лгуна правдой.

Джамапада.

6. Обращаясь съ ближними такъ, какъ они того заслуживаютъ, мы дѣлаемъ ихъ только хуже. Обращаясь же съ ними такъ, какъ будто они лучше того, что они представляютъ въ дѣйствительности, мы заставляемъ ихъ становиться лучше.

Гете.

7. Отвѣчай добромъ на зло, и ты уничтожишь въ зломъ человѣкѣ все удовольствіе, которое онъ получаетъ отъ зла.

Тотъ, кто хоть разъ испыталъ радость отплатить добромъ за зло, тотъ никогда ужъ не пропуститъ случая получить эту радость.

II.

Чтобы повѣрить въ добро, надо начать дѣлать его.

1. Украшай каждый проходящій день добрымъ дѣломъ.

2. Всего лучше начинать каждый день такъ: думать при пробужденіи о томъ, нельзя ли въ этотъ день доставить радость хоть одному человѣку.

Ницше.

3. Доброта—это наша обязанность. Тотъ, кто часто исполняетъ ее и видитъ, какъ его добрыя намѣренія осуществляются, въ концѣ концовъ начинаетъ дѣйствительно любить того, для кого сдѣлалъ добро. Слова: „Полюби ближняго своего, какъ самого себя“, не значать то, что ты долженъ сначала его полюбить и уже затѣмъ, какъ слѣдствіе своей

любви, дѣлать ему добро. Нѣтъ, ты долженъ дѣлать добро твоему ближнему, и эта твоя доброта зажжетъ въ тебѣ любовь къ человѣчеству, которая и явится результатомъ твоей склонности дѣлать добро.

К а н т ъ.

4. Добрая воля хороша не тѣмъ, что она причиняетъ или выполняетъ,—не своей пригодностью къ достиженію какой-нибудь намѣченной цѣли, а единственно только своимъ хотѣньемъ, т.-е. сама по себѣ; разсматриваемая сама по себѣ, безъ всякаго сравненія, она имѣетъ гораздо высшую цѣну, чѣмъ все, что посредствомъ ея могло быть когда-либо выполнено на пользу какой-нибудь склонности, если хотите, даже на пользу совокупности всѣхъ склонностей. Если бы по особой неблагосклонности судьбы или по причинѣ слишкомъ скудныхъ способностей, отпущенныхъ ей матушкой-природой, такая воля была бы совершенно лишена возможности выполнять свое намѣреніе, если бы при ея величайшемъ напряженіи все-таки ничего не было бы ею сдѣлано, и осталась бы только одна добрая воля (конечно, не какъ одно голое желаніе, а какъ примѣненіе всѣхъ средствъ, какія только въ нашей власти), то и въ такомъ случаѣ такая воля

все-таки сверкала бы сама для себя, какъ драгоценный алмазъ, какъ нѣчто такое, въ чемъ въ немъ самомъ заключается его полная цѣнность.

К а н т ъ.

5. Что выиграетъ тотъ, кто, живя добродѣтельно въ домашней жизни, уйдетъ въ пустыню? Среди всѣхъ тѣхъ, которые трудятся для будущаго блага, выиграетъ больше всѣхъ тотъ, кто живетъ хорошо въ своей семьѣ.

И н д і й с к і й К у р а н ъ.

6. Никто не можетъ имѣть понятія о добрѣ, пока не началъ творить его. И никто не можетъ истинно любить его, пока не дѣлалъ его часто и съ жертвой. И никто не можетъ найти успокоенія въ немъ, пока не дѣлаетъ его всегда.

М а р т и н о.

Если не можешь приучить себя къ тому, чтобы искать случая сдѣлать добро, какъ

охотникъ ищетъ своей дичи, то, по крайней мѣрѣ, не упускай случая дѣлать добро.

III.

Добро нельзя измѣрять ни нуждой получающаго, ни жертвою дающаго, а только тѣмъ общеніемъ въ Богѣ, которое устанавливается между дающимъ и получающимъ.

1. Жизнь не всегда благо. Благо только хорошая жизнь.

Сенека.

2. Природа устроила такъ, что обиды помнятся больше, чѣмъ добрые поступки. Добро забывается, а обиды упорно держатся въ памяти.

Сенека.

3. Это не добродѣтель, а только обманчивый слѣпокъ и подобіе ея, когда мы приведены къ исполненію долга ожиданіемъ награды.

Цицеронъ.

4. Мудрецъ спросилъ у духа мудрости: какъ достигнуть тѣлеснаго благополучія и счастія, не вредя своей душѣ? какъ спасти душу, не губя тѣла?

Духъ отвѣчалъ:

Не клевети, чтобы клевета и безчестіе не обратились на тебя самого, ибо сказано, что всякій другой злой духъ нападаетъ спереди, клевета же поражаетъ тебя сзади.

Не поддавайся гнѣву, потому что человекъ, поддавшійся гнѣву, забываетъ свои обязанности и упускаетъ свои добрыя дѣла.

Берегись робости, ибо робкій теряетъ радости и мірскія и душевныя и губитъ и тѣло и душу.

Берегись сладострастія, потому что его плодами будутъ хворь и раскаяніе.

Не держи зависти въ сердцѣ, чтобы не отравить своего существованія.

Не впадай въ грѣхъ изъ стыда.

Будь прилеженъ и молчаливъ и живи на свой постоянный заработокъ и откладывай изъ него для Бога и для добрыхъ людей.

Этотъ обычай будетъ самымъ достойнымъ дѣломъ въ твоей дѣятельности.

Не воруй чужого добра, чтобы не упустить своей собственной работы, ибо сказано, что кто не кормится собственной работой, а

заставляеть другихъ прокармливать себя, тотъ людоедъ.

Съ человекомъ лукавымъ не затягивайся въ споръ, а лучше оставь его совсѣмъ въ покоѣ.

Съ человекомъ жаднымъ не вступай въ союзъ и не довѣрайся его руководству.

Не общайся съ невѣждами. Не вступай въ объясненія съ глупцомъ, отъ злодѣя не бери денегъ и съ клеветникомъ не ходи на царскій дворъ.

Восточная мудрость.

5. Когда спрашиваютъ, что же такое, собственно, чистая нравственность, которую, какъ пробнымъ камнемъ, мы должны испытывать нравственное содержаніе каждаго поступка, то я долженъ сознаться, что только философы могли сдѣлать рѣшеніе этого вопроса сомнительнымъ, ибо для здраваго человѣческаго смысла этотъ вопросъ давно уже рѣшенъ, правда, не съ помощью отвлеченныхъ, общихъ формулъ, а посредствомъ различія совершаемыхъ поступковъ, которые мы различаемъ такъ же несомнѣнно, какъ правую и лѣвую руку.

К а н т ъ.

6. Твори добро друзьямъ своимъ, чтобы

они еще болѣе любили тебя; твори его своимъ врагамъ, чтобы они сдѣлались когда-нибудь твоими друзьями.

Когда ты говоришь о врагѣ твоёмъ, помни, что можетъ притти день, когда онъ станетъ твоимъ другомъ.

К л е о в у л ь.

7. Всѣ люди болѣе или менѣе приближаются къ одному изъ двухъ противоположныхъ предѣловъ: одинъ—жизнь только для себя, другой—только для Бога.

8. Твердо знайте и глубоко чувствуйте, что вы должны каждый день вашей жизни посвящать благу другихъ, дѣлая для нихъ все, что можете. Дѣлая, а не болтая.

Д ж о н ъ Р е с к и н ъ.

9. Приставлять одно доброе дѣло къ другому такъ, чтобы между ними не было промежутка,—вотъ что я называю счастливой жизнью.

М а р к ъ А в р е л и ѣ.

10. Чѣмъ больше человекъ даетъ людямъ и меньше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ лучше; чѣмъ меньше даетъ другимъ и больше тре-

буеть себѣ, тѣмъ онъ хуже.

11. Сдѣлалъ ли ты своему ближнему зло, хотя бы и небольшое, считай такое большое, а сдѣлалъ ты ему большое добро, считай его маловажнымъ; небольшое же добро, оказанное тебѣ другимъ, считай большимъ.

Благословеніе Божіе снизойдетъ на того, кто даетъ бѣдному; двойное благословеніе почіетъ на томъ, кто при этомъ встрѣчаетъ и провожаетъ его ласково.

Т а л м у д ѣ .

12. Дѣлая добро, будь благодаренъ за это.

Добро истинное совершается нами только тогда, когда мы не замѣчаемъ его, а выходимъ изъ себя, чтобы жить въ другомъ.

IV.

Доброта побѣждаетъ все, а сама непобѣдима.

1. Противъ всего можно устоять, но не противъ доброты.

Руссо.

2. Не осужденіе зла, а возвеличеніе добра является средствомъ установленія гармоніи въ личной и міровой жизни. Дурно настроенный человѣкъ осуждаетъ зло, а это само по себѣ является худшимъ изъ золъ, такъ какъ осужденіе зла только содѣйствуетъ его росту, тогда какъ пренебреженіе къ нему и забота о благѣ ведутъ къ уничтоженію зла.

Люси Малори.

3. Тотъ, кто любитъ обращать свой умъ на изысканіе закона своего долга, близокъ къ наукѣ нравственности.

Тотъ, кто старается исполнить свой долгъ, близокъ къ человѣколюбію, т.-е. къ желанію блага всѣмъ людямъ.

Тотъ, кто краснѣетъ за свою слабость въ исполненіи своего долга, близокъ къ той силѣ

душевной, которая нужна для его исполненія.
К и т а й с к а я м у д р о с т ь.

4. Нравственность не можетъ быть независима отъ религiи, потому что она не только есть послѣдствiе религiи, т.-е. того отношенiя, въ которомъ человѣкъ признаетъ себя къ міру, но она включена уже въ это отношенiе.

5. Если доброе дѣло имѣетъ побудительную причину, оно уже не добро; если оно имѣетъ послѣдствiе— награду, оно тоже не добро. Добро внѣ цѣли причинъ и слѣдствiй.

6. Подобно тому, какъ факелы и фейерверки блѣднѣютъ и дѣлаются невидимыми при свѣтѣ солнца, такъ и умъ, даже генiй, а равно и красота блекнутъ и затмеваются предъ сердечной добротой.

Ш о п е н г а у э р ь.

7. Безпредѣльная нѣжность есть величайшій даръ и достоянiе всѣхъ истинно великихъ людей.

Д ж о н ь Р е с к и н ь.

8. Самыя нѣжныя растенiя прокладываютъ себѣ путь черезъ самую жесткую землю, че-

резь трещины скаль. Такъ и доброта. Какой клинь, какой молоть, какой тарань можетъ сравниться съ силой добраго, искренняго человѣка? Ничто не можетъ противостоять ему.

Т о р о.

9. Гдѣ есть человѣкъ, тамъ есть и случай сдѣлать ему доброе.

С е н е к а.

Отвѣтить добрымъ словомъ на злое, оказать услугу за обиду, подставить другую щеку, когда ударили по одной, есть единственное средство укрощенія злобы.

V.

Доброта въ отношеніяхъ съ людьми обязательна. Если ты не добръ къ человѣку, ты золь и возбуждаешь въ немъ злобу.

1. Живя среди людей, не слѣдуетъ презирать никакую личность, даже самую низкую, жалкую или смѣшную. Необходимо считаться со всякой

личностью, признавая въ ней все ей присущее и неизмѣнное, какъ слѣдствіе вѣчнаго высшаго закона. Даже въ тяжелыхъ случаяхъ слѣдуетъ думать такъ: „Да, на свѣтѣ должны быть и такіе уроды“. Если же мы относимся къ нимъ враждебно, то мы не только совершаемъ несправедливость, но и вызываемъ такихъ отвергнутыхъ личностей на войну не на животь, а на смерть. Вѣдь никто не можетъ передѣлать своей индивидуальности, т.-е. своего характера, способностей, темперамента, фізіономіи и т. д.

Для той личности, сущность которой нами осуждается, остается только бороться съ нами, какъ со смертельнымъ врагомъ: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, самое право ея на существованіе признается нами лишь подъ однимъ условіемъ, что она измѣнится, тогда какъ она неизмѣнима.

А потому, чтобы имѣть возможность жить среди людей, мы должны выносить всякую личность съ присущей ей индивидуальностью, нисколько не разсчитывая на ея измѣненіе и не осуждая ея за то, что она остается такою, какова она есть.

Ш о п е н г а у э р т ъ .

---

2. Не будьте жестокосерды къ тому, кто подвергается искушенію, но старайтесь утѣшить его такъ, какъ бы вы сами желали быть утѣшены.

3. 1) Не откладывай до завтра, что можешь сдѣлать нынче.

2) Не заставляй другого дѣлать то, что можешь сдѣлать самъ.

3) Покупать ненужное потому только, что оно дешево, не слѣдуетъ.

4) Гордость обходится дороже, чѣмъ все, что нужно для ѣды, питья, жилища, одежды.

5) Рѣдко приходится раскаиваться, что сдѣлалъ слишкомъ мало.

6) Сколько мы перемучились изъ-за того, что не случилось, но лишь могло бы случиться.

7) Если разсердишься, сочти десять; очень разсердишься, сочти сто.

Д ж е ф е р с о н ъ.

4. Никого не призирайте, подавляйте въ своемъ сердцѣ дерзновенныя осужденія, обидныя подозрѣнія на ближняго, объясняйте себѣ съ сердечной простотой чужіе поступки и сло-

ва. Искренно предпочитайте другихъ самому себѣ.

Доброта украшаетъ жизнь, разрѣшая всѣ противорѣчія, запутанное дѣлаетъ яснымъ, трудное—легкимъ, мрачное—радостнымъ.

VI.

Доброта для души то же, что здоровье для тѣла: она незамѣтна, когда владѣешь ею, и она даетъ успѣхъ во всякомъ дѣлѣ.

1. Люди высшей добродѣтели не считаютъ себя добродѣтельными, поэтому они добродѣтельны. Люди низшей добродѣтели никогда не забываютъ о добродѣтели, и потому не имѣютъ ея. Высшая добродѣтель не утверждаетъ сама себя и не выказывается. Низшая добродѣтель утверждаетъ сама себя и выказывается.

Высшее добродушіе дѣйствуетъ, но не старается выказаться. Низшее добродушіе утверждаетъ само себя и старается выказаться.

Высшая справедливость дѣйствуетъ, но не старается выказаться. Низшая справедливость дѣйствуетъ и старается выказаться.

Высшее приличіе дѣйствуетъ и не старается выказаться. Низшее приличіе дѣйствуетъ, но, когда никто не отвѣчаетъ на него, силою заставляетъ исполнять его правила.

Такимъ образомъ, когда потеряна высшая добродѣтель, является добродушіе; когда потеряно добродушіе, является справедливость; когда же потеряна справедливость, является приличіе.

Правила приличія суть только подобія правды и начало всякаго безпорядка. Остроуміе есть цвѣтъ разума, но начало невѣжества; поэтому святой человѣкъ держится плода, а не цвѣтка, откидываетъ послѣднее и держится перваго.

Л а о - Т с е .

2. Человѣкъ высшей добродѣтели старается итти прямымъ путемъ до конца. Сдѣлать половину дороги и потомъ ослабѣть, это—то, чего надобно бояться.

К и т а й с к а я м у д р о с т ь .

3. Добродѣтель въ человѣкѣ должна имѣть свойство драгоцѣннаго камня, который не-

измѣнно сохраняетъ свою природную красоту, что бы съ нимъ ни приключилось.

Маркъ Аврелій.

4. Сознаніе своей доброй жизни—достаточная за нее награда.

Научись радости творить добро. Дѣлай добро тайно и краснѣй, когда про него узнаютъ.

5. Человѣкъ увеличиваетъ свое счастье въ той мѣрѣ, въ какой онъ доставляетъ его другимъ.

Бентамъ.

6. Воля Бога въ томъ, чтобы мы жили счастьемъ и жизнью другъ друга, а не взаимнымъ несчастіемъ и смертью. Люди помогаютъ другъ другу своей радостью, а не горемъ.

Джонъ Рескинъ.

7. Какъ благо растенія—въ свѣтѣ, и потому, какъ ничѣмъ не закрытое растеніе не можетъ спрашивать и не спрашиваетъ, въ какую сторону ему расти, и хорошъ ли свѣтъ, не подождать ли ему другого, лучшаго, и беретъ тотъ единственный свѣтъ, который есть въ мірѣ, и тянется къ нему, — такъ и отрешившійся отъ блага личности человѣкъ не разсуждаетъ о томъ, что ему отдать изъ отнятаго

у другихъ людей и какимъ любимымъ существомъ, и нѣтъ ли какой еще лучшей любви, чѣмъ та, которая заявляетъ требованіе, а отдаетъ себя, свое существованіе той любви, которая доступна ему и есть передъ нимъ. И нѣтъ иной любви, какъ та, чтобъ положить душу свою за други своя, любовь—только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только, когда человѣкъ отдаетъ другому не только свое время, свои силы, но когда онъ тратитъ свое тѣло для любимаго предмета, когда онъ отдаетъ ему свою жизнь—только это мы всѣ признаемъ любовью и только въ такой любви мы всѣ находимъ благо, награду любви. И только тѣмъ, что есть такая любовь въ людяхъ, только тѣмъ и стоитъ міръ.

Ничто такъ не украшаетъ жизнь, какъ установившаяся привычка быть добрымъ.

VII.

Доброта не только добродѣтель и радость, но и орудіе борьбы.

1. Трудно быть добрымъ съ человѣкомъ порочнымъ, лживымъ, особенно съ такимъ, который оскорбляетъ васъ, но съ нимъ-то и нужно быть добрымъ и для него и для себя.

2. Тогда Петръ приступилъ къ Нему и сказалъ: Господи, сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? до семи ли разъ?

Иисусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ до семи, но до седмижды семидесяти разъ.

Мѡ. XVIII, 21—22.

3. Если ты истинно вѣришь въ справедливость твоего пониманія жизни и желаешь добра людямъ, то, при случаѣ, ты будешь высказывать другимъ свои мнѣнія такъ, чтобы по возможности увѣрить твоихъ собесѣдниковъ въ справедливости твоего пониманія жизни. И въ этихъ случаяхъ, чѣмъ болѣе собесѣдникъ твой заблуждается, тѣмъ важнѣе и желательнѣе, чтобы онъ понялъ и оцѣнилъ то, что ты хочешь ему доказать.

А между тѣмъ какъ часто мы поступаемъ какъ разъ наоборотъ. Мы хорошо умѣемъ бесѣдовать съ человѣкомъ, согласнымъ или

почти согласнымъ съ нами; когда же мы видимъ, что собесѣдникъ нашъ не вѣрить въ ту истину, которую мы признаемъ, или даже не понимаемъ ея, то мы, правда, стараемся объяснить ему эту истину и увѣрить его въ ея справедливости; но если онъ продолжаетъ не соглашаться съ нами и, какъ намъ кажется, упрямитя или извращаетъ наши слова въ другую сторону, то какъ легко мы теряемъ наше спокойствіе и раздражаемся! Мы или начинаемъ сердиться и говорить нашему собесѣднику непріятности, или прекращаемъ разговоръ, думая, что съ такимъ непонятливымъ или упрямымъ человѣкомъ не стоитъ и разсуждать.

Когда ты хочешь показать своему собесѣднику въ разговорѣ какую-нибудь истину, то самое главное при этомъ—не раздражаться и не сказать ни одного недобраго или обиднаго слова.

Эпиктетъ.

4. Если ты замѣтилъ въ комъ-либо ошибку, поправь его кротко и укажи ему, въ чемъ онъ ошибся. Если твоя попытка остается безуспѣшна, вини одного себя или, еще лучше, никого не вини, а продолжай быть кроткимъ.

Маркъ Аврелій.

Если ты разошелся съ человѣкомъ, если онъ недоволенъ тобой, если онъ не согласился съ тобой, когда ты былъ правъ,— виновать не онъ, а отсутствіе доброты къ тебѣ.

VIII.

Безъ правдивости не можетъ быть добра, безъ доброты не можетъ быть передаваема истина.

1. Добро и истина—это одно и то же.

Д ж у с т и.

2. Иногда вырастаетъ стебель, но не даетъ цвѣта. Иногда цвѣтетъ и не даетъ плода.

Тѣ, кто знаетъ истину, равны тѣмъ, которые любятъ ее; а тѣ, которые любятъ ее, не равны тѣмъ, которые съ любовью творятъ ее.

К о н ф у ц і й.

3. Что вы зовете Меня: Господи! Господи! и не дѣлаете того, что Я говорю?

Всякій, приходящій ко Мнѣ и слушающій слова Мои и исполняющій ихъ, скажу вамъ, кому подобенъ.

Онъ подобенъ человѣку, строящему домъ, который копалъ, углубился и положилъ основаніе на камнѣ, почему, когда случилось наводненіе, и вода наперла на этотъ домъ, то не могла поколебать его, потому что онъ основанъ былъ на камнѣ.

А слушающій и неисполняющій подобенъ человѣку, построившему домъ на землѣ безъ основанія, который, когда наперла на него вода, тотчасъ же обрушился; и разрушеніе дома сего было великое.

Лк. VI, 46—49.

4. Отвѣчайте добротою на ненависть. Разсматривайте трудность, когда она еще легка. Обращайтесь съ большой вещью, когда она еще мала. Самыя трудныя предпріятія міра возникаютъ, когда они легки.

Самыя великія предпріятія возникаютъ, когда они еще малы.

Л а о - Т с е.

5. Есть два пути, ведущіе къ совершенной добродѣтели: быть справедливымъ и не дѣлать зла живымъ существамъ.

К н и г а М а н у.

Нѣтъ ничего хуже притворства доброты. Притворство доброты отталкиваетъ больше, чѣмъ откровенная злоба.

IX.

Какая необходимая приправа ко всему—доброта! Самыя лучшія качества безъ доброты ничего не стоятъ, и самыя худшія пороки съ нею прощаются.

1. Есть доброта природная, зависящая отъ внѣшнихъ и тѣлесныхъ причинъ—отъ наслѣдственности, хорошаго пищеваренія, отъ успѣха. Доброта эта очень пріятна и для того, кто испытываетъ ее, и для другихъ людей. И есть доброта, происходящая отъ духовной, внутренней работы. Такая доброта менѣе привлекательна, но зато первая можетъ не только исчезнуть, но превратиться въ злобу; вторая же не только никогда не исчезаетъ, но постоянно увеличивается.

2. Если, дѣлая дѣло, которое считаешь добрымъ, испытываешь страданіе враждебности

или заставляешь других испытывать враждебность къ себѣ, тотчасъ остановись: значить, ты не умѣешь еще дѣлать то дѣло, за которое взялся. Больно физически или духовно, враждебно,—остановись дѣлать и, съ одной стороны, учись дѣлать безъ боли, съ другой—устрани то, отъ чего больно.

3. Мы должны цѣнить даже одну только видимость добра въ другихъ людяхъ, потому что изъ этой игры притворства, которую они добываютъ себѣ уваженіе,—можетъ-быть и незаслуженное,—въ концѣ концовъ можетъ возникнуть, пожалуй, нѣчто серьезное.

Только видимость добра въ насъ самихъ мы должны беспощадно стирать,—срывать тотъ покровъ, которымъ самолюбіе прикрываетъ наши недостатки.

К а н т ъ.

4. Совершенное добро радуетъ, но не удовлетворяетъ. Всегда кажется, что надо было сдѣлать больше.

5. Сколько ни сдѣлаешь добра, всегда останется пожелать еще большаго.

К о н ф у ц і й.

6. Не существует непосредственной склонности къ дурнымъ въ нравственномъ отноше-
ніи поступкамъ, но несомнѣнно есть такая
непосредственная склонность къ хорошимъ
поступкамъ.

К а н т ъ.

7. Святой не имѣетъ непреклоннаго сердца.
Онъ приноравливаетъ свое сердце къ серд-
цамъ всѣхъ людей. Къ добродѣтельному чело-
вѣку онъ относится какъ къ добродѣтельному,
а къ порочному—какъ къ чловѣку, способно-
му къ добродѣтели.

В о с т о ч н а я м у д р о с т ь.

8. Чѣмъ чловѣкъ умнѣе и добрѣе, тѣмъ
больше онъ замѣчаетъ добра въ людяхъ.

П а с к а л ь.

9. Возбуждать доброту есть
важная часть дѣла жизни.

Д ж о н с о н ъ.

10. Для того, чтобы находить радость въ
служеніи людямъ и вообще живымъ сущест-
вамъ, надо прежде всего приучить себя не
дѣлать зла людямъ и живымъ существамъ,

не строить свою жизнь на страданіяхъ и жизни другихъ.

Доброта—основное свойство души. Если человекъ не добръ, то онъ подвергся какому-либо обману, соблазну, страсти, которые нарушили это его естественное сзйство.

ДЛЯ ДУШИ.

Д Л Я Д У Ш И.

1 *).

Г. Жилъ рабочій въ городѣ, и отдѣлался и пошелъ домой. На выходѣ встрѣтился ему прохожій. И сказалъ прохожій: „Пойдемъ вмѣстѣ, мнѣ туда же, и я дорогу хорошо знаю“. Рабочій повѣрилъ, и пошли они вмѣстѣ.

Прошли они часъ, два, и кажется рабочему, что дорога не та, по которой онъ шелъ въ городъ. И говоритъ онъ: „Помнися, не та эта дорога“. А прохожій говоритъ: „Это самая настоящая короткая дорога. Вѣрь мнѣ, я хорошо знаю“. Послушался рабочій и пошелъ за нимъ. И что дальше шелъ, то хуже и хуже становилась дорога, и все труднѣе и труднѣе было итти. И прожилъ и проѣлъ рабочій все, что заработалъ, и все не было дома. Но чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ все больше вѣрилъ, и подѣ

---

*) Всѣ мысли не подписанныя составлены самимъ Л. Н. Толстымъ.

конецъ самъ увѣрился, что дорога настоящая. А увѣрился онъ потому, что не хотѣлось назадъ воротаться, и все надѣялся, что и по этой дойдетъ. И такъ забрелъ рабочій далеко отъ дома, и долго бѣдствовалъ.

Такъ бываетъ съ тѣми, которые не слушаютъ голоса духа въ себѣ, а вѣрятъ чужимъ словамъ о Богѣ и законѣ Его.

2. Кто говоритъ, что знаетъ законъ Бога, но не исполняетъ его, тотъ показываетъ этимъ, что онъ не вѣритъ ни въ Бога, ни въ законъ Его, чтобы всегда жить доброю жизнью, въ любви со всѣми, всегда поступать съ ближними, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой.

Въ этомъ истинная вѣра. И этой вѣрѣ учили всегда всѣ истинные мудрецы и святой жизни люди всѣхъ народовъ.

3. Когда дождевая вода течетъ по жолобамъ, то намъ кажется, что она вытекаетъ изъ нихъ. Но вѣдь вода падаетъ съ неба. То же и съ поученіями святыхъ и мудрецовъ: намъ кажется, что поученія идутъ отъ людей, а они идутъ отъ Бога и только проходятъ черезъ людей.

П о Р а м а - К р и ш н ѣ.

II.

1. Истинная жизнь человѣка не въ тѣлѣ, а въ духѣ. Много людей не знаютъ этого. И когда люди не знаютъ этого, они всегда боятся всего того, что можетъ повредить ихъ тѣлу; пуще же всего боятся смерти. Когда же человѣкъ знаетъ, что жизнь его въ духѣ, ему уже нечего бояться, потому что ничто и никто, кромѣ его самого, не можетъ повредить ему.

2. Есть обязанности къ ближнему и есть у каждаго человѣка обязанность къ тому духу, который живетъ въ немъ: обязанность эта въ томъ, чтобы не осквернять, не унижать, не заглушать этого духа, и не переставая растить его.

3. Въ тебѣ, только въ тебѣ и всѣ радости рая, и всѣ муки ада. Дѣлай то, чего хочеть отъ тебя твое тѣло: добивайся славы, почестей, богатства,—и жизнь твоя будетъ адомъ. Дѣлай то, чего хочеть твоя душа: добивайся смиренія, милосердія, любви, и тебѣ не нужно будетъ никакого рая. Рай будетъ въ душѣ твоей.

4. Въ важныхъ вопросахъ жизни мы всегда одни: настоящая исторія нашей жизни никогда не можетъ быть понята другими. Сущность же этой исторіи въ томъ, насколько мы жили и живемъ духомъ или тѣломъ.

5. Куда бы тебя судьба не забросила, всюду съ тобой твоя сущность, твой духъ, средоточіе жизни, свободы и силы. Нѣтъ въ мірѣ внѣшнихъ благъ или величія, для которыхъ стоило бы человѣку заглушать въ себѣ сознаніе этого духа, расторгать свой союзъ съ нимъ и подрывать цѣльность своей души внутреннимъ разладомъ съ самимъ собою.

Укажи, что могъ бы ты купить цѣною такой жертвы?

Маркъ Аврелій.

6. Для того, чтобы увидеть истинный свѣтъ, каковъ онъ есть, надо самому стать истиннымъ свѣтомъ.

Ангелусъ.

7. Богъ говоритъ: „Я былъ никому неизвѣстнымъ сокровищемъ. И Я пожелалъ быть извѣстнымъ. И вотъ Я создалъ человѣка“.

Магометъ.

III.

1. Счастье свое человекъ находить только въ любви къ ближнимъ. А находить онъ счастье въ любви потому, что, служа другимъ, онъ соединяется съ тѣмъ духомъ, который живетъ во всемъ.

2. Бѣда, если человекъ скажетъ про другого: „это дрянной, пропащій человекъ“, и перестанетъ видѣть въ немъ брата. Такой человекъ отрѣжетъ себя не отъ одного этого человека, но отъ всѣхъ людей.

3. Отгоняй отъ себя все то, что мѣшаетъ тебѣ видѣть свою связь со всѣмъ живымъ.

4. Нѣтъ такого дурного дѣла, за которое былъ бы наказанъ только тотъ, кто его сдѣлалъ. Мы не можемъ сдѣлать такъ, чтобы наши злые дѣла не расходились на другихъ людей. Наши дѣла, и добрыя и злыя, какъ наши дѣти: они живутъ и дѣйствуютъ уже не по нашей волѣ, а сами по себѣ.

Джоржъ Эллиотъ.

5. Вѣтка, отрѣзанная отъ сучка, отдѣляется отъ цѣлаго дерева. Такъ и человѣкъ при раздорѣ съ другимъ человѣкомъ отрывается и отъ всѣхъ людей. Но вѣтка отрывается не сама, человѣкъ же самъ отдѣляетъ себя отъ ближняго своего ненавистью и злобой, не думая о томъ, что онъ тѣмъ самымъ отрываетъ себя отъ всѣхъ людей.

Маркъ Аврелій.

IV.

1. Въ дурныя минуты не чувствуешь Бога, сомнѣваешься въ Немъ. И спасеніе всегда одно и вѣрное: перестать думать о Богѣ, а думать только объ Его законѣ и исполнять его: любить всѣхъ, и сейчасъ кончается сомнѣніе, и опять чувствуешь Бога и законъ Его.

2. Если человѣкъ и не знаетъ, что онъ дышитъ воздухомъ, онъ знаетъ, что онъ лишился чего-то, когда задыхается. То же бываетъ и съ человѣкомъ, когда онъ лишился Бога, хотя бы онъ и не зналъ, отъ чего онъ страдаетъ.

3. Необходимость признанія Бога чувствуется яснѣ всего тогда, когда мы отказываемся отъ Него, забываемъ Его.

4. Человѣкъ можетъ считать что-либо великимъ только тогда, когда онъ забываетъ про Бога.

А н г е л у с ь .

5. То, что во мнѣ не тѣлесно, я называю душой. То, что не тѣлесно во всемъ мірѣ, я называю Богомъ.

V

1. Воля Бога въ томъ, чтобы было хорошо не мнѣ одному, а всѣмъ. А чтобы всѣмъ было хорошо, есть только одно средство: то, чтобы всѣ желали блага не себѣ, а другъ другу.

2. Если спросить у человѣка, кто онъ, никакой человѣкъ не можетъ ничего другого отвѣтить, какъ только то, что я—я. А если всѣ люди—я, то я это во всѣхъ одно и то же. Такъ оно и есть.

3. Богъ живетъ во всякомъ человѣкѣ, но не всякій человѣкъ знаетъ это.

4. Если я желаю блага только себѣ, то могу желать зла другимъ людямъ; если желаю блага только своей семьѣ, то могу желать зла другимъ семьямъ; если желаю блага только своему народу, то могу желать зла другимъ народамъ. Только когда я желаю блага всѣмъ людямъ, я никому не могу и не буду желать зла.

VI

1. И одинъ изъ нихъ, законникъ, искушая Его, спросилъ, говоря: Учитель! какая наибольшая заповѣдь въ законѣ? Иисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ: сія есть первая и наибольшая заповѣдь; вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки.

Мѡ. XXII, 35—40.

2. Когда мы любимъ всѣхъ людей, на душѣ намъ бываетъ особенно радостно, и мы ничего не боимся, ничего не желаемъ. Отчего это? А оттого, что любовь—это Богъ. И любя мы соединяемся и съ нимъ и со всѣмъ живымъ въ мірѣ. А чего же желать и бояться, когда мы за одно съ Богомъ и со всѣмъ міромъ?

3. Лепестки цвѣтовъ опадаютъ, когда плодъ начинаетъ завязываться. Также отпадутъ отъ тебя твои слабости, когда ты начнешь расти духомъ. Хотя бы тысячи тѣтъ была бы темнота въ подземельѣ, стоитъ внести свѣтъ, и оно тотчасъ же освѣщается. Такъ и твоя душа: какъ бы долго она ни была во мракѣ, она тотчасъ же вся освѣтится, какъ только ты сознаешь въ себѣ Бога.

Б р а м и н с к а я м у д р о с т ь .

4. Человѣкъ любитъ людей настоящей любовью не потому, что ему это выгодно, а потому, что нѣтъ большей радости, какъ любовь.

5. Постарайся полюбить того, кого ты не любилъ, осуждалъ, кто оскорбилъ тебя. И если это удастся тебѣ сдѣлать, ты узнаешь новое, радостное чувство. Какъ свѣтъ ярче

свѣтитъ послѣ темноты, такъ и, освободившись отъ нелюбви, свѣтъ любви сильнѣе и радостнѣе разгорится въ тебѣ.

6. Не заботьтесь о томъ, чтобы другіе любили васъ. Любите; и васъ будутъ любить.

VII

1. Нельзя быть безгрѣшнымъ, но можно съ каждымъ годомъ, мѣсяцемъ и днемъ становиться все меньше и меньше грѣшнымъ. Въ этомъ-то, въ томъ, чтобы становиться все меньше и меньше грѣшнымъ, и истинная жизнь и истинное благо всякого человѣка.

2. Пришли двѣ женщины къ старцу за поученіемъ. Одна считала себя великой грѣшницей. Она въ молодости измѣнила мужу и, не переставая, мучилась. Другая же, проживъ всю жизнь по закону, ни въ какомъ особенномъ грѣхѣ не упрекала себя и была довольна собой.

Старецъ распросилъ обѣихъ женщинъ объ ихъ жизни. Одна со слезами призналась ему

въ своемъ великомъ грѣхѣ. Она считала свой грѣхъ столь великимъ, что не ожидала за него прощенія; другая же сказала, что не знаетъ за собой никакихъ особенныхъ грѣховъ. Старецъ сказалъ первой:

— Поди ты, раба Божія, за ограду и найди ты мнѣ большой камень—такой, какой поднять можешь, и принеси... А ты,—сказалъ онъ той, которая не знала за собой большихъ грѣховъ,—принеси мнѣ тоже каменьевъ, сколько осилишь; только все мелкихъ.

Женщины пошли и исполнили приказаніе старца. Одна принесла большой камень, другая полный мѣшокъ мелкихъ каменьевъ.

Старецъ осмотрѣлъ камни и сказалъ:

— Теперь вотъ что сдѣлайте: снесите вы назадъ камни и положите на тѣ самыя мѣста, гдѣ взяли, и когда положите, приходите ко мнѣ.

И женщины пошли исполнять приказаніе старца. Первая легко нашла то мѣсто, съ котораго взяла камень, и положила его, какъ онъ былъ; но другая никакъ не могла вспомнить, съ какого мѣста брала какой камень, и такъ, не исполнивъ приказанія, съ тѣмъ же мѣшкомъ вернулась къ старцу.

— Такъ вотъ,—сказалъ старецъ,— то же бываетъ и съ грѣхами. Ты легко положила

большой и тяжелый камень на прежнее мѣсто, потому что помнила, откуда взяла его.

А ты не могла, потому что не помнила гдѣ взяла мелкіе камни.

То же и съ грѣхами.

Ты помнила свой грѣхъ, несла за него укоры людей и своей совѣсти, смирялась и потому освобождалась отъ послѣдствій грѣха.

Ты же,—обратился старецъ къ женщинѣ, принесшей назадъ мелкіе камни,—грѣша мелкими грѣхами, не помнила ихъ, не каялась въ нихъ, привыкала къ жизни въ грѣхахъ и, осуждая грѣхи другихъ, все глубже и глубже завязала въ своихъ.

3. Ребенокъ, такъ же какъ и всякое животное, не знаетъ въ себѣ духовной жизни и потому не испытываетъ того, что испытываетъ взрослый человѣкъ: въ одно и то же время двухъ противоположныхъ желаній, — желанія взять себѣ или отдать другому, отомстить и простить и т. п., вѣрить тому, чему научили, или самому думать. Но чѣмъ старше становится человѣкъ, тѣмъ все чаще слышитъ эти два противоположные голоса: требованія тѣла и требованія духа. И хорошо человѣку, когда онъ не заробѣетъ передъ требованіями духа и отдастся имъ.

4. Плохо, если человекъ думаетъ, что въ немъ нѣтъ грѣховъ, и ему незачѣмъ работать надъ собой. Но также плохо, когда человекъ думаетъ, что онъ родился весь въ грѣхахъ и въ грѣхахъ и умретъ, и что поэтому ему и незачѣмъ надъ собой работать.

Надо помнить и понимать, что грѣхи всегда есть и что всегда надо бороться съ ними.

5. Если ты заразился какой-нибудь страстью, то помни, что страсть эта не твоя душа, а совсѣмъ противное ей, что-то такое, что скрываетъ отъ тебя твою настоящую душу, и что ты можешь освободиться отъ нея.

VIII

1. Людямъ слѣдуетъ учиться у животныхъ о томъ, какъ питаться. Какъ только у животного есть то, что ему нужно для его тѣла, оно успокаивается; человеку же мало того, что онъ утолил свой голодъ, онъ придумываетъ себѣ все болѣе и болѣе сладкія питья и пищи.

2. Если бы люди не придумывали себѣ роскошныхъ жилищъ, одежду, пищи, всѣхъ нуждающихся теперь могли бы жить безъ нужды, а богатые—безъ страха за себя и свои богатства и безъ ненависти бѣдныхъ.

3. Казалось бы, для жизни людей имъ нужнѣе всего ихъ разумъ, а между тѣмъ, какъ много людей не боятся для своего удовольствія заглушать этотъ разумъ табакомъ, виномъ, водкой.

4. Древній греческій мудрецъ Пифагоръ не ѣлъ мяса. Когда у Плутарха, греческаго писателя, спрашивали, почему и зачѣмъ Пифагоръ не ѣлъ мяса, Плутархъ отвѣчалъ, что его не удивляетъ, что Пифагоръ не ѣлъ мяса, а удивляетъ, напротивъ, то, что были и есть люди, которые, имѣя столько средствъ пропитанія зернами, овощами и плодами, могли рѣшиться на то, чтобы поймать живое существо, зарѣзать его и съѣсть.

5. Тѣло, если оно только одно тѣло, какъ это бываетъ у младенца, бываетъ неприхотливо и всегда довольно тѣмъ, что ему дадутъ. Но когда въ тѣлѣ зародился разумъ, но онъ еще такъ слабъ, что не успѣлъ покорить

себѣ тѣло, тогда тѣло становится прихотливымъ и всегда недовольнымъ и требующимъ все большаго и большаго.

IX

1. Самый радостный трудъ—это трудъ земледѣльческій.

2. Какая самая лучшая пища? Та, какую вы сами заработали.

Магометъ.

3. Несправедливо брать отъ людей больше того труда, какой даешь имъ. Но такъ какъ никакъ нельзя взвѣсить, больше ли ты даешь другимъ или больше берешь отъ нихъ, и, кромѣ того, всякій часъ ты можешь обезсилѣть, заболѣть, и придется брать, а не давать, то, чтобы не быть несправедливымъ, старайся, пока есть силы, больше давать и меньше брать.

4. Всякій неработающій человѣкъ—негодяй. И потому хорошо всякому человѣку умѣть работать. Это нужно бѣдному для то-

го, чтобы кормиться; а богатому для того, чтобы не чувствовать себя всегда виноватымъ.

По Руссо.

5. Одно изъ преимуществъ трудовой жизни передъ праздностью—это твердость мыслей рабочаго человѣка передъ безсвязностью и легкостью мыслей людей праздныхъ.

Часто люди считаютъ, что только женщины должны стряпать, шить, стирать, нянчить дѣтей, а что дѣлать это мужчинѣ—стыдно. А между тѣмъ, напротивъ, стыдно мужчинѣ, часто не занятому, проводить время за пустяками или ничего не дѣлать въ то время, какъ усталая, часто слабая, беременная женщина черезъ силу стряпаетъ, стираетъ или нянчить.

Х

1. Влеченіе мужчины къ женщинѣ и женщины къ мужчинѣ вложено для великаго дѣла: продолженія рода. И потому думать, что чувство это дано людямъ для ихъ удовольствія—большая ошибка, грѣхъ.

2. Какъ въ пищѣ людямъ приходится въ воздержаніи учиться у животныхъ: ѣсть только, когда голоденъ, и не переѣдать, когда сытъ, такъ приходится людямъ и въ половомъ общеніи учиться у животныхъ: такъ же, какъ животныя, воздерживаться до полной зрѣлости, приступать къ общенію только, когда неудержимо влечешься къ нему, и удаляться отъ него, какъ только достигнуты послѣдствія: зарожденіе ребенка.

3. Подумайте 10, 20, 100 разъ, прежде чѣмъ жениться. Связать свою жизнь съ жизнью другого человѣка—важное дѣло, отъ котораго можетъ быть много страданія и зла для обоихъ. Жениться и выходить замужъ можно не тогда, когда этого хочешь, а только тогда, когда не можешь поступить иначе.

4. Я никогда не слыхалъ, чтобы мужчины, прожившіе жизнь холостыми, и женщины, не вышедшія замужъ, каялись бы въ томъ, что не женились. А сколько женившихся людей жалѣютъ о томъ, что не воздержались отъ брака.

5. Что же дѣлать: жена, дѣти, говорятъ обыкновенно люди, когда признаютъ, что живутъ не такъ, какъ бы слѣдовало.

И потому женитьба только тогда не зло, когда изъ-за нея не вынуждены дѣлать не должнаго.

XI.

1. Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ (Исходъ, 21, 24). А Я говорю вамъ: не противься злему. Но кто ударить тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую. И кто захочетъ судиться съ тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудилъ тебя итти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два.

Мѡ. V, 38—41.

2. Если одинъ человѣкъ можетъ рѣшить, что для добра многихъ надо сдѣлать злое другому, то этотъ другой человѣкъ можетъ точно такъ же рѣшить, что для добра многихъ надо сдѣлать зло тому первому, и такъ всѣ будутъ дѣлать зло другъ другу и считать себя правыми,—то самое, что и дѣлается теперь въ нашемъ мірѣ.

3. Ничѣмъ нельзя смягчить нашего гнѣва, даже справедливаго, такъ быстро, какъ сказавши гнѣвающемуся про того, на кого онъ гнѣвается: „да вѣдь онъ — несчастный!“ Что дождь для огня, то и состраданіе для гнѣва. Пусть всякій человѣкъ, воспылавъ гнѣвомъ противъ другого человѣка и задумавъ причинить ему страданіе, — живо представитъ себѣ, что онъ уже сдѣлалъ это, и видитъ теперь его страдающимъ духовно или тѣлесно, и можетъ сказать себѣ: это дѣло моихъ рукъ. Если не другое что, то это вѣрнѣе всего потушить всякій его гнѣвъ.

Шопенгауэръ.

4. Бываютъ такіе люди, которые всегда чѣмъ-нибудь заняты, и всегда рады случаю оборвать, обругать того, кто къ нимъ обратится за какимъ-нибудь дѣломъ, всегда во всемъ видятъ одно дурное. Такіе люди бываютъ очень непріятны. Но надо помнить, что они очень несчастны, не зная радости добраго расположенія духа, и потому надо не сердиться на нихъ, а жалѣть ихъ.

5. Жалко человѣка, когда онъ раздѣтъ, холоденъ, и голоденъ, но во сколько разъ больше надо жалѣть человѣка, если онъ обман-

щикъ, пьяница, воръ, грабитель, убійца. Тотъ человѣкъ страдаетъ тѣломъ, а этотъ тѣмъ, что дороже всего на свѣтѣ—душою.

Хорошо пожалѣть бѣднаго и помочь ему, но самое хорошее то, чтобы не осудить развратнаго, а пожалѣть его и помочь ему.

ХП.

1. Настоящее я человѣка духовно. И это я одно во всѣхъ. Такъ какъ же могутъ быть неравны между собою люди?

2. Главное дѣло жизни въ улучшеніи своей души. Гордый же человѣкъ считаетъ себя вполне хорошимъ. Какъ же ему дѣлаться лучше, если онъ и такъ хорошъ. Отъ этого-то гордость особенно вредна. Она мѣшаетъ человѣку въ главномъ дѣлѣ жизни, въ томъ, чтобы становиться лучше.

3. Если человѣкъ любить только себя, то онъ непременно придетъ къ гордости.

Гордость это только любовь къ одному себѣ.

4. Мы часто судимъ о людяхъ: одного называемъ добрымъ, другого злымъ, одного глупымъ, другого умнымъ. А этого нельзя дѣлать: человѣкъ течетъ какъ рѣка. Онъ каждый день тотъ же и не тотъ же: былъ глупъ, сталъ уменъ; былъ золъ, сталъ добръ, и наоборотъ. Нельзя судить человѣка. Какой онъ? Ты осудилъ, а онъ уже другой.

5. Соблазнъ гордости можетъ быть уничтоженъ только признаніемъ единства духа, живущаго во всѣхъ людяхъ. Понявши это, человѣкъ не можетъ считать ни себя ни своихъ близкихъ выше, лучше другихъ людей.

6. Чѣмъ легче и менѣе плотно вещество, тѣмъ болѣе оно занимаетъ мѣста. Такъ же и гордость.

ХІІІ.

1. Человѣкъ долженъ служить одному изъ двухъ: Богу или себѣ. Если Богу, то онъ долженъ бороться съ грѣхомъ. Если себѣ, то незачѣмъ ему бороться съ грѣхами. Ему

нужно дѣлать только то, что принято дѣлать всѣми.

2. Выгода служенія Богу передъ служеніемъ людямъ та, что передъ людьми невольно хочешь выказаться въ лучшемъ свѣтѣ и огорчаешься, когда тебя выставляютъ въ дурномъ. Передъ Богомъ ничего этого нѣтъ. Онъ знаетъ тебя, каковъ ты, и передъ Нимъ никто тебя ни восхвалить, ни оклеветать не можетъ, такъ что тебѣ не нужно стараться казаться, а нужно только быть лучше.

3. Хорошо быть руганнымъ, но еще лучше быть полезнымъ. И обѣ вещи сходятся. Если для блага людей будешь обличать ихъ, будешь и руганъ, будешь и полезенъ.

4. Мы можемъ получать большую пользу отъ осужденій, и тѣмъ большую, чѣмъ больше осужденіе проникнуто злобой. Какъ сѣрная кислота, которая выѣдаетъ грязь во всѣхъ закоулкахъ, такъ и злобное осужденіе подмѣчаетъ и выставляетъ все то гадкое, что есть въ насъ. Самъ не замѣтилъ бы, а злобное осужденіе открываетъ тебѣ твои слабости.

Да, какъ вредна всегда похвала, такъ полезно осужденіе, когда хочешь и умѣешь вос-

пользоваться всегда имъ.

5. Мудрый человѣкъ огорчается своимъ безсиліемъ сдѣлать то добро, котораго онъ желаетъ, но не огорчается тѣмъ, что люди не знаютъ его или ложно судятъ о немъ.

К и т а й с к а я м у д р о с т ь .

XIV.

1. Куда дѣнется нищета, если каждый будетъ искать, прежде всего, царствія Божія и правды Его? То-есть, если, добровольно покоряясь закону Бога, каждый будетъ стремиться къ добросовѣстному исполненію обязанностей, налагаемыхъ этимъ закономъ?

Нищета—дочь несправедливости, любостыжанія, преступнаго презрѣнія къ священнымъ обязанностямъ человѣчества. Совѣсть же наша такъ помрачена, что мы привыкли даже считать нищету необходимымъ условіемъ порядка жизни. Итакъ, да придетъ Царствіе Твое, Господи; да будетъ законъ Твой закономъ обновленія міра; да не будетъ нагота удѣломъ трехъ четвертей человѣческаго рода; да будетъ мръ не жилищемъ ожесточенныхъ.

и вредящихъ другъ другу враговъ, а жилищемъ братьевъ, всегда готовыхъ на помощь другъ другу. Умножаясь ежедневно, да сплотятся сыны Божіи для уничтоженія зла, для низложенія храма сатаны и для построенія Бога изъ его развалинъ истиннаго храма.

Л а м е н э.

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО.

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО.

Итакъ во всемъ какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними, ибо въ этомъ законъ и пророки.

(Мѳ. VII, 12).

I.

Рабочаго народа во всемъ мѣрѣ больше миллиарда, тысячи миллионовъ людей. Весь хлѣбъ, всѣ товары всего мѣра, все, чѣмъ живутъ и чѣмъ богаты люди, все это дѣлаетъ рабочій народъ. Но пользуются всѣмъ тѣмъ, что онъ производитъ, не онъ, а правительство и богачи. Рабочій же народъ живетъ въ постоянной нуждѣ, невѣжествѣ, неволѣ и презрѣніи у тѣхъ самыхъ, кого онъ одѣваетъ, кормитъ, обстраиваетъ и обслуживаетъ.

Земля отнята у него и считается собственностью тѣхъ, кто на ней не работаетъ; такъ что, для того, чтобы кормиться съ нея, рабочій долженъ дѣлать все то, что отъ него требуютъ владѣльцы земли. Если же рабочій уходитъ съ земли и идетъ въ прислуги, на заводы, фабрики, то попадаетъ въ неволю къ богачамъ, у которыхъ долженъ всю жизнь по 10, 12 и 14 и больше часовъ работать чужую, однообразную, скучную и часто губительную для жизни работу. Если же онъ и сумѣетъ устроиться на землѣ или на чужой работѣ такъ, чтобы безъ нужды кормиться, то его не оставятъ въ покоѣ, а потребуютъ съ него подати и, кромѣ того, еще самого на 3, 4, 5 лѣтъ возьмутъ въ солдаты или заставятъ платить особья подати на военное дѣло. Если же онъ захочетъ пользоваться землею, не платя за нее, или устроить стачку и захочетъ помѣшать другимъ рабочимъ занять его мѣсто, или откажется платить подати, то на него высылаютъ войска, ранятъ и убиваютъ его и силой заставляютъ работать и платить попрежнему.

Такъ что живутъ рабочіе люди во всемъ мірѣ не какъ люди, а какъ рабочій скотъ, котораго заставляютъ всю жизнь дѣлать то, что нужно не ему, а его угнетателямъ, и

даютъ ему за это пищи, одежды и отдыха только ровно столько, сколько нужно, чтобы онъ, не переставая, работалъ. Та же малая часть людей, которая властвуетъ надъ рабочимъ народомъ, пользуясь всѣмъ тѣмъ, что производитъ народъ, живетъ въ праздности и безумной роскоши, бесполезно и безнравственно тратя труды миллионовъ.

И такъ живутъ большинство людей во всемъ мѣрѣ, не въ одной Россіи, а и во Франціи, и въ Германіи, и въ Англии, и въ Китаѣ, и въ Индіи, и въ Африкѣ—вездѣ. Кто виноватъ въ этомъ? И какъ поправить это? Одни говорятъ, что виноваты въ этомъ тѣ, кто, не работая на землѣ, владѣютъ ею, и что надо отдать землю рабочему народу; другіе говорятъ, что виноваты въ этомъ богачи, владѣющіе орудіями труда, т. е. фабриками и заводами, и что надо, чтобы фабрики и заводы были собственностью рабочихъ; третьи говорятъ, что виновато все устройство жизни, и что надо совершенно измѣнить это устройство.

Правда ли это?

II.

Лѣтъ пять тому назадъ, во время коронаціи Николая II, въ Москвѣ народу было обѣщано даровое угощеніе виномъ, пивомъ и закусками. Народъ двинулся къ тому мѣсту, гдѣ раздавалось угощеніе, и сдѣлалась давка. Переднихъ сбили съ ногъ задніе, а заднихъ давили еще задніе, и ни тѣ, ни другіе, не видя того, что дѣлалось впереди, толкали и давили другъ друга. Слабыхъ сбивали съ ногъ сильные, а потомъ и сами сильные задыхались отъ тѣсноты и духоты, падали, и ихъ топтали тѣ, которыхъ тѣснили сзади и которые не могли уже остановиться. II такъ до смерти задавили нѣсколько тысячъ чловѣкъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ.

Когда все кончилось, начали люди разсуждать о томъ, кто былъ виноватъ въ этомъ. Одни говорили, что виновата полиція; другіе говорили, что виноваты распорядители; третьи говорили, что виноватъ царь, устроившій глупую затѣю празднества. Всѣхъ винили, но только не самихъ себя. А казалось бы ясно, что были виноваты только тѣ люди, которые, изъ-за того, чтобы получить прежде другихъ

горсть пряниковъ и кружку вина, лѣзли впередъ, не обращая вниманія на другихъ, толкали и давили ихъ.

Развѣ не то же самое съ рабочимъ народомъ? Рабочіе замучены, раздавлены, обращены въ рабство только потому, что изъ-за ничтожныхъ выгодъ они сами губятъ жизни свои и своихъ братьевъ. Рабочіе жалуются на землевладѣльцевъ, на правительство, на фабрикантовъ, на войско.

Но вѣдь землевладѣльцы пользуются землями, правительство собираетъ подати, фабриканты распоряжаются рабочими, и войска подавляютъ стачки только потому, что сами рабочіе не только помогаютъ землевладѣльцамъ, правительству, фабрикантамъ, войскамъ, но сами дѣлаютъ все то, на что жалуются. Вѣдь если землевладѣлецъ можетъ пользоваться тысячами десятинъ земли, не обрабатывая ее самъ, то только потому, что рабочіе изъ-за своихъ выгодъ идутъ и работать къ нему, и служить у него сторожами, объѣздчиками, приказчиками. Точно такъ же и подати собираются правительствомъ съ рабочихъ только потому, что сами рабочіе, льстясь на жалованіе, собираемое съ нихъ же, идутъ въ старосты, старшины, сборщики, полицейскіе, таможенные, пограничную стражу, т. е. помогаютъ прави-

тельству дѣлать то, на что они жалуются. Жалуются еще рабочіе на то, что фабриканты убавляютъ плату и заставляютъ все больше и больше часовъ работать; но и это дѣлается только потому, что сами рабочіе сбиваютъ цѣны другъ у друга и, кромѣ того, нанимаются къ фабрикантамъ въ пріемщики, надсмотрщики, сторожа, старшіе рабочіе и обыскиваютъ, штрафуютъ и всячески въ пользу своего хозяина притѣсняютъ своего брата.

Жалуются, наконецъ, рабочіе на то, что на нихъ высылаютъ войска, если они хотятъ владѣть землею, которую считаютъ своею, не платятъ подати или устраиваютъ стачки.

Но вѣдь войска—это солдаты, а солдаты—это сами рабочіе, которые, кто изъ выгоды, а кто изъ страха, поступаютъ въ военную службу и даютъ противное и совѣсти, и признаваемому ими закону Бога клятвенное обѣщаніе убивать всѣхъ тѣхъ, кого велитъ имъ убивать начальство.

Такъ что всѣ бѣдствія рабочихъ производятъ они сами.

Стоитъ имъ только перестать помогать богачамъ и правительству, и всѣ ихъ бѣдствія уничтожатся сами собой.

Отчего же они продолжаютъ дѣлать то, что губить ихъ?

III.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ сталъ извѣстенъ людямъ законъ Бога о томъ, что должно поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, или, какъ онъ выраженъ у китайскаго мудреца Конфуція, — не дѣлать другимъ того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали.

Законъ этотъ простъ, понятенъ всякому человѣку и, очевидно, даетъ наибольшее доступное людямъ благо. И потому казалось бы, что какъ только люди узнали этотъ законъ, имъ надо бы сейчасъ же, на сколько возможно, самимъ исполнять его и всѣ силы употреблять на то, чтобы обучать этому закону и приучать къ исполненію его молодыя поколѣнія.

Такъ поступать, казалось, должны бы были уже давно всѣ люди, такъ какъ законъ этотъ почти одновременно былъ высказанъ и Конфуціемъ, и еврейскимъ мудрецомъ Гилелемъ, и Христомъ.

Въ особенности, казалось бы, должны были поступать такъ люди нашего христіанскаго міра, признающіе главнымъ божественнымъ откровеніемъ то Евангеліе, въ которомъ прямо сказано, что въ этомъ законѣ весь законъ и пророки, т. е. все нужное людямъ ученіе.

А между тѣмъ прошло почти 2000 лѣтъ, и люди не только не исполняютъ этого закона и не учатъ ему дѣтей, но большею частью и сами не знаютъ его, а если и знаютъ, считаютъ его или ненужнымъ, или неисполнимымъ.

Сначала это кажется страннымъ, но когда подумаешь о томъ, какъ жили люди до открытія этого закона и какъ долго они жили такъ, и о томъ, какъ несогласенъ этотъ законъ съ сложившейся жизнью человѣчества, то начинаешь понимать, отъ чего это случилось.

Случилось это отъ того, что, пока люди не знали закона о томъ, что для блага всѣхъ каждому должно дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, каждый человѣкъ старался для своей выгоды забрать себѣ какъ можно больше власти надъ другими людьми. Забравъ же такую власть, каждый для того, чтобы безпрепятственно пользоваться

ею, долженъ былъ въ свою очередь покоряться тѣмъ, которые были сильнѣе его, и помогать имъ. Эти же сильные должны были въ свою очередь покоряться тѣмъ, которые были сильнѣе ихъ, и помогать имъ.

Такъ что въ обществахъ, не знавшихъ закона о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобою, всегда малое число людей властвовало надъ всѣми остальными.

И потому понятно, что когда законъ этотъ былъ открытъ людямъ, то властвующее надъ остальными малое число не только не пожелало для себя принять этотъ законъ, но и не могло желать, чтобы люди, надъ которыми оно властвовало, узнали и приняли его.

Малое число властвующихъ людей знало и знаетъ очень хорошо, что власть его держалась и держится только на томъ, что всѣ тѣ, надъ кѣмъ оно властвовало, постоянно борются между собою, стараясь подчинить себѣ другъ друга. И потому употребило и всегда употребляетъ теперь всѣ зависящія отъ него средства, чтобы скрыть существованіе этого закона отъ подчиненныхъ.

Скрываютъ они этотъ законъ не тѣмъ, что отрицаютъ его, что и невозможно, такъ законъ ясенъ и простъ,—а тѣмъ, что выстав-

ляютъ сотни, тысячи другихъ законовъ, признавая ихъ болѣе важными и обязательными, чѣмъ законъ о дѣланіи другому того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали.

Одни изъ этихъ людей—жрецы—проповѣдуютъ сотни церковныхъ догматовъ, обрядовъ, жертвоприношеній, молитвословій, не имѣющихъ ничего общаго съ закономъ о томъ, чтобы поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, — выдавая ихъ за самые важные законы Бога, неисполненіе которыхъ влечетъ за собой вѣчную погибель.

Другіе—правители, усвоивъ придуманное жрецами ученіе и принимая его за законъ, устанавливаютъ на основаніи его уже прямо противоположныя закону взаимности государственныя постановленія и подъ угрозой наказанія требуютъ отъ всѣхъ людей исполненія ихъ.

Третьи, наконецъ,—ученые и богатые, не признавая ни Бога, ни какого-либо обязательнаго закона Его, учатъ тому, что есть только наука и ея законы, которые они, ученые, открываютъ, а богатые знаютъ, и что для того, чтобы всѣмъ стало хорошо, нужно посредствомъ школъ, лекцій, театровъ, концертовъ, галлерей, собраній научиться той самой празд-

ной жизни, которою живутъ ученые и богатые, и тогда будто бы само собою уничтожится все то зло, отъ котораго страдаютъ рабочіе.

И тѣ, и другіе, и третьи не отрицаютъ самаго закона, но выставляютъ рядомъ съ нимъ такое количество всякаго рода богословскихъ, государственныхъ и научныхъ законовъ, что среди нихъ не только становится незамѣтнымъ, но совершенно исчезаетъ тотъ простой, ясный и всѣмъ доступный законъ Бога, исполненіе котораго несомнѣнно избавляетъ большинство людей отъ ихъ страданій.

Вотъ отъ этого-то и произошло и происходитъ то удивительное дѣло, что рабочіе люди, задавленные правительствомъ и богачами, продолжаютъ поколѣнія за поколѣніями губить свои жизни и жизни своихъ братьевъ и, прибѣгая для облегченія своего положенія къ самымъ сложнымъ, хитрымъ и труднымъ средствамъ, какъ молитвы, жертвоприношенія, покорное исполненіе государственныхъ требованій, союзы, кассы, собранія, стачки, революціи,—не прибѣгаютъ только къ тому единственному средству—исполненію закона Бога, которое навѣрное избавляетъ ихъ отъ ихъ бѣдствій.

IV.

„Но неужели въ такомъ простомъ и короткомъ изреченіи о томъ, что людямъ надо поступать съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними, заключается весь законъ Бога и все руководство жизни человѣческой?“ — скажутъ люди, привыкше къ сложности и запутанности богословскихъ, государственныхъ и научныхъ разсужденій.

Такимъ людямъ кажется, что законъ Бога и руководство жизни человѣческой должно выражаться въ пространныхъ, сложныхъ теоріяхъ и потому не можетъ быть все выражено въ такомъ краткомъ и простомъ изреченіи.

Дѣйствительно, законъ о томъ, чтобы дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, очень коротокъ и простъ, но именно эта-то краткость и простота его и показываютъ то, что это законъ истинный, несомнѣнный, вѣчный и благой, законъ Бога, выработанный тысячелѣтней жизнью всего человечества, а не произведеніе одного человека или одного кружка людей, называющаго себя церковью, государствомъ или наукой.

Богословскія разсужденія о паденіи перва-

го человека, объ его искупленіи, о второмъ пришествіи, или государственныя и научныя разсужденія о парламентахъ, верховной власти, о теоріи наказанія, собственности, цѣнности, о классификаціи наукъ, естественномъ подборѣ и т. п. могутъ быть очень остроумны и глубокомысленны, но всегда доступны только малому числу людей. Законъ же о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, доступенъ всѣмъ людямъ безъ различія породы, вѣры, образованія, даже возраста.

Кромѣ того, богословскія, государственныя, научныя разсужденія, считаясь истиной въ одномъ мѣстѣ и въ одно время, считаются ложью въ другомъ мѣстѣ и въ другое время; законъ же о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой, вездѣ, гдѣ только извѣстенъ, одинаково считается истиной и не можетъ перестать быть истиной для тѣхъ, кто разъ узналъ его.

Главное же различіе этого закона отъ всѣхъ другихъ и главное его преимущество то, что всѣ законы богословскіе, государственные, научные—не только не умиротворяютъ людей и не даютъ имъ блага, но часто именно они-то и производятъ величайшую вражду и страданія.

Законъ же о томъ, чтобы дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, или не дѣлать другимъ, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, не можетъ произвести ничего кромѣ согласія и блага. И потому выводы изъ этого закона безконечно благодѣтельны и разнообразны, опредѣляя всевозможныя отношенія людей между собою и вездѣ замѣняя разногласіе и борьбу согласіемъ и взаимнымъ служеніемъ. Только бы люди, освободившись отъ обмановъ, скрывающихъ отъ нихъ этотъ законъ, признали бы обязательность его и стали разрабатывать всѣ примѣненія его къ жизни, и явилась бы, отсутствующая теперь, общая для всѣхъ людей и самая важная въ мірѣ наука о томъ, какъ должны разрѣшаться на основаніи этого закона всѣ столкновенія, какъ отдѣльныхъ людей между собою, такъ и отдѣльныхъ лицъ съ обществомъ. А была бы основана эта отсутствующая теперь наука, разрабатывалась бы она, и обучались бы ей всѣ взрослые и дѣти, какъ теперь они обучаются вреднымъ суевѣріямъ и часто бесполезнымъ или вреднымъ наукамъ, то измѣнилась бы и вся жизнь людей и въ томъ числѣ и тѣ тяжелыя условія жизни, въ которыхъ живетъ теперь огромное большинство ихъ.

V.

Въ библейскомъ преданіи говорится, что Богъ далъ еще гораздо прежде закона о недѣланіи другимъ того, что не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, — свой законъ людямъ.

Въ законѣ этомъ была заповѣдь: „не убій“. Заповѣдь эта для своего времени была такъ же значительна и такъ же плодотворна, какъ и позднѣйшая заповѣдь о недѣланіи другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, но съ нею случилось то же, что и съ этой позднѣйшей заповѣдью. Она не была прямо отвергнута людьми, но такъ же, какъ и позднѣйшая заповѣдь взаимности, затеряна среди другихъ правилъ и постановленій, признанныхъ одинаково или еще болѣе важными, чѣмъ законъ о ненарушимости жизни человѣческой. Если бы эта заповѣдь была одна, и Моисей, по преданію, принесъ бы на скрижаляхъ, какъ единый законъ Бога, только два слова „не убій“, люди должны бы были признать ничѣмъ не замѣнимую обязательность исполненія этого закона. А признай только люди этотъ законъ главнымъ и единственнымъ закономъ Бога и строго исполняй

его, хоть такъ же строго, какъ нѣкоторые исполняютъ теперь празднованіе субботы, почитаніе иконъ, причащеніе, неядѣніе свинины и т. п., то измѣнилась бы вся жизнь человѣческая, не были бы возможны ни войны, ни рабство, ни отнятіе земли богатыми отъ бѣдныхъ, ни обладаніе произведеніями труда многихъ, потому что все это держится только на возможности или на угрозѣ убійства.

Такъ бы было, если бы законъ „не убій“ былъ признанъ единственнымъ закономъ Бога. Когда же, наравнѣ съ этимъ закономъ, были признаны столь же важными заповѣди о днѣ субботнемъ, о произнесеніи имени Бога и другія, то естественно возникли и еще новыя постановленія жрецовъ, признанныя также одинаково важными, и единый величайшій законъ Бога: „не убій“, который измѣнялъ всю жизнь людей, потонулъ среди нихъ и сталъ не только не всегда обязательнымъ, но найдены были случаи, когда можно было поступать совершенно противно ему, такъ что законъ этотъ и до сего дня не получилъ своего собственнаго ему значенія.

То же самое случилось и съ закономъ о томъ, чтобы поступать съ другими такъ же, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой.

Такъ что главное зло, отъ котораго стра-

даютъ люди, уже давно не въ томъ, что они не знаютъ истиннаго закона Бога, а въ томъ, что люди, которымъ невыгодно знаніе и исполненіе истиннаго закона, будучи не въ силахъ уничтожить или опровергнуть его, придумываютъ „постановленіе на постановленіе, правило на правило“, какъ говоритъ Исаія, и выдаютъ ихъ за столь же или еще болѣе обязательные законы, чѣмъ истинные законы Бога. И потому единственное, что нужно теперь для избавленія людей отъ ихъ страданій, это то, чтобы они освободились отъ всѣхъ богословскихъ, государственныхъ и научныхъ разсужденій, выдаваемыхъ за обязательные законы жизни, и, освободившись, естественно признали для себя болѣе обязательнымъ, чѣмъ всѣ другіе постановленія и законы, тотъ истинный, вѣчный законъ Бога, который уже извѣстенъ имъ и даетъ не нѣкоторымъ только, но всѣмъ людямъ наибольшее возможное въ общественной жизни благо.

VI.

„Но“ — скажутъ нѣкоторые, — „какъ ни справедливъ самъ по себѣ законъ о томъ, чтобы дѣлать другимъ только то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, онъ не можетъ быть одинъ примѣненъ ко всѣмъ случаямъ жизни. Признай только люди этотъ законъ обязательнымъ всегда, безъ всякихъ исключеній, они должны будутъ признать недопустимымъ употребленіе всякаго насилія однихъ людей надъ другими, такъ какъ ни одинъ человѣкъ не желаетъ того, чтобы надъ нимъ было произведено насиліе. А безъ насилія надъ нѣкоторыми людьми не можетъ быть обезпечена личность, не можетъ быть ограждена собственность, не можетъ быть защищено отечество, не можетъ быть поддержанъ существующій порядокъ“.

Богъ говоритъ людямъ: „для того, чтобы вамъ всѣмъ вездѣ и всегда было хорошо, исполняйте мой законъ о томъ, чтобы дѣлать другимъ то, что хотите, чтобы вамъ дѣлали“.

Люди же, устроившіе извѣстный порядокъ въ 1901 году въ Англии, Германіи, Франціи, Россіи,—говорятъ: „какъ бы не было хуже

отъ того, что мы станемъ исполнять законъ Бога, данный намъ для нашего блага“.

Законъ, составленный собраніемъ людей, какъ бы онъ ни былъ страненъ и какими бы плохими людьми онъ ни былъ составленъ,—мы принимаемъ и не боимся исполнять; а законъ, не только согласный съ разумомъ и совѣстью, но прямо выраженный въ книгѣ, которую мы признаемъ откровеніемъ Бога, мы боимся исполнять: какъ бы не случилось отъ этого худого? не произошелъ бы безпорядокъ?

Развѣ не очевидно, что люди, говорящіе и думающіе такъ, говорятъ не о порядкѣ, а о томъ безпорядкѣ, въ которомъ они живутъ и который для нихъ выгоденъ?

Порядокъ по ихъ понятію — это такое положеніе, при которомъ они могутъ поѣдать жизни другихъ людей; безпорядокъ же—это то, когда поѣдаемые люди желаютъ, чтобы ихъ перестали ѣсть.

Такія разсужденія показываютъ только то, что люди малаго числа властвующихъ чувствуютъ большей частью безсознательно, что признаніе закона о дѣланіи другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, и исполненіе его людьми не только разрушаетъ ихъ выгодное общественное положеніе, но и обличаетъ

всю ихъ безнравственность и жестокость. Люди эти не могутъ разсуждать иначе.

Но рабочимъ, согнаннымъ съ земли, задавленнымъ податями, загнаннымъ на каторжную работу фабрикъ, передѣланнымъ въ рабовъ-солдатъ, которые мучаютъ самихъ себя и своихъ братьевъ, пора понять, что только вѣра въ законъ Бога и исполненіе его избавятъ ихъ отъ ихъ страданій.

Неисполненіе этого закона и все увеличивающіяся и увеличивающіяся отъ этого бѣдствія сами толкаютъ ихъ къ этому. Рабочимъ уже пора почувствовать, что спасеніе ихъ только въ этомъ, что стоитъ имъ только начать исполнять законъ взаимности, и положеніе ихъ тотчасъ же улучшится, — улучшится въ той мѣрѣ, въ которой будетъ увеличиваться число людей, поступающихъ съ другими такъ, какъ они хотятъ, чтобы поступали съ ними.

И это не слова, не отвлеченныя разсужденія, какъ религіозныя, государственныя, социалистическія, научныя теоріи, а дѣйствительное средство освобожденія.

Разсужденія и обѣщанія богословскія, государственныя и научныя сулятъ блага рабочимъ, одни на томъ свѣтѣ, другіе на этомъ, но въ далекомъ будущемъ, когда сгніютъ кости тѣхъ, которые живутъ и страдаютъ

теперь; исполненіе же закона о дѣланіи другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, сейчасъ же несомнѣнно улучшаетъ положеніе рабочихъ.

Если бы всѣ рабочіе и не видѣли ясно того, что работами на земляхъ капиталистовъ и на ихъ фабрикахъ они даютъ капиталистамъ возможность пользоваться произведеніями труда своихъ братьевъ и потому нарушаютъ этимъ законъ взаимности, или если бы и видѣли, но по нуждѣ не имѣли бы силъ отказаться отъ такой работы, то все-таки воздержаніе отъ такихъ работъ, хотя и нѣкоторыхъ, затруднивъ капиталистовъ, улучшило бы сейчасъ же общее положеніе рабочихъ. Воздержаніе же отъ прямого участія въ дѣятельности капиталистовъ и правительства въ должностяхъ надсмотрщиковъ, приказчиковъ, сборщиковъ податей, таможенныхъ и другихъ, явно противныхъ закону взаимности, еще болѣе улучшило бы положеніе рабочихъ, если бы даже и не всѣ были въ силахъ воздержаться отъ такой дѣятельности. Отказъ же рабочихъ отъ участія въ войскахъ, имѣющихъ цѣлью убійство—поступокъ самый противный закону взаимности,— въ послѣднее время все чаще и чаще направляемыхъ противъ рабочихъ, уже совершенно измѣнилъ бы къ

лучшему все положеніе рабочихъ.

VII.

Законъ Бога не потому законъ Бога, что онъ, какъ всегда увѣряютъ жрецы про свои законы, чудеснымъ образомъ произнесенъ самимъ Богомъ, а потому, что онъ безошибочно и очевидно указываетъ людямъ на тотъ путь, идя по которому они навѣрное избавляются отъ своихъ страданій и навѣрное получаютъ наибольшее внутреннее — духовное и внѣшнее — тѣлесное благо и получаютъ не одни какіе-либо избранные, а все люди безъ всякаго исключенія.

Таковъ законъ Бога о томъ, чтобы поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой. Онъ показываетъ людямъ, что, исполняя его, они навѣрное получаютъ внутреннее духовное благо сознанія согласія съ волей Бога и увеличенія любви въ себѣ и въ другихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и въ общественной жизни наибольшее доступное имъ вѣрное благо; — отступая же отъ него, навѣрное ухудшаютъ свое положеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, всякому человѣку, не участвующему въ борьбѣ людей между собою, но наблюдающему жизнь извнѣ, очевидно, что борющіеся между собой люди поступаютъ совершенно такъ же, какъ игроки, отдающіе свою вѣрную, хотя и небольшую собственность за очень сомнительную возможность ея увеличения.

Улучшить ли свое положеніе рабочій, сбившій цѣну съ работы товарищей или пошедшій на службу богачамъ, или поступившій на военную службу, — такъ же сомнительно, какъ и то, что выиграетъ игрокъ, ставящій свою ставку.

Могутъ быть тысячи случайностей, по которымъ положеніе его останется такимъ же или станетъ еще хуже, чѣмъ было. То же, что его согласіе работать дешевле или готовность служить капиталистамъ и правительству ухудшитъ хотя немного положеніе всѣхъ рабочихъ и его вмѣстѣ съ другими, это уже несомнѣнно, такъ же несомнѣнно, какъ и то, что игрокъ навѣрное лишается той ставки, которой онъ рискуетъ.

Для человѣка, не участвующаго въ борьбѣ, но наблюдающаго жизнь, очевидно, что какъ въ азартныхъ играхъ, лоттерейхъ, биржѣхъ наживаются только содержатели игорныхъ до-

мовъ, лоттерей, маклерскихъ конторъ, а разоряются всѣ играющіе, такъ и въ жизни наживаются только правительства, богачи, вообще угнетатели; всѣ же рабочіе, которые въ надеждѣ улучшить свое положеніе отступаютъ отъ закона взаимности, только ухудшаютъ положеніе всѣхъ рабочихъ и потому и свое вмѣстѣ со всѣми.

Законъ Бога потому и законъ Бога, что онъ опредѣляетъ положеніе человѣка въ мірѣ, показывая ему то лучшее, что онъ можетъ сдѣлать, находясь въ этомъ положеніи, какъ для своей духовной, такъ и для плотской жизни.

„И не заботьтесь“ — говорится въ евангеліи въ объясненіе этого закона — „и не говорите, что намъ ѣсть и что намъ пить и во что одѣться. Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду во всемъ этомъ. Ищите Царствія Божія и правды Его, и все это приложится вамъ“. И это не слова, а разъясненіе истиннаго положенія человѣка въ мірѣ.

Если только человѣкъ дѣлаетъ то, чего хочетъ отъ него Богъ, исполняетъ Его законъ, то и Богъ сдѣлаетъ для него все, что ему нужно. Такъ что законъ о томъ, чтобы дѣлать другому то, что ты хочешь, чтобы тебѣ дѣ-

лали, относится и къ Богу.

Для того чтобы Онъ дѣлалъ для насъ то, что мы хотимъ, мы должны дѣлать для Него то, чего Онъ отъ насъ хочетъ. Онъ же хочетъ отъ насъ того, чтобы мы поступали съ другими такъ же, какъ бы мы желали, чтобы поступали съ нами.

Разница только въ томъ, что то, чего Онъ отъ насъ хочетъ, нужно не для Него, а для насъ же, давая намъ высшее доступное намъ благо.

УШ.

Рабочіе должны сами очиститься для того, чтобы правительства и богачи перестали поѣдать ихъ жизни.

Нечистъ заводится только на грязномъ тѣлѣ и питается чужимъ тѣломъ только до тѣхъ поръ, пока оно нечисто. И потому для избавленія рабочихъ отъ ихъ бѣдствій есть только одно средство: очищеніе себя. Для очищенія же себя нужно освобожденіе отъ суевѣрій богословскихъ, государственныхъ и научныхъ и вѣра въ Бога и законъ Его.

Въ этомъ единственное средство избавленія..

А то встрѣчаешь или цивилизованнаго, или простого, малограмотнаго рабочаго. Оба полны негодованія противъ существующаго порядка вещей. Цивилизованный рабочій не вѣрить ни въ Бога, ни въ законъ Его, но знаетъ Маркса, Лассаля, слѣдитъ за дѣятельностью Бебелей, Жоресовъ въ парламентахъ и произноситъ прекрасныя рѣчи о несправедливости захвата земли, орудій труда, передачи имущества по наслѣдству и т. п.

Необразованный же рабочій, хотя и не знаетъ теорій и вѣрить въ троицу, искупленіе и т. п., но также возмущенъ противъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ, и считаетъ неправильнымъ все существующее устройство. А дайте этимъ рабочимъ, ученому и неученому, возможность улучшить свое положеніе тѣмъ, чтобы, производя какіе-либо предметы дешевле другихъ, хотя бы это и разоряло десятки, сотни, тысячи собратьевъ, или возможность поступить къ капиталисту на должность, дающую ему большое жалованіе, или купить землю и самому завести заведеніе съ наемнымъ трудомъ, и 999 изъ тысячи, не задумываясь, сдѣлаютъ это и будутъ защищать свои земельныя права или права нанимателей часто еще ретивѣе, чѣмъ прирожденные землевладѣльцы и капиталисты.

О томъ же, что ихъ участіе въ убійствѣ, т. е. военной службѣ, или въ податяхъ, назначенныхъ на содержаніе войскъ, есть поступокъ не только нравственно дурной, но и самый губительный для ихъ собратьевъ и для нихъ же,—тотъ самый, который составляетъ основу ихъ рабства,—объ этомъ никто изъ нихъ и не думаетъ, и всѣ или охотно даютъ подать на войско, или сами идутъ въ солдаты, считая такой поступокъ совершенно естественнымъ.

Развѣ возможно, чтобы изъ такихъ людей сложилось общество иное, чѣмъ то, которое существуетъ теперь?

Рабочіе обвиняютъ въ своемъ положеніи жадность и жестокость землевладѣльцевъ, капиталистовъ, насильниковъ; но вѣдь всѣ, или почти всѣ рабочіе, безъ вѣры въ Бога и законъ Его, такіе же, только маленькіе, или неудавшіеся землевладѣльцы, капиталисты и насильники.

Деревенскій малый, нуждаясь въ заработкѣ, приходитъ въ городъ къ земляку, живущему кучеромъ у богатаго купца, и проситъ пристроить его на мѣсто, довольствуясь платой, меньшею обыкновенной. Деревенскій малый готовъ поступить на мѣсто; придя на другой день утромъ, случайно слышалъ въ дворниц-

кой жалобы старика, лишившагося мѣста и не знавшаго, какъ прожить. Малому жалко старика, и онъ отказывается отъ мѣста, не желая сдѣлать другому человѣку то, чего онъ не желалъ, чтобы сдѣлали ему. Или крестьянинъ съ большой семьей поступаетъ на хорошо оплачиваемое мѣсто приказчика къ богатому и строгому помѣщику. Новый приказчикъ чувствуетъ свою семью обезпеченной, радъ мѣсту, но, вступивъ въ должность, ему тотчасъ приходится брать штрафы съ крестьянъ за упушенные въ господскіе луга лошади, ловить бабъ, собирающихъ на топку сучья въ хозяйскомъ лѣсу, приходится уменьшать цѣны рабочихъ и заставлять ихъ работать изъ послѣднихъ силъ. И поступившій на должность приказчика чувствуетъ, что совѣсть его не позволяетъ ему заниматься этимъ дѣломъ, онъ отказывается и, несмотря на жалобы и укоры семьи, остается безъ мѣста и занимается другимъ дѣломъ, дающимъ ему гораздо меньше. Или еще солдатъ, котораго привели съ ротой противъ бунтующихъ рабочихъ и велятъ стрѣлять въ нихъ; онъ отказывается повиноваться и несетъ за это жестокия мученія. Всѣ эти люди поступаютъ такъ потому, что то зло, которое они дѣлаютъ другимъ, видно имъ, и сердце ихъ

прямо говорить имъ, что то, что они дѣлають, противно закону Бога о томъ, чтобы не дѣлать другимъ, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали. Но вѣдь если рабочій сбиваетъ цѣну съ работы и не видитъ тѣхъ, кому онъ дѣлаетъ зло, то зло, которое онъ этимъ дѣлаетъ своимъ братьямъ, отъ этого не меньше. И если рабочій переходитъ на сторону хозяевъ и не видитъ и не чувствуетъ того вреда, который онъ дѣлаетъ своимъ, то вредъ все-таки останется.

То же и съ человѣкомъ, поступающимъ въ военную службу и готовящимся, если это понадобится, убивать своихъ братьевъ. Если онъ не видитъ еще, поступая на службу, кого и какъ онъ будетъ убивать, учась стрѣлять и колоть, ему можно понять, что ему придется это дѣлать. И потому для того, чтобы рабочіе избавились отъ своего угнетенія и рабства, имъ надо воспитать въ себѣ религіозное чувство, запрещающее все то, что ухудшаетъ общее положеніе ихъ братьевъ, хотя бы это ухудшеніе было и незамѣтно имъ. Имъ надо религіозно воздерживаться, какъ воздерживаются теперь люди отъ ѣды свинины, отъ скоромнаго въ посты, отъ работы въ воскресенье и т. п., во-первыхъ, отъ работы у капиталистовъ, если онъ только можетъ про-

жить безъ этого; во-вторыхъ, отъ предложенія работы по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ она установилась; въ-третьихъ, отъ улучшенія своего положенія переходомъ на сторону капиталистовъ, служеніемъ имъ; и, въ-четвертыхъ, главное, отъ участія въ правительственномъ насиліи—будетъ ли это полицейская, таможенная или общая военная служба.

Только такимъ религіознымъ отношеніемъ къ формѣ своей дѣятельности могутъ освободиться рабочіе отъ своего порабощенія.

Если рабочій готовъ изъ выгоды или страха согласиться идти въ организованные убійцы-солдаты, не чувствуя при этомъ угрызения совѣсти, если онъ готовъ спокойно для увеличенія своего благосостоянія лишиться заработка своего болѣе нуждающагося собрата или изъ-за жалованія перейти на сторону угнетателей, помогая имъ въ ихъ дѣятельности, — ему не на что жаловаться.

Каково бы ни было его положеніе, онъ самъ его дѣлаетъ и самъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ угнетеннымъ или угнетателемъ.

И это не можетъ быть иначе. Не вѣря въ Бога и законъ Его, человѣкъ не можетъ не желать получить для себя въ своей короткой жизни какъ можно больше блага, несмотр-

ря на то, какія это будетъ имѣть послѣдствія для другихъ. А какъ только всѣ люди желаютъ каждый себѣ какъ можно больше блага, несмотря на то, что будетъ отъ этого съ другими, то неизбежно, какія бы ни вводились порядки, такіе люди всѣ сложатся въ кучу съ острымъ концомъ (конусомъ), вверху которой будутъ властвующие, а внизу угнетенные.

IX.

Въ евангеліи говорится, что Христось жалѣлъ людей за то, что они были изнурены и разсѣяны, какъ овцы безъ пастыря.

Что бы онъ почувствовалъ и сказалъ теперь, увидавъ людей не только изнуренными и разсѣянными, какъ овцы безъ пастыря, но миллиарды людей во всемъ мірѣ, поколѣнія за поколѣніями губящихъ самихъ себя въ скотской работѣ, въ одуреніи, невѣжествѣ, порокахъ, убивающихъ, мучающихъ другъ друга, несмотря на то, что средство избавленія отъ всѣхъ этихъ бѣдъ уже два тысячелѣтія тому назадъ дано имъ?

Ключъ, отпирающій замокъ той цѣпи, которою скованъ рабочій народъ, положенъ подлѣ него, и ему стоитъ только взять ключъ, отпереть цѣпь и быть свободнымъ. Но рабочіе люди до сихъ поръ не дѣлаютъ этого, а либо, ничего не предпринимая, предаются унынію, либо рвутся, обламывая себѣ плечи, въ надеждѣ прямо оборвать неразрывающуюся цѣпь, или, что еще хуже, поступаютъ, какъ привязанное животное, когда оно бросается на того, кто хочетъ отвязать его, нападаютъ на тѣхъ, которые показываютъ ему на тотъ ключъ, которымъ отпирается замокъ его цѣпи.

Ключъ этотъ есть вѣра въ Бога и законъ Его.

Только когда люди откинуть тѣ суевѣрія, въ которыхъ ихъ старательно воспитываютъ, повѣрятъ въ то, что законъ о томъ, чтобы дѣлать другому то, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, есть главный для нашего времени законъ Бога, повѣрятъ такъ, какъ вѣрятъ теперь въ празднованіе субботы, въ соблюденіе постовъ, въ необходимость богослуженій, причащеній, въ пятикратную молитву или въ исполненіе присяги и т. п., и, повѣривъ такъ, будутъ исполнять этотъ законъ прежде всѣхъ другихъ законовъ и постановленій. — только тогда уничтожится рабство и бѣдственное положеніе рабочихъ.

И потому рабочимъ самимъ надо прежде всего, не жалѣя старыхъ привычекъ и преданій и не боясь гоненій внѣшнихъ отъ церкви и государства и внутренней борьбы съ семейными, смѣло и рѣшительно освободиться отъ ложной вѣры, въ которой ихъ воспитываютъ, больше и больше выяснять себѣ и другимъ, въ особенности молодымъ поколѣніямъ и дѣтямъ, сущность вѣры въ Бога и вытекающаго изъ него закона взаимности и по мѣрѣ силъ слѣдовать ему, хотя бы слѣдованіе ему и представляло временную невыгоду.

Такъ должны поступать сами рабочіе.

Люди же изъ властвующаго меньшинства, которые, пользуясь трудомъ рабочихъ, приобрѣли всѣ выгоды образованія и потому могутъ ясно увидѣть обманы, въ которыхъ держатъ рабочихъ, если они точно хотятъ служить рабочимъ, должны прежде всего и своимъ примѣромъ, и проповѣдью стараться освободить рабочихъ отъ тѣхъ религіозныхъ и государственныхъ обмановъ, въ которыхъ они запутаны, а не дѣлать того, что они дѣлаютъ теперь: оставая, поддерживая и даже усиливая своимъ примѣромъ эти обманы, въ особенности—главные, религіозные, предлагать недѣйствительныя и даже вредныя лѣкарства, которыя не только не избавляютъ рабочихъ

отъ ихъ бѣдствій, но только болѣе и болѣе ухудшаютъ ихъ положеніе.

Скоро ли, когда и гдѣ это осуществится, никто не можетъ сказать. Одно несомнѣнно, что только одно это средство можетъ освободить огромное большинство людей—всѣхъ рабочихъ—отъ ихъ униженій и страданій.

Другого средства нѣтъ и не можетъ быть.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна, 12 іюля 1901 г.

НЕУЖЕЛИ ЭТО ТАКЪ НАДО?

НЕУЖЕЛИ ЭТО ТАКЪ НАДО?

I.

Стоитъ среди полей обнесенный стѣной чугунолитейный заводъ съ непереставая дымящимися огромными трубами, съ гремящими цѣпями, домнами, съ подъездной желѣзной дорогой и раскинутыми домиками завѣдующихъ и рабочихъ. На заводѣ этомъ и въ шахтахъ его, какъ муравьи, копаются рабочіе люди: одни на 100 аршинъ подъ землею въ темныхъ, узкихъ, душныхъ, сырыхъ, постоянно угрожающихъ смертью проходахъ съ утра до ночи, или съ ночи до утра, выбиваютъ руду; другіе въ темнотѣ, согнувшись, подвозятъ эту руду или глину къ дудкѣ и везутъ назадъ пустые вагончики, и опять наполняютъ ихъ, и такъ работаютъ по 12, 14 часовъ въ день всю недѣлю.

Такъ работаютъ въ шахтахъ. На самой домнѣ работаютъ одни у печей при удушающей жарѣ, другіе у спуска расплавленной руды и шлака. Третьи—машинисты, кочегары, слесаря, кирпичники, плотники, въ мастерскихъ также по 12, 14 часовъ всю недѣлю.

По воскресеньямъ всѣ эти люди получаютъ расчетъ, моются и, иногда немытые, напиваются въ трактирахъ и кабакахъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ заводъ и заманивающихъ рабочихъ, и съ ранняго утра въ понедѣльникъ опять становятся на ту же работу.

Тутъ же около завода мужики пашутъ на измученныхъ, захудалыхъ лошадяхъ чужое поле. Мужики эти встали на зарѣ, если они не провели ночь въ ночномъ, т. е. не ночевали у болота,—единственное мѣсто, гдѣ они могутъ накормить лошадь,—встали они на зарѣ, пріѣхали домой, запрягли лошадь и, захвативъ краюху хлѣба, поѣхали пахать чужое поле.

Другіе же мужики тутъ же недалеко отъ завода сидятъ на шоссеиной дорогѣ, пригородивъ себѣ изъ рогожки защиту, и бьютъ шоссеинный камень. Ноги у этихъ людей избиты, руки въ мозоляхъ, все тѣло грязно, и не только лицо, волосы и борода, но и легкія ихъ пропитаны известковой пылью.

Взявъ изъ неразбитой кучи большой неразбитый камень, люди эти, укладывая его между обутыми въ лапти и обмотанными ветошками ступнями ногъ, бьютъ по камню тяжелымъ молотомъ до тѣхъ поръ, пока камень разсядется; а когда разсядется, берутъ разбитые куски и бьютъ по нимъ до тѣхъ поръ, пока и эти не разобьются на мелкій щебень; и опять берутъ цѣлые камни, и опять сначала... И такъ работаютъ эти люди отъ утренней лѣтней зари до ночи — 15, 16 часовъ, отдыхая только часа два послѣ обѣда, и два раза, въ завтракъ и въ полдень, подкрѣпляютъ себя хлѣбомъ и водой.

И такъ живутъ всѣ эти люди и въ шахтахъ, и на заводѣ, и пахари, и каменобойцы, съ молодыхъ лѣтъ и до старости; и такъ же живутъ въ непосильныхъ трудахъ ихъ жены и матери, наживая маточныя болѣзни; и такъ же живутъ ихъ отцы и дѣти, плохо накормленные, плохо одѣтые, въ сверхсильной, губящей здоровье работѣ, съ утра и до вечера, съ молодости и до старости.

А вотъ мимо завода, мимо каменобойцевъ, мимо папущихъ мужиковъ, встрѣчая и обгояная оборванныхъ мужчинъ и женщинъ съ котомками, бредущихъ изъ мѣста въ мѣсто и кормящихся Христовымъ именемъ, —

катится, позвякивая бубенцами, коляска, запряженная одномастной гнѣдой четверней пятивершковыхъ коней, изъ которыхъ худшій стоитъ всего двора каждаго изъ любующихся на эту четверню мужиковъ. Въ коляскѣ сидятъ двѣ барышни, блестя яркими цвѣтами зонтиковъ, лентъ и перьевъ шляпъ, стоящихъ каждая дороже той лошади, на которой пашетъ мужикъ свое поле: на переднемъ мѣстѣ сидитъ блестящій на солнцѣ галунами и пуговицами офицеръ въ свѣже вымытомъ кителѣ; на козлахъ — грузный кучеръ въ шелковыхъ синнихъ рукавахъ рубахи и бархатной поддевки. Онъ чуть не задавилъ богомолокъ и не сбилъ въ канаву проѣзжавшаго порожнемъ мужика, въ его испачканной рудой рубахѣ трясущагося въ телѣгѣ.

„А это не видишь?“ говоритъ кучеръ, показывая кнутъ недостаточно скоро свернувшему мужику, и мужикъ одной рукой дергаетъ за возжу, а другой — испуганно снимаетъ шапку съ вшивой головы.

За коляской беззвучно несутся, блестя на солнцѣ никелированными частями машины, два велосипедиста и одна велосипедистка и весело смѣются, перегоняя и пугая крестящихся богомолокъ.

Стороной же отъ шоссе ѣдутъ два верхо-

выхъ: мужчина на англійскомъ жеребцѣ и дама на иноходцѣ. Не говоря о цѣнѣ лошадей и сѣдлѣ, одна черная шляпа съ лиловымъ вуалемъ стоитъ два мѣсяца работы каменобойцевъ, а за стикъ-хлысть,—модный англійскій, заплачено столько, сколько получить въ недѣлю подземной работы тотъ малый, который идетъ довольный тѣмъ, что нанялся въ шахты, и сторонится, любуясь на гладкія фигуры лошадей и всадниковъ и на жирную, иноземную, огромную собаку въ дорогомъ ошейникѣ, бѣгущую съ высушенымъ языкомъ за ними.

Неподалеку за этой компаніей ѣдутъ на телѣгѣ улыбающаяся, съ завитыми кудряшками, нарядная дѣвица въ бѣломъ фартукѣ и толстый румяный мужчина съ расчесанными бакенбардами, съ папирской въ зубахъ, что-то нашептывающій дѣвицѣ. Въ телѣгѣ видны самоваръ, узлы въ салфеткахъ, мороженица.

Это—прислуга людей, ѣдущихъ въ коляскѣ, верхомъ и на велосипедахъ. Нынѣшній день не представляетъ для нихъ ничего исключительнаго. Они живутъ такъ все лѣто и почти каждый день дѣлаютъ прогулки, а иногда, какъ нынче,—съ чаемъ, напитками и сладостями, съ тѣмъ, чтобы ѣсть и пить не въ одномъ и томъ же, а въ новомъ мѣстѣ.

Господа эти—три семьи, живущія въ деревнѣ и на дачѣ. Одна семья помѣщика—владѣльца 2000 десятинъ земли, другая чиновника, получающаго 3000 жалованья, третья—самая богатая семья—дѣти фабриканта.

Всѣ эти люди нисколько не удивлены и не тронуты видомъ всей той нищеты и каторжнаго труда, которые окружаютъ ихъ. Они считаютъ, что все это такъ и должно быть. Занимаетъ ихъ совсѣмъ другое.

„Нѣтъ, это невозможно,“ говоритъ дама верхомъ, оглядываясь на собаку,—„я не могу видѣть этого!“ и она останавливаетъ коляску. Всѣ говорятъ вмѣстѣ по-французски, смѣются и сажаютъ собаку въ коляску и ѣдутъ дальше, застилая облаками известковой пыли каменобойцевъ и прохожихъ по дорогѣ.

И коляска, и верховые, и велосипедисты промелькнули, какъ существа изъ другого міра; а заводскіе, каменобойцы, мужики - пахари продолжаютъ свою тяжелую, однообразную, чужую работу, которая кончится вмѣстѣ съ ихъ жизнью.

„Живутъ же люди!“ думаютъ они, провожая глазами проѣхавшихъ. И еще мучительнѣе представляется имъ ихъ мучительное существованіе.

II.

Что же это такое? Сдѣлали что-ли эти работающіе люди что-нибудь очень преступное, за что они такъ наказаны? Или это удѣлъ всѣхъ людей? А тѣ, которые проѣхали въ коляскахъ и на велосипедахъ, сдѣлали или еще дѣлаютъ что-нибудь особенно полезное и важное, за что они такъ награждены? Нисколько! напротивъ, тѣ, которые такъ напряженно работаютъ, большей частью нравственные, воздержанные, скромные, трудолюбивые люди; тѣ же, которые проѣхали, большею частью—развращенные, похотливые, наглые, праздные люди. А все это такъ только потому, что такое устройство жизни считается естественнымъ и правильнымъ въ мірѣ людей, утверждающихъ про себя или то, что они исповѣдуютъ законъ Христа любви къ ближнему, или то, что они культурные, т. е. усовершенствованные люди.

И такое устройство существуетъ не только въ томъ уголкѣ Тульскаго уѣзда, который живо представляется мнѣ, потому что я часто выдаю его, а вездѣ, не только въ Россіи—отъ Петербурга до Батума, но и во Франціи—

отъ Парижа до Оверна, и въ Италиі—отъ Рима до Палермо, и въ Германіи, и въ Испаніи, и въ Америкѣ, и въ Австраліи, и даже въ Индіи и въ Китаѣ. Вездѣ два или три человѣка на тысячу живутъ такъ, что, ничего не дѣлая для себя, въ одинъ день съѣдаютъ и выпиваютъ то, что прокормило бы сотни людей въ годъ; носятъ на себѣ одежды, стоящія тысячи, живутъ въ палатахъ, гдѣ помѣстились бы тысячи рабочихъ людей; тратятъ на свои прихоти тысячи, милліоны рабочихъ дней; другіе же, недосыпая, недоѣдая, работаютъ черезъ силу, губя свое тѣлесное и душевное здоровье на этихъ избранныхъ.

Для однихъ людей, когда они еще только собираются родиться, призываютъ акушерку, доктора, иногда двухъ для одной родильницы, готовятъ приданое съ сотней распашеночекъ, пеленокъ съ шелковыми ленточками, готовятъ на пружинахъ качающіяся телѣжки; другія же, огромное большинство, рожаютъ дѣтей гдѣ и какъ попало, безъ помощи, завертываютъ въ тряпки, кладутъ въ лубочныя люльки на солому и радуются, когда они умираютъ.

За дѣтьми однихъ, покуда мать лежитъ девять дней, ухаживаетъ бабка, нянька, кормилица, — за другими никто не ухаживаетъ,

потому что некому, и сама мать встает тотчас же послѣ родовъ, топить печку, доить корову и иногда стираетъ бѣлье на себя, мужа и дѣтей. Одни дѣти растутъ среди игрушекъ, забавъ и поученій, другіе сначала ползаютъ голыми брюхами черезъ пороги, увѣчатся, съѣдаются свиньями, а съ пяти лѣтъ начинаютъ подневольно работать. Однихъ научаютъ всей научной мудрости, приспособленной къ дѣтскому возрасту, другихъ обучаютъ матернымъ словамъ и самымъ дикимъ суевѣріямъ. Одни влюбляются, заводятъ романы и потомъ женятся, когда уже извѣдали всѣ удовольствія любви; другихъ женятъ и отдаютъ замужъ, за кого нужно родителямъ, для помощи въ работѣ отъ 16 до 20 лѣтъ. Одни ѣдятъ и пьютъ самое лучшее и дорогое, что только есть на свѣтѣ, кормя своихъ собакъ бѣлымъ хлѣбомъ и говядиной; другіе ѣдятъ одинъ хлѣбъ съ квасомъ, и то не вволю и не мягкій, чтобы не съѣсть лишняго. Одни, не пачкаясь, мѣняютъ тонкое бѣлье каждый день; другіе, постоянно работая чужую работу, мѣняютъ грубое, изодранное вшивое бѣлье въ двѣ недѣли разъ, а то и вовсе не мѣняютъ, а носятъ его, пока распадется. Одни спятъ въ чистыхъ простыняхъ, на пуховикахъ; другіе—на землѣ, покрывшись

рванными кафтанами.

Одни ѣздятъ на сытыхъ, кормленныхъ коняхъ безъ дѣла, для гулянья: другіе мучительно работаютъ на некормленныхъ лошадахъ и по дѣлу идутъ пѣшіе. Одни придумываютъ, что бы имъ сдѣлать, чтобы занять свое праздное время; другіе же не успѣваютъ обчиститься, обмыться, отдохнуть, слово сказать, повидаться съ родными. Одни читаютъ на четырехъ языкахъ, веселятся каждый день самыми разнообразными увеселеніями; другіе совсѣмъ не знаютъ грамоты, и не знаютъ другого веселья, кромѣ пьянства. Одни все знаютъ и ни во что не вѣрятъ; другіе ничего не знаютъ и вѣрятъ во всякій вздоръ, который имъ скажутъ. Одни, когда заболѣваютъ, то, не говоря о всѣхъ возможныхъ водахъ, всякомъ уходѣ и всякой чистотѣ и лѣкарствахъ, переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, отыскивая самый лучший цѣлебный воздухъ: другіе ложатся въ курной избѣ на печку и съ непромытыми ранами, отсутствіемъ всякой пищи, кромѣ сухого хлѣба, и—воздуха, кромѣ зараженного десятью членами семейства, телятами и овцами, гніютъ заживо и преждевременно умираютъ.

Неужели это такъ надо?

Если есть высшій разумъ и любовь, ру-

ководящіе міромъ, если есть Богъ, то не могъ Онъ хотѣть, чтобы было такое раздѣленіе между людьми, чтобы одни не знали, что дѣлать съ избыткомъ своихъ богатствъ, и швыряли бы безъ толку плодъ трудовъ другихъ людей; другіе бы чахли и преждевременно умирали, или жили бы мучительной жизнью въ непосильной работѣ.

Если есть Богъ, то это не можетъ и не должно быть. Если же нѣтъ Бога, то съ самой простой человѣческой точки зрѣнія такое устройство жизни, при которомъ большинство людей должно губить свои жизни для того, чтобы малое число людей пользовалось избыткомъ, который только затрудняетъ и развращаетъ это меньшинство,—такое устройство жизни нелѣпо, потому что для всѣхъ невыгодно.

III.

Такъ зачѣмъ же люди живутъ такъ?

Понятно, что богатые люди, привыкшіе къ своему богатству и не видящіе ясно того, что богатство не даетъ счастья, стараются удержать свое положеніе. Но зачѣмъ то

огромное большинство, въ рукахъ котораго всякая власть, зачѣмъ это большинство, полагая счастье въ богатствѣ, живетъ въ нуждѣ и подчиняется меньшинству?

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ всѣ тѣ сильные мускулами и мастерствомъ и привычкою къ труду люди,—огромное большинство людей, подчиняются, покоряются горсти слабыхъ людей, большей частью ни на что неспособныхъ, изнѣженныхъ стариковъ и, главное, женщинъ?

Пройдите передъ праздниками или во время дешевыхъ товаровъ по торговымъ заведеніямъ, хотя бы по пассажирамъ Москвы. Десять или двѣнадцать пассажировъ, состоящихъ изъ сплошныхъ, великолѣпныхъ магазиновъ съ огромными цѣльными стеклами, всѣ наполнены разнообразными дорогими вещами, —исключительно женскими: матеріи, платья, кружева, драгоценные камни, обувь, комнатныя украшенія, мѣха и пр. и пр. Всѣ эти вещи стоятъ милліоны и милліоны, всѣ эти вещи дѣлались на заводахъ часто губящими свои жизни надъ этими работами рабочими, и всѣ эти вещи ни на что не нужны не только рабочимъ, но даже и богатымъ мужчинамъ, все это забавы и украшенія женщинъ. У подъѣздовъ съ обѣихъ сторонъ стоятъ швейцары въ галунахъ и кучера въ дорогахъ

одеждахъ, сидя на козлахъ дорогихъ экипажей, запряженныхъ тысячными рысаками. Опять миллионы рабочихъ дней потрачены на производство всей этой роскоши запряжекъ: старые, молодые рабочіе, мужчины, женщины посвящали цѣлыя жизни на производство всѣхъ этихъ предметовъ. И всѣ эти предметы во власти и въ рукахъ нѣсколькихъ сотенъ женщинъ, въ по послѣдней модѣ дорогихъ шубкахъ и шляпахъ шныряющихъ по этимъ магазинамъ и покупающихъ всѣ эти приготовленные только для нихъ предметы.

Нѣсколько сотенъ женщинъ распоряжаются по своему произволу трудомъ миллионовъ людей тружениковъ, работающихъ для прокормленія себя и своихъ семей. Отъ произвола этихъ женщинъ зависитъ судьба, жизнь миллионовъ людей.

Какъ это случилось?

Для чего всѣ эти миллионы сильныхъ людей, которые работали эти предметы, подчиняются этимъ женщинамъ?

Вотъ подъѣзжаетъ на парѣ рысаковъ барыня въ бархатной шубѣ и шляпѣ по самой послѣдней модѣ. Все на ней новое и самое дорогое. Швейцарь бросается отстегивать полость ея саней и почтительно подъ локотокъ высаживаетъ ее. Она идетъ по пассажиру, какъ

по своему царству, заходить въ одинъ магазинъ и покупаетъ на 5000 рублей матерій на гостиную и, приказывая доставить это себѣ на домъ, идетъ дальше. Женщина эта злая, глупая и даже не красивая, и не рожающая дѣтей, и ничего въ своей жизни для другихъ не сдѣлавшая. Почему же такъ работѣнно увиваются передъ ней и швейцаръ, и кучеръ, и приказчикъ? И почему все то, надъ чѣмъ трудились тысячи рабочихъ, сдѣлалось ея собственностью? Потому что у нея деньги. А и швейцару, и кучеру, и приказчику, и рабочимъ на фабрикѣ необходимы эти деньги, чтобы кормить семьи. Деньги же эти имъ удобнѣе всего, а иногда только и возможно приобрести тѣмъ, чтобы служить кучеромъ, швейцаромъ, приказчикомъ, рабочимъ на фабрикѣ.

А почему деньги у этой женщины? Деньги у этой женщины потому, что люди, согнанные съ земли и отученные отъ всякой другой работы, кромѣ машиннаго тканья матерій на фабрикахъ, живутъ на фабрикѣ ея мужа, мужъ же ея, давая рабочимъ только то, что имъ необходимо для прокормленія, всѣ барыши съ фабрики, нѣсколько сотъ тысячъ, беретъ себѣ и, не зная, куда употребить ихъ, охотно отдаетъ женѣ, чтобы она, на что

ей вздумается, тратила ихъ.

А вотъ другая барыня, въ еще болѣе роскошномъ экипажѣ и одеждѣ, покупаетъ разныя дорогія и ненужныя вещи въ разныхъ магазинахъ. Откуда у этой деньги? Эта — содержанка богача землевладѣльца 20,000 десятинъ, пожалованныхъ его предку распутной царицей за развратъ его съ этой старухой-царицей. Землевладѣлецъ этотъ владѣетъ всей землей вокругъ поселенныхъ въ ней крестьянъ и отдаетъ эту землю крестьянамъ по 17 рублей за десятину. Крестьяне платятъ эти деньги потому, что безъ земли они померли бы съ голоду. И эти деньги теперь въ рукахъ содержанки, и на эти-то деньги она покупаетъ вещи, сдѣланныя другими, согнанными съ земли крестьянами.

А вотъ еще съ женихомъ и матерью ходитъ по пассажиу третья богатая женщина. Женщина эта выходитъ замужъ и покупаетъ бронзы и дорогую посуду. У этой деньги отъ отца, важнаго чиновника, получающаго 12 тысячъ жалованья. Онъ далъ дочери на приданое 7 тысячъ. Деньги эти собраны съ внутреннихъ и вѣшнихъ податей, съ крестьянъ же. Эти самыя подати заставили и швейцара, который отворяетъ двери (онъ калужскій мужикъ: у него остались дома жена и дѣти),

и кучера-извозчика, который подвезъ ихъ (этотъ — тульскій мужикъ), и сотни, и тысячи, и миллионы людей, работающихъ въ прислугахъ и на фабрикахъ,—побросать дома и работать работу, потребляемую барынями, получившими деньги, собранныя ими съ барышей на фабрикахъ, или съ земли, или съ податей: фабрикантами, землевладѣльцами, чиновниками.

Такъ что подчинились миллионы рабочихъ этимъ женщинамъ потому, что одинъ человекъ завладѣлъ фабрикой, на которой работаютъ люди, другой завладѣлъ землей, а третій—тѣми податями, которыя собираются съ рабочихъ. Отъ этого произошло и то, что я видѣлъ сколо чугунаго завода.

Мужики пахали чужое поле потому, что у нихъ нѣтъ достаточно своей земли, а тотъ, кто владѣетъ землею, позволяетъ имъ пользоваться его землею только съ тѣмъ, чтобы они на него работали. Каменобойцы били камень потому, что только этой работой они могли заплатить требуемыя съ нихъ подати. На заводѣ и въ шахтахъ работали люди потому, что и земля, изъ которой вынимають чугунъ, и заводъ, на которомъ его льютъ, принадлежать не имъ.

Всѣ эти рабочіе работаютъ тяжелую, не

свою работу потому, что богатые люди захватили землю, собирают подати и владѣют заводами.

IV.

Почему же владѣть землей не тотъ, который на ней работаетъ, а тотъ, кто не работаетъ? Почему малое число людей пользуется податями, собираемыми со всѣхъ, а не тѣ, которые платятъ ихъ? Почему владѣютъ заводами не тѣ, которые построили ихъ и работаютъ на нихъ, а малое число людей, которые не строили ихъ и не работаютъ на нихъ?

На вопросъ: отчего люди не работающіе захватили земли работающихъ?—обычный отвѣтъ тотъ, что это отъ того, что земля пожалована имъ за заслуги или куплена на заработанныя деньги. На вопросъ о томъ, почему одни люди, малое число людей, не работающіе правители и ихъ помощники собираютъ большую долю богатствъ всѣхъ рабочихъ людей и по своему произволу пользуются ими?—обычный отвѣтъ тотъ, что люди,

пользующіеся деньгами, собираемыми съ народа, управляютъ другими и защищаютъ ихъ и соблюдаютъ между ними порядокъ и благоустройство. На вопросъ же, отчего люди не работающіе, богатые, владѣютъ произведеніями и орудіями труда рабочихъ?—отвѣтъ тотъ, что эти произведенія и орудія труда заработаны ими или ихъ предками.

И всѣ эти люди—какъ землевладѣльцы, такъ и служащіе правительству, и торговцы, и фабриканты, искренно увѣрены въ томъ, что владѣніе ихъ совершенно справедливо, —что они имѣютъ право на такое владѣніе.

А между тѣмъ, ни владѣніе землею, ни собираніе податей и пользованіе ими, ни обладаніе произведеніями и орудіями труда людьми не работающими не имѣетъ никакого оправданія. Владѣніе землею не работающими на ней не имѣетъ оправданія потому, что земля, какъ вода, воздухъ, солнечные лучи,—составляетъ необходимое условіе жизни каждаго человѣка и потому не можетъ быть исключительной собственностью одного. Если земля, а не вода, воздухъ и лучи солнца, сдѣлалась предметомъ собственности, то произошло это не отъ того, что земля не есть такое же необходимое и потому не могущее быть присвоеннымъ условіе существованія вся-

каго человѣка, но только потому, что лишить другихъ людей воды, воздуха и солнца нельзя было, лишить же пользованія землею было возможно.

Земельная собственность какъ возникла изъ насилія, (завоеваніемъ присвоивали себѣ землю и потомъ раздавали и продавали ее), такъ и осталась, несмотря на всѣ попытки обратить ее въ право, только насиліемъ сильнымъ и вооруженнаго надъ слабымъ и безоружнымъ.

Нарушь человѣкъ, работающій на землѣ, это воображаемое п р а в о, начини пахать землю, считающуюся собственностью другого, и тотчасъ же явится то, на чемъ основано это мнимое право, — сначала въ видѣ полицейскихъ, а потомъ и военной силы—солдатъ, которые будутъ колоть, стрѣлять въ тѣхъ, которые захотятъ воспользоваться своимъ дѣйствительнымъ правомъ кормиться работою на землѣ. Такъ что то, что называется правомъ на собственность земли, есть только насиліе надъ всѣми тѣми людьми, которые могутъ нуждаться въ этой землѣ. Право на землю подобно праву на дорогу, которую захватили разбойники и по которой не пропускаютъ людей безъ выкупа.

Еще менѣе можетъ найти себѣ подобіе

оправданія право правительства на насильственное взиманіе податей. Утверждается, что подати употребляются на защиту государства отъ внѣшнихъ враговъ, на установленіе и поддержаніе внутренняго порядка и на устройство всѣмъ нужныхъ общественныхъ дѣлъ.

Но, во-первыхъ, внѣшнихъ враговъ уже давнымъ давно нѣтъ, даже по заявленіямъ самихъ правительствъ: всѣ они увѣряютъ свои народы, что они желаютъ только мира. Германскій императоръ желаетъ мира, Французская республика желаетъ мира, Англія желаетъ мира, и того же желаетъ Россія. Тѣмъ болѣе того же желаютъ трансвальцы и китайцы. Такъ отъ кого же надо защищаться?

Во-вторыхъ, для того, чтобы отдавать деньги для устройства внутренняго порядка и общественныхъ дѣлъ, нужно быть увѣреннымъ, что люди, устраивающіе порядокъ, устроятъ его и, кромѣ того,—что порядокъ этотъ будетъ хорошъ, и что устраиваемыя общественныя дѣла дѣйствительно нужны обществу. Если же, какъ это всегда и вездѣ повторяется, тѣ, кто платятъ подати, не увѣрены въ дѣловитости и даже честности тѣхъ, которые устраиваютъ порядокъ, и, кромѣ того, самый порядокъ этотъ считаютъ дурнымъ,

и устраиваемыя общественныя дѣла совѣтъмъ не такія, какія нужны плательщикамъ податей, то очевидно, что нѣтъ никакого права собиранія податей, а есть только насиліе.

Помню мудрое слово русскаго мужика, религіознаго и потому истинно свободомыслящаго. Онъ такъ же, какъ Торо, считалъ справедливымъ не давать подати на дѣла, не одобряемая его совѣстью, и когда къ нему пришли съ требованіемъ уплаты его доли податей, онъ спросилъ,—на что пойдутъ подати, которыя онъ дастъ, говоря: если подати пойдутъ на доброе дѣло, то я сейчасъ же дамъ не только то, что вы требуете, но и больше; если же подати пойдутъ на дурное, то я не могу дать и не дамъ добровольно ни копѣйки.

Разумѣется, съ нимъ не стали разговаривать, а сломали запертыя имъ ворота, увели корову и продали на подати. Такъ что въ сущности истинная, настоящая причина податей есть только одна: власть, которая собираетъ ихъ,—возможность ограбить тѣхъ, которые не даютъ охотно, и даже за отказъ избить, заточить въ тюрьму, наказать, какъ это и дѣлаютъ.

То, что въ Англіи, Франціи, Америкѣ и вообще въ конституціонныхъ государствахъ

подати опредѣляются парламентомъ, т. е. мнимо собранными представителями народа, не измѣняетъ дѣла, такъ какъ выборы такъ устроены, что члены парламента не представляютъ народа, а принадлежать къ политиканамъ, а если не принадлежали, то становятся ими, какъ скоро попадутъ въ парламентъ, занятыми личными честолюбіями и интересами враждующихъ партій.

Такъ же мало доказательны оправданія мнимаго права собственности не работающихъ на произведенія труда другихъ людей.

Это право собственности, называемое даже священнымъ правомъ, оправдывается обыкновенно тѣмъ, что собственность есть результатъ воздержанности и трудолюбивой дѣятельности, полезной людямъ. А между тѣмъ стоитъ только рассмотреть происхожденіе всѣхъ большихъ состояній, чтобы убѣдиться въ противномъ.

Возникаютъ состоянія всегда или изъ насилія—это самое обыкновенное—или изъ скаредности, или изъ крупнаго мошенничества, или изъ хроническаго обмана, какъ тѣ, которые производятся торговцами. Чѣмъ нравственнѣе человѣкъ, тѣмъ вѣрнѣе онъ лишается того состоянія, которое имѣеть, и чѣмъ безнравственнѣе, тѣмъ вѣрнѣе наживаетъ и

удерживаетъ состояніе. Народная мудрость говорить, что отъ трудовъ праведныхъ не наживеши палатъ каменныхъ,—что отъ труда будешь не богатъ, а горбать. И такъ оно было и въ старину, и тѣмъ болѣе теперь, когда распредѣленіе богатствъ уже давно совершилось самымъ неправильнымъ образомъ. Если и можно допустить, что въ первобытномъ обществѣ человѣкъ болѣе воздержанный и трудолюбивый пріобрѣтетъ больше невоздержаннаго и мало работающаго, то въ нашемъ обществѣ ничего подобнаго быть не можетъ. Какъ бы воздержанъ и трудолюбивъ ни былъ рабочій, работающій на чужой землѣ, покупающій по цѣнѣ, которую ему назначаютъ, необходимые предметы и работающій чужими орудіями труда, онъ никогда не пріобрѣтетъ богатства. Человѣкъ же самый невоздержанный и праздный, какъ мы это видимъ на тысячахъ людей, который пристроится къ правительству, къ богатымъ людямъ, который займется ростовщичествомъ, фабричною дѣятельностью, домомъ терпимости, банкомъ, торговлей виномъ, легко наживетъ состояніе.

Законы, будто бы ограждающіе собственность, суть законы, ограждающіе только ограбленную собственность, которая уже находится въ рукахъ богатыхъ, и не только не

ограждаютъ рабочихъ, не имѣющихъ уже никакой собственности, кромѣ своего труда, но только содѣйствуютъ ограбленію этого ихъ труда.

Мы видимъ безчисленное количество администраторовъ: царя, его братьевъ, дядей, министровъ, судей, духовныхъ лицъ, которые получаютъ огромныя содержанія, собранныя съ народа, и не исполняютъ тѣхъ легкихъ даже обязанностей, которыя они взялись исполнять за это вознагражденіе. И потому, казалось бы, эти люди крадутъ собираемое съ народа содержаніе, т. е. собственность народа, но никому и въ голову не приходитъ судить ихъ.

Если же рабочій воспользуется частью денегъ, получаемыхъ этими людьми, или предметами, купленными на эти деньги, то считается, что онъ нарушилъ священную собственность, и его за эти гроши, которыми онъ воспользовался, судятъ, сажаютъ въ тюрьму, ссылаютъ.

Фабрикантъ - миллионеръ обязуется выдать рабочему плату за трудъ, представляющую для него, фабриканта, одну десятиллионную его состоянія, т. е. почти ничто; рабочій же обязуется, вслѣдствіе нужды, выставить въ продолженіе года ежедневную, кромѣ праздниковъ,

12-ти часовую, опасную, вредную для своего здоровья работу, т. е. обязуется отдать фабриканту большую часть своей жизни, можетъ быть и всю жизнь; и правительство одинаково ограждаетъ какъ ту, такъ и другую собственность.

Фабрикантъ же при этомъ завѣдомо изъ года въ годъ крадетъ у рабочаго большую долю его заработка и присвоиваетъ себѣ. Казалось бы очевидно, что фабрикантъ похищаетъ большую половину собственности рабочаго и потому долженъ бы подлежать отвѣтственности; но правительство считаетъ нажитую такимъ способомъ собственность фабриканта —священною и казнить рабочаго, унесшаго подъ полой два фунта мѣди, составляющихъ одну миллиардную часть собственности фабриканта.

Попробуй рабочій, какъ это прорывается при еврейскихъ погромахъ, отобрать отъ богачей хоть часть того, что отнято у него по законамъ, попробуй хоть бы голодный, какъ недавно въ Миланѣ, взять тотъ хлѣбъ, который, пользуясь голодомъ, продаютъ рабочимъ по высокимъ цѣнамъ богачи, или попробуй рабочій отобрать посредствомъ стачки хоть часть того, что взято у него, — онъ нарушаетъ священное право собствен-

ности, и правительство со своимъ войскомъ сейчасъ приходитъ на помощь землевладѣльцу, фабриканту, торговцу противъ рабочаго. Такъ что то право, на которомъ богатые люди основываютъ свое владѣніе землею, взиманія податей и обладанія произведеніями труда другихъ людей, не имѣетъ ничего общаго съ справедливостью и, какъ то, такъ и другое, и третье основано только на насиліи, производимомъ войскомъ.

V.

Задумаетъ ли рабочій пахать землю, которая ему нужна для пропитанія, попытается ли онъ уклониться отъ уплаты податей—прямыхъ или косвенныхъ, или попытается взять запасы хлѣба, имъ же произведенные, или орудія труда, безъ которыхъ онъ не можетъ работать,—явится войско и силою воспрепятствуетъ ему въ этомъ.

Такъ что отчужденіе земли, взиманіе податей, власть капиталистовъ составляетъ не основную причину бѣдственнаго положенія рабочихъ, а только слѣдствіе. Основная же

причина того, что миллионы рабочихъ людей живутъ и работаютъ по волѣ меньшинства, — не въ томъ, что меньшинство это захватило землю, орудія производства и беретъ подати, а въ томъ, что оно можетъ это дѣлать, — что есть насиліе, есть войско, которое находится въ рукахъ меньшинства, и готовое убивать тѣхъ, которые не хотятъ исполнять волю этого меньшинства.

Когда крестьяне хотятъ завладѣть землей, которая считается собственностью не работающаго человѣка, или когда человѣкъ хочетъ не заплатить подати, или когда стачечники хотятъ помѣшать другимъ рабочимъ стать на ихъ мѣсто, — являются тѣ самые крестьяне, у которыхъ отнята земля — плательщики податей и рабочіе, только въ мундирахъ и съ ружьями, заставляющіе своихъ братьевъ — не въ мундирахъ — сойти съ земли, отдать подати и прекратить стачку.

Когда въ первый разъ поймешь это, то не вѣришь себѣ, такъ это странно.

Рабочіе хотятъ освободиться, и сами же рабочіе заставляютъ себя покориться и оставаться въ рабствѣ.

Зачѣмъ же они дѣлаютъ это?

А затѣмъ, что рабочіе, взятые или нанятые въ солдаты, подвергаются искусному про-

цессу одуренія и развращенія, послѣ котораго они уже не могутъ не повиноваться слѣпо начальникамъ, что бы ихъ ни заставили дѣлать.

Дѣлается это вотъ какъ: родится мальчикъ въ деревнѣ или городѣ. Во всѣхъ континентальныхъ государствахъ, какъ только мальчикъ достигнетъ того возраста, когда сила, ловкость и гибкость доходятъ до высшей степени, душевныя же силы находятся въ самомъ смутномъ, неопредѣленномъ состояніи (около 20 лѣтъ), такъ мальчика берутъ въ солдаты, осматриваютъ, какъ рабочую скотину, и если онъ физически исправенъ и силенъ, его зачисляють, смотря по годности, въ какую-нибудь часть войска и заставляють торжественно присягать въ томъ, что онъ будетъ рабски повиноваться своимъ начальникамъ, потомъ удаляютъ отъ всѣхъ прежнихъ условій, поятъ водкой или пивомъ, наряжаютъ въ пеструю одежду и вмѣстѣ съ такими же другими ребятами запирають въ казармы, гдѣ онъ въ полной праздности (т. е. не дѣлая никакой полезной, разумной работы) обучается самымъ нелѣпымъ солдатскимъ правиламъ и названіямъ вещей, и употребленію орудій убійства: сабли, штыка, ружья, пушки, главное же, обучается не только безпрекослов-

ному, но механически - рефлeкторному повиновeнiю приставленнымъ къ нему начальникамъ. Такъ это происходитъ въ государствахъ, гдѣ есть военная повинность; гдѣ же ея нѣтъ, приставленные къ этому люди отыскиваютъ вездѣ заболтавшихся, не желающихъ или не умѣющихъ жить честнымъ трудомъ, большей частью развращенныхъ, но сильныхъ людей, поднаиваютъ, подкупаютъ ихъ и забираютъ въ солдаты, и такъ же запираютъ въ казармы и подвергаютъ той же муштровкѣ. Главная задача начальниковъ въ томъ, чтобы довести этихъ людей до состоянiя той лягушки, которая при прикосновенiи къ ней неудержимо дрыгаетъ ножкой. Хорошiй солдатъ—тотъ, который такъ же, какъ и эта лягушка, на извѣстные крики начальника безсознательно отвѣчаетъ требуемымъ движенiемъ. Достигается это тѣмъ, что несчастныхъ людей этихъ, одѣтыхъ въ одинакiя пестрыя одежды, въ продолженiе недѣль, мѣсяцевъ, годовъ заставляютъ—при звукахъ барабана и музыки—ходить, вертѣться, прыгать и дѣлать все вмѣстѣ, въ разъ—по командѣ. За всякое же ослушанiе наказываютъ самыми жестокими наказанiями, даже смертью. При этомъ пьянство, развратъ, праздность, сквернословiе, убiйство не только не воспрепятствуютъ, но учреждаются: солдатъ

поятъ водкой, устраиваютъ для нихъ дома терпимости, учатъ пахабнымъ пѣснямъ и обучаютъ убійству. (Убійство до такой степени въ этомъ кругѣ людей считается хорошимъ и похвальнымъ дѣломъ, что отъ офицеровъ-начальниковъ въ извѣстныхъ случаяхъ требуютъ убійства друга, называемаго дуэлью.) И вотъ смиренный, кроткій малый, пробывъ въ такой школѣ около года (раньше этого солдатъ бываетъ еще не готовъ, т. е. въ немъ остаются еще человѣческія свойства), дѣлается тѣмъ, что изъ него желаютъ сдѣлать, —безмысленнымъ и жестокимъ, могущественнымъ и ужаснымъ орудіемъ насилія въ рукахъ своихъ начальниковъ.

Всякій разъ, когда зимою я въ Москвѣ прохожу мимо дворца и вижу у будки молодого малаго—часового, который, въ своемъ тяжеломъ тулупѣ, стоитъ или ходитъ, шлепая огромными калошами по тротуару, поддерживая на плечѣ послѣдняго образца ружье съ отточеннымъ штыкомъ, я всегда взглядываю ему въ глаза, и всякій разъ онъ створачивается отъ моего взгляда, и всякій разъ мнѣ думается: вѣдь, вотъ—годъ или два тому назадъ это былъ веселый деревенскій парень—естественный, добродушный, который весело заговорилъ бы со мной хорошимъ русскимъ

языкомъ, рассказалъ бы мнѣ, съ сознаниемъ своего крестьянскаго достоинства, всю свою исторію; теперь же онъ злобно и мрачно смотритъ на меня и на всѣ вопросы умѣетъ отвѣчать только: „такъ точно-съ“ и „не могу знать“. Если бы я, что мнѣ всегда хочется сдѣлать, пошелъ бы въ ту дверь, у которой онъ стоитъ, или схватилъ бы рукой за его ружье, онъ, ни минуты не задумываясь, проткнулъ бы мнѣ штыкомъ животъ, выдернулъ бы штыкъ изъ раны, обтеръ его и продолжалъ бы ходить, шлепая калошами по асфальту, пока пришелъ бы со смѣной ефрейторъ, на ухо передавая ему пароль и лозунгъ. И вѣдь такой не одинъ, думается мнѣ. Такихъ обращенныхъ въ машины, вооруженныхъ ружьями ребятъ, почти дѣтей—тысячи въ одной Москвѣ. Ихъ миллионы по всей Россіи и по всему свѣту. Взяли этихъ бессмысленныхъ, но сильныхъ, ловкихъ ребятъ, развратили, подкупили ихъ и, благодаря имъ, властвуютъ надъ міромъ. Вѣдь это ужасно. Ужасно то, что дурные, праздные люди, благодаря этимъ обманутымъ людямъ, обладаютъ всѣми этими дворцами и преступно прибрѣтеннымъ богатствомъ, т. е. трудомъ всего народа. Но ужаснѣе всего тутъ то, что для того, чтобы сдѣлать это, имъ надо было озвѣ-

рить этихъ простыхъ, добрыхъ ребятъ, и они отчасти достигли этого.

Пускай бы тѣ, кто владѣють богатствами, сами бы защищали ихъ. Это не было бы такъ отвратительно. Но ужасно то, что для того, чтобы грабить людей и защищать ограбленное, они употребляютъ тѣхъ самыхъ, кого грабятъ, и для этого развращаютъ ихъ души.

Такъ что насилуютъ солдаты изъ рабочихъ своего же брата рабочаго потому, что существуетъ средство сдѣлать изъ людей безсознательное орудіе убійства, и правительства, забирая наборами или наймомъ солдатъ, употребляютъ надъ ними это средство.

VI.

Но если это такъ, то невольно является вопросъ: зачѣмъ же люди идутъ въ солдаты?

Зачѣмъ отцы ихъ отпускають ихъ?

Они могли идти въ солдаты и подвергаться дисциплинѣ до тѣхъ поръ, пока не видали послѣдствій этого. Но, разъ увидавъ, что происходитъ отъ этого, зачѣмъ они продолжаютъ подвергаться этому обману?

Происходитъ это отъ того, что они считаютъ военную службу не только дѣломъ полезнымъ, но несомнѣнно почтеннымъ и добрымъ. А считаютъ они, что военная служба дѣло почтенное и доброе потому, что такъ это внушено имъ тѣмъ ученіемъ, которому они подвергаются съ дѣтскихъ лѣтъ и въ которомъ усиленно поддерживаются въ взросломъ возрастѣ.

И потому существованіе войска есть тоже не основная причина, а только слѣдствіе. Основная же причина—въ томъ ученіи, которое внушаетъ людямъ, что военная служба, имѣющая цѣлью убійство людей, есть дѣло не только безгрѣшное, но хорошее, доблестное и похвальное. Такъ что причина бѣдственнаго положенія людей лежитъ еще дальше, чѣмъ это кажется сначала.

Сначала кажется, что все дѣло въ томъ, что землевладѣльцы захватили землю, капиталисты — орудія труда, а правительство насильно беретъ подати; но когда спросишь

себя: почему земля принадлежит богатымъ, а рабочіе не могутъ пользоваться ею, и почему рабочіе должны отдавать подати, не пользуясь ими, и почему не рабочіе, а капиталисты владѣютъ орудіями производства? —то видишь, что это отъ того, что есть войско, которое удерживаетъ землю за богатыми, собираетъ подати съ рабочихъ для богатыхъ и удерживаетъ за богатыми ихъ фабрики и дорогія машины. Когда же спросишь себя, какимъ образомъ составляющіе войско тѣ самые рабочіе, у которыхъ отнимаютъ то, что имъ нужно, — нападаютъ на самихъ себя, на своихъ отцовъ и братьевъ, то видишь, что причина этого въ томъ, что взятыхъ по набору или вольному найму солдатъ, посредствомъ предназначенныхъ для этого особыхъ приемовъ, такъ обучаютъ, что они лишаются всего человѣческаго и превращаются въ бессознательныхъ, покорныхъ своимъ начальникамъ орудія убійства. Когда же, наконецъ, спросишь себя, почему же люди, видя такой обманъ, продолжаютъ поступать въ солдаты или давать подати на наемъ ихъ, то видишь, что причина этого въ томъ ученіи, которое внушается не только людямъ, которыхъ берутъ въ солдаты, но всѣмъ людямъ вообще,—ученіи, по которому военная служба

есть дѣло доброе и похвальное, и убійство на войнѣ есть дѣло безгрѣшное.

Такъ что основная причина всего — есть учение, которое внушается людямъ.

Отъ этого и нищета, и развратъ, и ненависть, и казни, и убійства.

Какое же это учение?

Учение это называется христіанскимъ и состоитъ въ слѣдующемъ: есть Богъ, 6000 лѣтъ тому назадъ сотворившій міръ и чело-вѣка Адама. Адамъ согрѣшилъ, и Богъ наказалъ за это всѣхъ людей, а потомъ послалъ своего сына, тоже такого же Бога, какъ и Отецъ, на землю съ тѣмъ, чтобы его тамъ повѣсили! Это самое повѣшеніе и служить для людей средствомъ избавленія отъ ихъ наказанія за грѣхъ Адама.

Если люди вѣрятъ въ это, то они будутъ прощены за грѣхъ Адама, если же не вѣрятъ, то будутъ жестоко наказаны. Доказательствомъ же того, что все это — правда, служить то, что все это открыто людямъ тѣмъ самымъ Богомъ, свѣдѣнія о существованіи котораго получены отъ тѣхъ самыхъ людей, которые все это проповѣдываютъ. Не говоря о разныхъ, смотря по различнымъ исповѣданіямъ, измѣненіяхъ къ этому основному ученію, — общій, практическій выводъ

изъ него во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ одинъ и тотъ же, а именно тотъ, что люди должны вѣрить и тому, что имъ проповѣдуется, и повиноваться существующимъ властямъ.

Это-то ученіе и составляетъ основную причину того обмана, по которому люди, считая военную службу полезнымъ и добрымъ дѣломъ, поступаютъ въ солдаты и, обращаясь въ безвольныя машины, угнетаютъ самихъ себя. Если и есть среди обманутыхъ людей невѣрующіе, то эти невѣрующіе не вѣрують и ни во что другое и, вслѣдствіе этого, не имѣя точки опоры, подчиняются общему теченію и такъ же, какъ и вѣрующіе, несмотря на то, что видятъ обманъ, подчиняются ему.

И потому для уничтоженія того зла, отъ котораго страдаютъ люди, нужно не освобожденіе земли, не уничтоженіе податей, и не обобществленіе орудій производства, и даже не сверженіе существующаго правительства, а нужно уничтоженіе того ложнаго ученія, называемаго „христіанскимъ“, въ которомъ воспитываются люди нашего времени.

VII.

Сначала кажется страннымъ людямъ, знающимъ евангеліе, какимъ образомъ христіанство, проповѣдующее сыновность Богу, духовную свободу, братство людей, уничтоженіе всякаго насилія и любовь къ врагамъ, могло выродиться въ это странное, называемое людьми „христіанскимъ“ ученіе, проповѣдующее слѣпое повиновеніе властямъ и тогда, когда власти требуютъ этого, — и убійство. Но когда вдумаясь въ тотъ процессъ, которымъ христіанство входило и вошло въ міръ, — то видишь, что это такъ и должно было быть.

Когда языческіе властители Константинъ, Карлъ Великій, Владиміръ принимали окутанное въ языческія формы христіанство и крестили въ него свои народы, — имъ и въ голову не приходило, что принимаемое ими ученіе расторгало и царскую власть, и войско, и самое государство, т. е. все то, безъ чего не могли себѣ представить жизни всѣ тѣ, которые первые приняли и вводили христіанство. Разрушительная сила христіанства была въ первое время не только не замѣтна лю-

дямъ, но имъ казалось, что христіанство поддерживало ихъ власть. Но чѣмъ дальше жили христіанскіе народы, тѣмъ больше и больше выяснялась сущность христіанства, и тѣмъ очевиднѣе становилась заключающаяся въ христіанствѣ для языческаго строя опасность. А чѣмъ очевиднѣе становилась эта опасность, тѣмъ заботливѣе старались правящіе классы о томъ, чтобы заглушить, а если возможно, и затушить тотъ огонь, который они безсознательно внесли въ міръ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Они употребляли для этого всевозможныя средства: и запрещеніе перевода и чтенія евангелій, и избіенія всѣхъ тѣхъ, кто указывалъ на истинный смыслъ христіанскаго ученія, и гипнотизацію массъ — торжественностью и блескомъ обстановки, и главное, хитросплетенныя, утонченныя толкованія христіанскихъ положеній. По мѣрѣ же употребленія этихъ средствъ, христіанство все болѣе и болѣе измѣнялось и, наконецъ, сдѣлалось такимъ ученіемъ, которое не только не носило въ себѣ опасныхъ для языческаго строя началъ, но оправдывало этотъ языческій строй съ мнимо христіанской точки зрѣнія. Явились и христіанскіе владыки, и христіанское воинство, и христіанское богатство, и христіанскіе суды, и христіанскія казни.

Правящіе классы сдѣлали по отношенію христіанства то самое, что врачи дѣлаютъ по отношенію заразныхъ болѣзней. Они выработали такую культуру безвреднаго христіанства, что при прививкѣ его настоящее христіанство уже становится безопаснымъ. Это церковное христіанство — таково, что оно, неизбѣжно, или отталкиваетъ разумныхъ людей, представляясь имъ ужасающей нелѣпостью, или же, усвоиваясь людьми, до такой степени удаляетъ ихъ отъ истиннаго христіанства, что они сквозь него уже не видятъ истиннаго значенія его и даже съ враждебностью и озлобленіемъ относятся къ этому его истинному значенію.

Вотъ это-то выработавшееся вѣками, по чувству самосохраненія, среди властвующихъ классовъ, прививаемое народу обезвреженное ложное христіанство и составляетъ то ученіе, вслѣдствіе котораго люди покорно совершаютъ не только вредные для себя и своихъ близкихъ поступки, но и прямо безнравственные и несогласные съ требованіями совѣсти, изъ которыхъ самымъ важнымъ по своимъ практическимъ послѣдствіямъ есть поступленіе въ военную службу, т. е. готовность къ убійству.

Вредъ этого обезвреженнаго ложнаго христіанства состоитъ, преимущественно, въ томъ,

что оно ничего не предписываетъ, ничего не возбраняетъ. Всѣ древнія ученія — какъ законъ Моисея и законъ Ману — даютъ правила, требующія или воспреещающія извѣстные поступки; таковы же и буддійская, и магометанская религiи; церковная же вѣра не даетъ никакихъ правилъ, кромѣ словеснаго исповѣданія, признанія догматовъ, постовъ, говѣнiя, молитвъ (и на тѣ даже придуманы для богатыхъ людей обходы), а только лжетъ и все разрѣшаетъ, даже и то, что противно самымъ низменнымъ требованiямъ нравственности. По этой церковной вѣрѣ все можно. Владѣть рабами — можно (и въ Европѣ, и въ Америкѣ церковь была защитницей рабовладѣнiя). Наживать имущество, добываемое трудомъ угнетаемыхъ братьевъ, можно. Быть богатымъ среди Лазарей, ползающихъ подъ столами пирующихъ, — не только можно, но хорошо и похвально, если жертвовать при этомъ одну тысячную на церкви или больницы. Удерживать отъ нуждающихся свои богатства силою, заточать въ одиночныя тюрьмы, заковывать въ цѣпи, приковывать къ тачкамъ, казнить, — все это церковь благословляетъ. Распутничать всю молодую жизнь, а потомъ одно изъ такихъ распутствъ назвать бракомъ и получить на

это разрѣшеніе церкви — можно. Можно развестись и опять жениться. Можно, главное, убивать, защищая не только себя, но и свои яблоки, можно убивать и въ наказаніе (наказаніе значить поученіе — убивать въ поученіе!) и, главное, можно и должно и похвально убивать на войнѣ — по приказанію начальства; церковь не только разрѣшаетъ, но повелѣваетъ это.

Такъ что корень всего—въ ложномъ ученіи.

Уничтожся ложное ученіе — и не будетъ войска; а не будетъ войска, и сами собой уничтожатся тѣ насилія, то угнетеніе и то развращеніе, которыя совершаются надъ народами. До тѣхъ же поръ, пока люди будутъ воспитываться въ ложно-христіанскомъ ученіи, все, до убійства включительно, разрѣшающемъ, — войско будетъ въ рукахъ меньшинства; меньшинство же это всегда будетъ пользоваться этимъ войскомъ для отбиранія отъ народа произведеній его труда и, что хуже всего, для развращенія народа, потому что безъ развращенія народа оно не могло бы отнимать отъ него произведеній его труда.

УШ.

Корень всѣхъ бѣдствій народа—въ томъ ложномъ ученіи, которое подъ видомъ христіанскаго преподается ему.

И потому, казалось бы, очевидно, что обязанность всякаго человѣка, освободившагося отъ религіознаго обмана и желающаго служить народу, состоитъ въ томъ, чтобы словомъ и дѣломъ помогать обманутымъ людямъ освобождаться отъ того обмана, который составляетъ причину ихъ бѣдственнаго положенія. Казалось бы, что, кромѣ общей обязанности каждаго нравственнаго человѣка обличать ложь и исповѣдывать ту истину, вѣсторуую онъ знаетъ, всякій желающій служить народу человѣкъ не можетъ изъ состраданія не желать избавить своихъ братьевъ отъ причиняющаго имъ всякія бѣдствія обмана, въ которомъ они находятся. А между тѣмъ, тѣ самые люди, свободные отъ обмана и независимые и образованные на средства рабочаго народа и по этому одному уже обязанные служить ему, — не видятъ этого.

„Религіозное ученіе не важно,—говорятъ эти люди. Это дѣло совѣсти каждаго отдѣльнаго человѣка. Важно и нужно, — политическое, соціальное, экономическое устройство об-

щества, и на это должны быть направлены все усилия людей, желающих служить народу. А религиозные учения все не важны и, как все суевѣрія, сами собой исчезнутъ въ свое время“. Такъ говорятъ эти образованные люди и, желая служить народу, одни изъ нихъ поступаютъ на службу къ правительству: въ войска, духовенство, члены парламентовъ, и стараются, не обличая того религиознаго обмана, въ которомъ находится народъ, своимъ участіемъ въ правительственной дѣятельности улучшить внѣшнія формы жизни обманутаго народа; другіе, революціонеры, точно такъ же не касаясь вѣрованій народа, вступаютъ въ борьбу съ правительствами, стараясь овладѣть властью тѣми же самыми, какъ и правительства, средствами обмана и насилія; третьи — социалисты, устраиваютъ рабочіе союзы, товарищества, стачки, полагая, что состояніе народа, — несмотря на то, что онъ будетъ оставаться въ томъ же производимомъ ложнымъ ученіемъ заблужденіи суевѣрія или невѣрія, — можетъ быть улучшено. И ни тѣ, ни другіе, ни третьи не только не препятствуютъ распространенію ложной религіи, на которой основано все зло, но когда въ томъ встрѣчается необходимость, — исполняютъ признаваемые ими жи-

выми религиозные обряды: — сами присягаютъ, участвуютъ въ богослуженіяхъ и торжествахъ, одурающихъ народъ, и не препятствуютъ обученію своихъ и чужихъ дѣтей въ школахъ, такъ называемому, закону Божию, — той самой лжи, на которой основано порабощеніе народа. Это-то непониманіе образованными людьми (тѣми самыми, которые болѣе всѣхъ другихъ и могли, и должны бы были разрушать ложное ученіе) того, въ чемъ главная причина зла, и именно на что и должны быть направлены всѣ ихъ усилія, и отвлеченіе этихъ усилій на ложные пути—и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ того, что существующій строй жизни, очевидно ложный и губительный для людей, упорно продолжаетъ держаться, несмотря на признанную уже всѣми его несостоятельность.

Отъ того, что скрыто отъ людей истинное христіанское ученіе, соответствующее требованіямъ нашего времени, и на мѣсто его проповѣдуются ложное — отъ этого всѣ бѣдствія нашего міра.

Только бы люди, желающіе служить Богу и своимъ ближнимъ, поняли, что человѣчество движется не животными требованіями, а духовными силами, и что главная движущая человѣчество духовная сила есть религія,

т. е. опредѣленіе смысла жизни, и, вслѣдствіе этого смысла, различеніе хорошаго отъ дурного, и важнаго отъ неважнаго. Только бы поняли это люди, и они тотчасъ же увидали бы, что основная причина бѣдствій теперешняго человѣчества не во внѣшнихъ матеріальныхъ причинахъ: — не въ политическихъ, не въ экономическихъ условіяхъ, а въ извращеніи христіанской религіи — въ замѣнѣ истинъ, нужныхъ человѣчеству и соотвѣтствующихъ его теперешнему возрасту, собраніемъ бессмысленныхъ, безнравственныхъ нелѣпостей и кощунствъ, называемыхъ церковной вѣрой, посредствомъ которыхъ нехорошее считается хорошимъ, и неважное — важнымъ, и наоборотъ: — хорошее нехорошимъ и важное неважнымъ.

Только бы лучшіе, независимые люди, желающіе искренно служить народу, поняли, что невозможно никакими внѣшними мѣрами улучшить положеніе человѣка, считающаго нехорошимъ ѣсть мясо въ пятницу и хорошимъ то, чтобы наказать смертью провинившагося человѣка, и важнымъ — то, чтобы была оказана подобающая почеть иконѣ или императору, а неважнымъ то, чтобы присягнуть на исполненіе воли другихъ людей и обучаться убійству. Только бы люди

поняли, что никакіе парламенты, стачки, союзы, потребительныя и производительныя общества, изобрѣтенія, школы, университеты и академіи, никакія революціи никакой существенной пользы не могутъ сдѣлать людямъ съ ложнымъ религіознымъ міросозерцаніемъ, и тогда сами собою всѣ силы лучшихъ людей направились бы на причину, а не на послѣдствія, — не на государственную дѣятельность, не на революцію, не на социализмъ, а на обличеніе ложнаго религіознаго ученія и возстановленіе истиннаго.

Только бы поступали такъ люди, и сами собою разрѣшились бы всѣ: и политическіе, и экономическіе, и социальныя вопросы, — такъ, какъ имъ нужно быть разрѣшенными, а не такъ, какъ мы предугадываемъ и предписываемъ.

Разрѣшатся всѣ эти вопросы, разумѣется, не сейчасъ и не по нашему желанію, какъ мы привыкли устраивать жизнь другихъ людей, заботясь только о томъ, чтобы жизнь эта, по внѣшнему, была похожа на то, что намъ хочется (то самое, что дѣлаютъ всѣ правительства); но вопросы эти навѣрно разрѣшатся, если только измѣнится религіозное міросозерцаніе людей, и тѣмъ скорѣе разрѣшатся, чѣмъ больше мы будемъ прила-

гать наши силы не на послѣдствія, а на причину явленій.

Но обличеніе лживой религіи и утверженіе истинной есть очень отдаленное и медленное средство,—говорять на это. Отдаленное оно или медленное, оно, — единственное или, по крайней мѣрѣ, такое, безъ котораго никакія другія средства не могутъ быть дѣйствительны.

Глядя на ужасное, противное и разуму, и чувству устройство человѣческой жизни, я спрашивалъ себя: неужели это такъ надо?

И отвѣтъ, къ которому я прихожу — тотъ, что нѣтъ, этого не надо.

Не надо этого, и не должно быть и не будетъ.

Но не будетъ не тогда, когда люди такъ или иначе перестроятъ свои отношенія, а только тогда, когда люди перестанутъ вѣрить въ ту ложь, въ которой они воспитываются, и повѣрятъ въ высшую истину, которая уже 1900 лѣтъ открыта имъ и — ясна, проста и доступна ихъ разуму.

Левъ Толстой.

Ясная Поляна,
14 октября 1900 г.

**СМЕРТНАЯ КАЗНЬ И
ХРИСТИАНСТВО.**

Третьяго дня получилъ слѣдующее письмо отъ С.-Петербургскаго студента:

„Многоуважаемый Левъ Николаевичъ! Посылаю Вамъ статью А. Ст-на, напечатанную въ „Новомъ Времени“ 18 Декабря, и очень прошу Васъ сообщить, что Вы думаете о ней, а въ особенности о словахъ Христа: утверждаетъ ли Онъ: „что злословящій отца и мать подлежитъ смертной казни.“

При письмѣ приложена была слѣдующая вырѣзка изъ „Новаго Времени“ отъ 18/31 декабря 1908 года:

З А М Ъ Т К И.

.....

Возставать противъ смертной казни — задача очень легкая, пріятная и выигрышная. Я съ дѣтства всю жизнь такъ и думалъ, что государство можетъ отлично обходиться безъ смертной казни, что заповѣдь „не убій“ является повелительнымъ руководствомъ для человечества, что смертная казнь противорѣчитъ христіанскому укладу.

Но пережитая въ Россіи революція и страшный ростъ преступности во Франціи при фактической отмѣнѣ смертной казни заставили многихъ (въ двухъ государствахъ съ противоположнымъ политическимъ строемъ) переоцѣнить и эту цѣнность. Мнѣ этотъ вопросъ представляется гораздо болѣе сложнымъ и сомнительнымъ, чѣмъ онъ всегда представлялся въ своей кажущейся простотѣ и ясности.

Первое сомнѣніе, которое является, слѣдующее:

Отказываясь казнить преступниковъ, не обрекаетъ ли этимъ самымъ государство на казнь случайныхъ жертвъ разнообразныхъ преступленій? Другими словами: милуя завѣдомо виновныхъ, государство казнить гораздо большее число завѣдомо невинныхъ людей.

Но вѣдь это противорѣчитъ нашимъ религіознымъ понятіямъ, ... ?

Приходится и тутъ разобратъся. Какъ примирить суровый Моисеевъ законъ, пестрящій смертными казнями, съ общею заповѣдью: „не убій“. Совершенно очевидно, что эта заповѣдь касалась частныхъ отношеній гражданъ, оберегая государственную монополію еврейской теократіи.

Совершенно такъ же, какъ законъ, возбраняющій, напримѣръ, частнымъ лицамъ постройку желѣзныхъ дорогъ, этимъ самымъ указывалъ бы на преимущественное право государства пользоваться этой регаліей.

Но суровый законъ Моисея доразвился до кроткой религіи Христа. Принято думать, что достаточно простого указанія на Евангеліе, чтобы побѣдоносно оспаривать самую возможность казни. Между тѣмъ въ Евангеліи только въ одномъ мѣстѣ (Ев. отъ Марка гл. 7, ст.9 — 13) упоминается о смертной казни и . . . въ пользу ея:

„9. И сказалъ имъ: Хорошо ли, что вы отмѣняете заповѣдь Божию, чтобы соблюсти свое преданіе?

„10. Ибо Моисей сказалъ; почитай отца своего и мать свою; и злословящій отца или мать смертию да умретъ (Исх. 20, 12, 21, 16).

„11. А вы говорите: кто скажетъ отцу или матери: корванъ, то есть даръ Богу то, чѣмъ бы ты отъ меня пользовался:

„12. Тому вы уже попускаете ничего не дѣлать для отца своего, или матери своей.

„13. Устраняя слово Божіе преданіемъ вашимъ, которое вы установили; и дѣлаете многое сему подобное.“

Здѣсь мы видимъ, что Христось законъ, влекущій смертную казнь, называетъ „словомъ Божіимъ“ и противопоставляетъ ему преданіе, отмѣняющее частное примѣненіе этого закона.

Какъ же смотрѣлъ Христось на возможность судебныхъ ошибокъ, на приговоры несправедливые? Онъ имѣлъ въ виду вѣрующихъ, которымъ смерть не должна внушать паническаго ужаса, естественнаго для отрицающихъ загробное существованіе, и потому повелѣлъ не бояться „убивающихъ тѣло“.

Право на человѣческую жизнь — страшное право. Когда государство выпускаетъ его изъ рукъ, его подбираютъ самозванцы и пользуются имъ безъ удержа и страха.

А. Ст-нѣ.

Я не вѣрилъ глазамъ. До такой степени не вѣрилъ, что отыскалъ полученный въ тотъ же день № 18. Декабря Новаго Времени и прочель.

Все такъ, все это не во снѣ, на яву. Въ большой распространенной консервативной газетѣ, стоящей будто бы за поддержаніе христіанской религіи, разносится по всей Рос-сіи съ видомъ значительности, серьезности и авторитетности это ужасающее кощунство, насмѣшка, издѣвательство надъ ученіемъ Христа и полнѣйшее отрицаніе его.

Въ тотъ же вечеръ я написалъ студенту, приславшему статью, и Ст-ну. Студенту я написалъ слѣдующее:

„Оправдывать смертную казнь словами Христа не рѣшался до сихъ поръ ни одинъ изувѣръ. Такое оправданіе кромѣ своей искусственности и глупости безсовѣстно.

Выводъ изъ такого толкованія буквы писанія, называемаго священнымъ, только одинъ: тотъ, что нѣтъ ничего болѣе вреднаго для пониманія ученія Христа и болѣе губительнаго и для истинной религіи и истинной нравственности, какъ приписываніе непогрѣшимости буквѣ писанія, такъ какъ нѣтъ большихъ нелѣпостей, гадостей и жестокостей, чѣмъ тѣ, которыя основывались на этой буквѣ. На статью же Столыпина можно отвѣтить только однимъ словомъ: „стыдно“, что и написалъ ему.“

20 дек. 1908 г.

Левъ Толстой.

Положеніе людей нашего міра и въ особенности въ наше время нашего русскаго народа ужасно, не тѣмъ только, что самодовольно, спокойно, нескрываясь, а во всеуслышанье совершаются каждый день, какъ что-то необходимое и законное, ужаснѣйшія преступленія, убійства тѣми людьми, которые сами себя считаютъ и считаются темными массами руководителями народа, но главное тѣмъ, что той наглостью, съ которой совершаются эти преступленія, разрушаются въ рабочемъ народѣ послѣдніе остатки вѣры въ какой-нибудь обязательный для людей законъ Бога.

Знаю, что соединенные ложнымъ правительственнымъ устройствомъ люди, совершающіе преступленія, которыя они называютъ казнями, не услышатъ потому, что не хотятъ слышать того, что я кричу, о чемъ умоляю ихъ; но я все-таки не перестану кричать, умолять все объ одномъ и томъ же до послѣдней минуты моей жизни, которой такъ немного осталось, или до тѣхъ поръ, пока тѣ самые люди, которыхъ я обличаю за ихъ злодѣйства, не помѣшаютъ мнѣ обличать ихъ, сдѣлавъ надо мной то же, что они дѣлаютъ надъ другими неприятными имъ людьми, въ томъ числѣ все чаще и чаще за послѣднее время и надъ моими друзьями за распространеніе

моихъ книгъ. Не могу молчать именно потому, что будучи своимъ ли возрастомъ, своей ли случайно раздутой репутацией или по какимъ либо другимъ неизвѣстнымъ и непонятнымъ мнѣ обстоятельствамъ поставленъ въ исключительное положеніе, въ такое, при которомъ я одинъ могу говорить среди всѣхъ живущихъ въ Россіи съ зажатыми ртами людей, я своимъ молчаніемъ показывалъ бы согласіе и одобреніе тѣмъ злодѣйствамъ, которыя, не слыша за нихъ осужденія, все смѣлѣе и смѣлѣе совершаютъ несчастные, заблудшіе люди, называющіе и считающіе себя правителями.

Пишу и теперь о томъ же, о томъ отношеніи людей нашего мнимо-христіанскаго міра, въ особенности такъ называемаго образованнаго класса, къ смертной казни.

Отношеніе это съ поразительной яркостью выразилось и въ статьѣ г-на Ст-на. Какъ ни ничтожна сама по себѣ статья эта и какъ ни нелѣпа, она всетаки представляетъ изъ себя очень опредѣленное кощунство надъ всѣмъ тѣмъ, что всегда было и есть и будетъ священно для людей, понимающихъ христіанское ученіе въ его истинномъ смыслѣ. Въ статьѣ этой, напечатанной въ газетѣ, имѣющей сотни тысячъ читателей, го-

ворится о томъ, что Христось не только не запрещаль убійство, не только признаваль необходимой смертную казнь, но упрекаль людей за то, что они отмѣнили ее. Это Христось, проявленіе Бога любви, того Бога, который есть любовь! И статья эта печатается, распространяется по всей Россіи, и тѣ мнимые христіане, которые изъ всего евангелія дорожатъ болѣе всего тѣми мѣстами, гдѣ говорится о томъ, какъ Христось хлесталь кнутомъ людей въ храмѣ, и какъ спрашиваль, есть ли у учениковъ мечи, не только не возражаютъ, но не обращаютъ никакого вниманія на это кощунство, и статья проходитъ замѣченной только тѣми, которые видятъ въ ней новое оправданіе необходимаго имъ преступленія. Статья, положимъ, очень неосновательна и даже глупа*), но вѣдь либеральныя газеты, по

---

*) Не говоря уже о томъ, что въ древнемъ законѣ не говорится о смертной казни, а о простой смерти, ни о томъ, что предсказывается смерть не за непрокормленіе, а за злословіе родителей, явное значеніе всего мѣста только то, что Христось, приводя слова Моисея, очевидно говоритъ только о томъ, что надо почитать родителей, а никакъ не о томъ, что тѣ злодѣи, которые убиваютъ теперь людей въ Россіи, поступаютъ правильно.

своей партійности стоящія противъ смертной казни, казалось должны бы были—какъ они это всегда дѣлають въ обзорѣ печати—указать на лживость и глупость этой статьи; но я пересмотрѣлъ около десятка газетъ и нигдѣ не нашелъ ни слова объ этомъ кощунствѣ. Студентъ наивно спрашиваетъ, справедливо ли толкованіе Ст-на; либеральная же профессорская газета, хотя и не по случаю статьи Ст-на, а по случаю моей статьи о Босніи и Герцеговинѣ, рассуждаетъ точно такъ же, какъ и г-нъ Ст-нъ, приводя въ защиту насилія, какъ всегда, изгнаніе изъ храма.

И статья, приписывающая Христу упреки тѣмъ, кто желалъ бы отмѣнить смертную казнь, проходитъ невозбранно, одобряемая, очевидно и правительствомъ и либералами.

Вѣдь это ужасно!

Почти въ то же время на послѣднемъ засѣданіи женскаго съѣзда происходитъ слѣдующее: одна изъ женщинъ желаетъ высказать испытываемое ею и большинствомъ женщинъ тяжелое чувство, вызываемое частыми смертными казнями, но не успѣла она произнести слова: смертная казнь, какъ выступилъ полицейскій и запретилъ продолжать говорить о томъ, что не хорошо убивать другъ друга.

Тоже самое и въ Думѣ на другой или на третій день послѣ статьи Ст-на. Одинъ изъ членовъ Думы, узнавъ о томъ, что въ одномъ изъ русскихъ городовъ въ одинъ день было приговорено къ задушенію 32 человѣка, яшелъ, что такое количество задушенныхъ въ одинъ разъ слишкомъ велико и яшелъ нужнымъ выразить по этому случаю свое и своихъ единомышленниковъ негодованіе. Какъ ни странно торжественное выраженіе негодованія людей, исповѣдующихъ законъ Христа, противъ людей, исповѣдующихъ тотъ же законъ и занимающихся уже нѣсколько лѣтъ задушеніемъ своихъ братьевъ и пожелавшихъ по мнѣнію прѣстестующихъ задушить сразу уже слишкомъ много людей, — заявленіе это было сдѣлано. И что же? Какъ отозвалось на это выраженіе негодованія большинство мнимыхъ представителей народа? Отозвалось дикими воплями, ругательствами, отозвалось, главное, — какъ у всѣхъ преступниковъ, знающихъ свою преступность, тѣмъ же, чѣмъ отозвалось на выраженіе несочувствія убійству на женскомъ сѣздѣ, чѣмъ выражается оно во всѣхъ цензурныхъ распоряженіяхъ карающихъ за всякую попытку осужденія убійства: желаніемъ во что бы то ни стало скрыть свое преступленіе, сдѣлать

то, что дѣлаетъ всякій преступникъ: устранить свидѣтелей своего преступленія. Замѣчательно при этомъ особенно то, кто были тѣ, которые больше всего старались заставить замолчать людей, выразившихъ негодованіе противъ смертной казни, — которые особенно возмущались желаніемъ людей прекращенія братоубійства. Все это были тѣ самые люди, которые увѣряютъ себя и другихъ, что они вѣрятъ въ какой то устанавливаемый разными духовными лицами законъ, который они называютъ христіанскимъ, и во имя котораго они совершали, совершаютъ и хотятъ продолжать совершать невозбранно свои злодѣйства.

Въ христіанскомъ государствѣ всякій человекъ, достигшій возраста, долженъ быть солдатомъ, готовымъ къ убійству. Поощряется всякая готовность къ убійству. Разрѣшаются всякаго рода истязанія, отниманіе земли у людей, желающихъ кормиться земледѣліемъ. Разрѣшается проституція, организуется пьянство, признается необходимымъ шпѣонство, запрещается съ величайшей старательностью и заботливостью одно — высказываніе не-сочувствія убійцамъ.

Развѣ не ясно, что люди, поступающіе такъ, знаютъ, кто они такіе, знаютъ, что

для дѣятельности ихъ нѣтъ и не можетъ быть никакого не только религіознаго или нравственнаго, но какого бы то ни было разумнаго оправданія, и что имъ остается одно: всякими самыми отвратительными преступленіями — убійствами, грабежами, всякаго рода обманами, мошенничествами, подлостями удерживать свое положеніе, что они и дѣлаютъ съ удивительной наглостью и дерзостью.

Люди удивляются тому, что жизнь полна всякаго рода ужасовъ и зла. Да развѣ это можетъ быть иначе? Вѣдь жизнь можетъ быть несовершенна въ томъ обществѣ, гдѣ условія жизни отстаютъ отъ идеала, указываемаго вѣрою, или гдѣ самая вѣра включаетъ нѣкоторыя неясности и извращенія. Но какая же можетъ быть жизнь не говоря нравственная, но сколько нибудь порядочная въ томъ обществѣ, гдѣ нѣтъ никакой вѣры, никакого опредѣленія смысла жизни и вытекающаго изъ него руководства поведенія? Въ Китаѣ, въ Индіи, въ Японіи, среди тѣхъ народовъ, которые мы, воображающіе себя христіанами, считаемъ дикими, можетъ протекать болѣе или менѣе разумная человѣческая жизнь. Если у нихъ нѣтъ столько грамофононь, кинематографовъ, автомобилей, туалетныхъ

украшеній, аэроплановъ, 30-этажныхъ домовъ, горъ печатной бумаги и т. п., какъ у насъ, то зато у нихъ есть признаваемый большинствомъ религіозно-нравственный законъ и вытекающее изъ него руководство поведенія, которое люди почитаютъ для себя обязательнымъ. У насъ же, у такъ называемыхъ христіанъ, есть много ненужныхъ и вредныхъ глупостей, которыми мы гордимся, но нѣтъ того одного, безъ чего жизнь человѣческая не жизнь, а животное существованіе. Нѣтъ никакого признаваемого всѣми высшаго закона, объясняющаго смыслъ человѣческой жизни, и вытекающаго изъ него руководства поведенія.

Удивительное дѣло, именно вслѣдствіе высоты, истинности и приложимости къ жизни христіанскаго религіознаго ученія, люди, принявшіе его, остались безъ всякаго, какого бы то ни было, религіознаго ученія.

Христіанское ученіе было принято людьми, живущими въ обществахъ, соединенныхъ только насиліемъ, угрозой всякаго рода казней противъ тѣхъ, кто бы захотѣлъ не подчиняться существующему насилію, и потому понятно, что сущность христіанскаго ученія, предлагающаго замѣну насилія любовью (а только въ этомъ была и есть

сущность христіанства) не могла быть принята, но должна была быть не только старательно скрыта, но скрыта такъ, чтобы само христіанское ученіе, отрицающее всякое насиліе, сдѣлалось бы оправданіемъ, опорой, утвержденіемъ всякаго насилія.

И это кажущееся при первомъ взглядѣ невозможное дѣло, было, однако, сдѣлано. Ученіе любви, всепрощенія, воздаянія добромъ за зло было не только соединено, но сдѣлалось оправданіемъ существованія войскъ, войнъ, патріотизма, судовъ, тюремъ, казней, земельной собственности и всякаго рода насилій. Безчисленное количество богослововъ и ученыхъ потрудились надъ этимъ, казавшимся невозможнымъ, труднымъ дѣломъ. И дѣло было сдѣлано. вмѣсто простого, яснаго христіанскаго ученія любви, отвѣчающаго на требованія души каждаго человѣка, возникло сложное, одинаково въ католичествѣ, православіи и протестантствѣ хитросплетенное зданіе богословскихъ и научныхъ софизмовъ съ своими торжественными обрядами и бессмысленными догматами, не имѣющими въ себѣ никакого внутренняго содержанія, но за то достигающими двоякой цѣли поставленной себѣ властвующими классами: одной цѣли въ томъ, чтобы скрыть истинное

значеніе христіанства; другой въ томъ, чтобы дать людямъ взаи́мнъ христіанства нѣчто подобное ему. И одно время обѣ цѣли были вполнѣ достигнуты: люди не видѣли истиннаго значенія христіанства и слѣпо вѣрили въ выдуманную вѣру, въ церковь, въ папу, въ догматы, таинства, искупленія, мощи, иконы, библию и, довольствуясь этой идолопоклоннической, грубой вѣрой, покорно подчинялись властвующимъ классамъ.

Такъ это продолжалось долгое время, но съ развитіемъ просвѣщенія выдуманная вѣра эта все слабѣе и слабѣе воспринималась людьми, и наконецъ наступило время, когда люди увидѣли всю безсодержательность и внутреннія противорѣчія этой вѣры и стали все болѣе и болѣе освобождаться отъ нея. Освобождаясь же отъ церковной вѣры, люди освобождались и отъ христіанства, которое такъ было искусно сплетено съ церковной вѣрой, что, освободившись отъ церковности, они невольно освобождались и отъ христіанства въ его истинномъ смыслѣ. И сдѣлалось то, что огромное большинство христіанскаго міра, въ особенности такъ называемые интеллигентные классы, освободившись отъ лжи церковной вѣры, остались въ самомъ неестественномъ для чловѣка положеніи: безъ всякой вѣры, безъ

всякаго объясненія смысла жизни и общаго, вытекающаго изъ пониманія жизни, руководства поведенія. Въ такомъ положеніи находится огромное большинство всѣхъ достаточныхъ классовъ христіанскаго міра и въ особенности въ Россіи. Большинство людей тѣхъ классовъ, которые, какъ революціонеры, такъ и правительственные люди хотятъ и думаютъ руководить народомъ, ни во что не вѣрятъ, не признаютъ никакого иного пониманія смысла жизни, кромѣ грубаго, животнаго эгоизма или тщеславія. Разница между тѣми и другими только въ томъ, что революціонеры признаютъ свое невѣріе, даже хвастаются имъ, правительственные же дѣятели хвастаются тѣмъ, что вѣрятъ въ то, во что хуже нельзя вѣрить.

Это-то отсутствіе всякой, какой бы то ни было вѣры, какъ въ людяхъ, борющихся съ правительствомъ, такъ и въ людяхъ, составляющихъ правительство, въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ проявляется и въ особенности рѣзко теперь въ отношеніи нашего русскаго интеллигентнаго общества къ смертной казни.

Въ Думѣ члены выступаютъ противъ смертной казни, но выступаютъ они противъ нея не во имя какихъ либо религіозныхъ, нрав-

ственныхъ основъ, а только потому, что въ передовыхъ странахъ она все меньше и меньше примѣняется, и потому, что отрицаніе смертной казни есть сильный козырь противъ враждебной партіи. Казалось бы самый простой, естественный и неотразимый доводъ противъ смертной казни былъ бы доводъ религіозный о томъ, что смертная казнь несовмѣстима съ тѣмъ христіанствомъ, котораго исповѣдниками признають себя защитники казни. Но либералы не могутъ воспользоваться этимъ доводомъ, во 1-хъ, потому, что они сами не признають никакой религіи и всякую религію считаютъ остаткомъ невѣжества и суевѣрія, во 2-хъ, потому что они смутно чувствуютъ, что настоящее христіанство должно отрицать всякое насиліе. Необходимость же насилія—хотя и для противоположныхъ цѣлей — они признають также, какъ и ихъ противники. Противники же ихъ, считающіе себя религіозными людьми, т. е. исповѣдующими мнимо христіанскую религію, исправленную и духовными, и гражданскими толкователями, вродѣ господина Ст-на, считаютъ смертную казнь до такой степени необходимымъ условіемъ христіанской жизни, что избавленіе отъ смерти, казалось бы, обязательное для всякаго человѣка, могущаго совершить это избавленіе, представляетъ

ся такимъ людямъ какимъ то особеннымъ подвигомъ. Такъ, въ то время, когда я дописывалъ эту статью, въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что русскій царь, какъ онъ выразился „даровалъ жизнь“ этимъ приговореннымъ 32 человѣкамъ. И извѣстіе это о томъ, что человѣкъ, который, имѣя возможность спасти отъ смерти тысячи людей, приговоренныхъ къ казни, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не дѣлалъ этого, а только теперь, по ужасу передъ приговоромъ заразъ тридцати двухъ людей, сдѣлалъ это по отношенію одной сотой тѣхъ, которые были убиты съ его согласія, — извѣстіе это вызвало среди людей, называющихъ себя христианами не ужасъ и отвращеніе къ этому несчастному, заблудшему человѣку, а восхваленія и восторги.

Да, главное бѣдствіе наше не въ деспотизмѣ, не въ ничтожности и жестокости и глупости людей, стоящихъ во власти, не въ озлобленности революціонеровъ, не въ бѣдности народа, а въ одномъ: въ отсутствіи религіи у однихъ и въ притворствѣ или самообманѣ другихъ.

Одни, либералы, воображаютъ, что люди могутъ жить безъ религіи, и что у нихъ нѣтъ религіи, тогда какъ у нихъ есть очень

односторонняя, мелкая и ограниченная, неопредѣленная, чтобы не сказать глупая, религія, которую они называютъ наукой. Другіе же, правительственные люди, охранители, воображаютъ, что у нихъ есть религія, тогда какъ у нихъ нѣтъ никакой, а есть только тотъ церковный обманъ, который нуженъ имъ только для того, чтобы не потерять свою власть надъ обманутымъ народомъ.

Ты, консерваторъ, предписываешь казни, участвуешь въ нихъ, оправдываешь ихъ потому, что ты озабоченъ благомъ общества. То же говоришь и ты, революціонеръ, устраивая свои взрывы, убійства, экспропріаціи. Но вѣдь вы оба ошибаетесь и только обманываете людей и часто самихъ себя. Вѣдь во - первыхъ, излюбленное тобою устройство жизни не можетъ быть несомнѣнно истиннымъ (такъ же увѣрены другіе); во - вторыхъ, никогда не осуществляется то устройство, которое хотятъ установить люди, а совершается, большей частью, совершенно противоположное; въ третьихъ, всякое насиліе, а потому и то, которое вы считаете себя въ правѣ употреблять, никакъ не содѣйствуетъ, а напротивъ, всегда противодѣйствуетъ всякому благоустройству; и въ четвертыхъ,

главное, ваше призваніе въ этой жизни, которая всякую минуту можетъ прекратиться, никакъ не можетъ быть ни въ томъ, чтобы удержи-вать существующее устройство, ни въ томъ, чтобы устанавливать то или другое обще-ственное устройство, а можетъ быть только въ исполненіи своихъ человѣческихъ обязан-ностей передъ Богомъ или передъ своей со-вѣстью, если вы не признаете Бога.

И ты, человѣкъ, всякую минуту могу-щій умереть, не находишь ничего лучшаго, какъ то, чтобы употреблять твою жизнь на то, чтобы посредствомъ насилій, убійствъ, осуществлять или поддерживать излюбленное тобою общественное устройство, которое для твоей души, для исполненія твоего истинна-го назначенія жизни совершенно ненужно.

И потому, кто бы ты ни былъ: царь, террористъ, палачъ, лидеръ какой либо пар-тіи, солдатъ профессоръ, кто бы ты ни былъ, вопросъ для тебя только одинъ: какія твои обязанности главнѣе и какими для какихъ ты долженъ пожертвовать: обязанностями чле-на государства, народа, революціонной пар-тіи, или обязанностями человѣка, члена все-го настоящаго, прошедшаго и будущаго чело-вѣчества? Свойственно ли тебѣ, разумному су-ществу, человѣку, съ злобой, раздраженіемъ

и часто отчаяніемъ употреблять твою, всякій часъ могущую исчезнуть жизнь на дѣла насилія и убійства, во имя предполагаемаго тобой наилучшаго устройства или, напротивъ, независимо отъ всякой заботы о томъ или другомъ устройствѣ, ставя выше всего свое человѣческое достоинство, употреблять свои силы на согласныя съ твоей совѣстью дѣла добра и любви, которыя сейчасъ, вполнѣ удовлетворяя тебя вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежно приближаютъ и все человѣчество не къ тому фантастическому благу людей, которое каждый опредѣляетъ по своему, а къ тому несомнѣнному, хотя и неясному намъ по своей формѣ благу, къ которому, не переставая, стремится человѣчество.

Да, положеніе теперешняго христіанскаго человѣчества ужасно. Одно утѣшеніе то, что оно такъ ужасно, что не можетъ дольше продолжаться. Не могутъ же люди не признать наконецъ ту вѣчную, хотя и смутно, но всегда сознаваемую каждымъ человѣкомъ истину о томъ, что людямъ свойственно жить не насиліемъ, не угрозами, не убійствами, а любовью, и, сознавъ эту истину, не могутъ же не измѣнить свою дѣятельность. Измѣненіе же дѣятельности само собой, хотя мы и не знаемъ какъ, измѣнить и устройство жиз-

ни людей. Да, люди не могут не сдѣлать этого, не могут потому, что жизнь можно измѣнить по сознаваемой истинѣ, истину же нельзя измѣнить по той формѣ жизни, которая намъ нравится. Тѣмъ болѣе нельзя, что люди христіанскаго міра уже нѣсколько столѣтій пытаются дѣлать это, и всѣ попытки такого извращенія истины и продолженія прежней жизни ведутъ только къ все большимъ и большимъ бѣдствіямъ и все къ большому и большому уясненію истины.

Ясная Поляна, 22 Декабря 1908.

Христiанство и Патріотизмъ.

I.

Люди русскіе и французскіе жили много столѣтій, зная другъ друга, входя иногда въ дружескія, большею частью, къ сожалѣнію, въ очень враждебныя, вызываемыя ихъ правительствами, отношенія другъ съ другомъ, и вдругъ оттого, что два года тому назадъ французская эскадра прибыла въ Кронштадтъ, и офицеры эскадры, вышедши на берегъ, въ разныхъ мѣстахъ много ѣли и пили разного вина, выслушивая при этомъ и произнося много лживыхъ и глупыхъ словъ, и оттого, что въ 1893 году такая же русская эскадра прибыла въ Тулонъ, и офицеры русской эскадры въ Парижѣ много ѣли и пили, выслушивая и произнося при этомъ еще больше лживыхъ и глупыхъ словъ, сдѣлалось то, что не только тѣ люди, которые ѣли, пили и говорили, но и всѣ тѣ, которые присут-

ствовали при этомъ, и всѣ тѣ даже, которые не присутствовали при этомъ, но только слышали и читали въ газетахъ про это, всѣ эти милліоны людей русскихъ и французскихъ вдругъ вообразили себѣ, что они какъ то особенно любятъ другъ друга, т. е. всѣ французы всѣхъ русскихъ, и всѣ русскіе всѣхъ французовъ.

Чувства эти выражались во Франціи въ прошедшемъ октябрѣ самымъ необыкновеннымъ образомъ.

Вотъ какъ описывается встрѣча русскихъ моряковъ въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“, газетѣ, собирающей свои свѣдѣнія изъ всѣхъ другихъ.

„При встрѣчѣ судовъ русскихъ и французскихъ, тѣ и другія, кромѣ пушечныхъ выстрѣловъ, привѣтствовали другъ друга горячими, восторженными криками „ура“, „да здравствуетъ Россія“, „да здравствуетъ Франція!“

Къ этому присоединились хоры музыки (бывшіе на многихъ частныхъ пароходахъ), исполнявшіе гимны — русскій „Боже царя храни“ и французскій „Марсельезу“; публика на частныхъ судахъ махала шляпами, флагами, платками и букетами цвѣтовъ; на многихъ баркахъ были одни крестьяне и крестьянки со своими дѣтьми, и у всѣхъ въ

рукахъ были букеты цвѣтовъ, и даже ребята, махая букетами, кричали что было мочи: „вивъ ля Русси“. Наши моряки, видя такой восторгъ народный, не могли удержаться отъ слезъ.

„Въ гавани были выстроены въ двѣ линіи всѣ французскія военныя суда, находившіеся въ Тулонѣ, и наша эскадра проходила между ними: впереди шель адмиральскій броненосецъ, а за нимъ остальные. Наступила чрезвычайно торжественная минута.

„Съ русскаго броненосца послѣдовало пятнадцать пушечныхъ выстрѣловъ въ честь французской эскадры, а въ отвѣтъ французскій броненосецъ далъ двойное число выстрѣловъ — тридцать. Съ французскихъ судовъ грянули звуки русскаго гимна. Французскіе матросы взбираются на реи и мачты; громкіе клики привѣтствій безостановочно льются съ обѣихъ эскадръ и съ частныхъ судовъ; шапки матросовъ, шляпы и платки публики— все это восторженно поднимается кверху въ честь дорогихъ гостей. Отовсюду съ воды и съ берега гремитъ одинъ общій возгласъ: „да здравствуетъ Россія! да здравствуетъ Франція!“

„Согласно морскому уставу, адмираль Авеланъ съ офицерами своего штаба выса-

дился на берегъ, чтобы привѣтствовать мѣстныхъ властей. На пристани русскихъ моряковъ встрѣтили французскій главный морской штабъ и старшіе офицеры Тулонскаго порта. Послѣдовали общія дружескія рукопожатія при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ. Хоръ морской музыки исполнилъ гимнь „Боже, царя храни“, покрытый громовыми кликами публики: „да здравствуетъ царь!“ „да здравствуетъ Россія!“ Эти клики слились въ одинъ могучій гулъ, покрывшій и музыку и пушечную пальбу.

„Очевидцы сообщаютъ, что въ эту минуту восторгъ несмѣтной массы народа достигъ высочайшей степени, и словами невозможно передать, какими ощущеніями переполнились сердца всѣхъ здѣсь присутствующихъ. Адмиралъ Авеланъ, съ обнаженною головою и въ сопровожденіи русскихъ и французскихъ офицеровъ, отправился въ помѣщеніе морского управленія, гдѣ его ожидалъ французскій морской министръ.

Принимая адмирала министръ сказалъ:
„—Кронштадтъ и Тулонъ—это два мѣста, которые свидѣтельствуютъ о сочувствіи между русскимъ и французскимъ народами; вы будете вездѣ встрѣчены, какъ сердечные друзья.

„Правительство и вся Франція поздравляетъ васъ съ прїѣздомъ и вашихъ спутниковъ, представляющихъ „великій и благородный народъ“. Адмиралъ отвѣтилъ, что онъ не въ силахъ выразить всю свою благодарность: „русская эскадра и вся Россія“, сказалъ онъ, „будутъ признательны за вашъ прїемъ“. Послѣ краткаго разговора, прощаясь съ министромъ, адмиралъ вторично благодарилъ его за прїемъ и прибавилъ: „Не хочу съ вами разставаться, пока не произнесу тѣхъ словъ, которыя начертаны въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей: „да здравствуетъ Франція!“*).

Такова была встрѣча въ Тулонѣ; въ Парижѣ встрѣча и празднества были еще удивительнѣе.

Вотъ какъ описывается въ газетахъ встрѣча въ Парижѣ: „Всѣ взоры направлены на бульваръ des Italiens (Итальянскій бульваръ), откуда должны появиться русскіе моряки. Издали доносится наконецъ гулъ цѣлаго урагана восклицаній и аплодисментовъ. Гулъ становится сильнѣе, явственнѣе. Ураганъ видимо приближается. На площади происходитъ сильнѣйшее движеніе. Полицейскіе бросаются расчищать дорогу Cercle militaire (военный клубъ), но это оказывается дѣломъ далеко не легкимъ. Въ толпѣ поднялась невообразимая

толкотня и давка. Наконецъ на площади появляется голова кортежа. Въ тотъ же моментъ надъ ней проносится оглушительный крикъ: „Vive Ia Russie! Vive Ies Russes“! (Да здравствуетъ Россія! Да здравствуютъ русскіе). Всѣ обнажаютъ головы, публика биткомъ набившаяся въ окнахъ, на балконахъ, размѣстившаяся даже на крышахъ, машетъ платками, флагами, шляпами, ожесточенно аплодируетъ, бросаетъ изъ оконъ верхнихъ этажей облака небольшихъ разноцвѣтныхъ кокардъ. Цѣлое море платковъ, шляпъ, флаговъ волнуется надъ головами толпы, стоящей на площади: „Vive Ia Russie! Vive Ies Russes“! кричитъ эта стотысячная толпа, стараясь по-лучше разсмотрѣть дорогихъ гостей, протягивая къ нимъ руки и всячески выражая свои симпатіи“*).

Другой корреспондентъ пишетъ, что восторгъ толпы граничилъ съ бредомъ. Одинъ русскій публицистъ, бывший въ то время въ Парижѣ, описываетъ это вшествіе моряковъ слѣдующимъ образомъ:

—„Правду говорятъ — событіе всемірное, изумительное, трогательное до слезъ, поднимающее душу, заставляющее ее трепетать

*) Новое Время.

той любовью, которая видитъ въ людяхъ братьевъ, и которая ненавидитъ кровь и насильственныя присоединенія, отторженіе родныхъ дѣтей отъ любимой матери. Я въ какомъ то чаду въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Мнѣ было странно, почти непосильно стоять на станціи Ліонской желѣзной дороги среди представителей французской администраціи въ золотомъ шитыхъ мундирахъ, среди муниципалитета во фракахъ и слышать крики: „Vive la Russie! Vive le czar!“ и нашъ народный гимнъ, исполняемый нѣсколько разъ сряду. Гдѣ я? что такое случилось? какая волшебная струя соединила все это въ одно чувство, въ одинъ разумъ? Развѣ не чувствуется тутъ присутствіе Бога любви и братства, присутствіе чего-то высшаго, идеальнаго, сходящаго на людей только въ высокія минуты? Сердце такъ полно чѣмъ-то прекраснымъ и чистымъ и возвышеннымъ, что перо не въ состояніи всего этого выразить. Слова блѣдны передъ тѣмъ, что я видѣлъ, что я чувствовалъ. Это не восторгъ, слово это слишкомъ банально, — это лучше восторга. Живописнѣе, глубже, радостнѣе, разнообразнѣе. Нельзя описывать того, что было у „Cercle

militaire“, когда появился на балконѣ второго этажа адмиралъ Авеланъ. Тутъ слова ничего не скажутъ. Во время молебна, когда пѣвчіе пѣли въ церкви „Спаси, Господи, люди твоя“, въ открытыя двери врывались торжественные звуки Марсельезы духового оркестра, который игралъ на улицѣ. Что-то изумительное по впечатлѣнію, непередаваемое“*).

II.

Приѣхавши во Францію, русскіе моряки въ продолженіе двухъ недѣль переходили съ праздника на праздникъ и въ срединѣ или по окончаніи всякаго праздника ѣли, пили и говорили. И свѣдѣнія о томъ, гдѣ и что они ѣли и пили въ среду, и гдѣ и что въ пятницу, и что при этомъ говорили, по телеграфу сообщалось всей Россіи. Какъ только который нибудь изъ русскихъ капитановъ пилъ за здоровье Франціи, такъ это тотчасъ становилось извѣстнымъ міру, и какъ только русскій адмиралъ говорилъ: „пью за прекрасную Францію!“ слова эти тотчасъ же разносились

---

*) Новое Время, октябрь, 93 года.

по всему міру. Но мало того, заботливость газетъ была такова, что сообщались не только тосты, но и много обѣдовъ съ пирожками и закусками, которыя употреблялись на обѣдахъ.

Такъ въ одномъ № газеты было сказано, что обѣдъ представлялъ изящное произведение:

Consommè de vollailles, petits patés.
Mousse de homard parisienne.
Noisette de boeuf à la béarnaise.
Faisans à la Perigor.
Casseroles de truffes au champagne.
Chaufroid de volailles à la Toulouse.
Salade russe.
Croute de fruits toulonaise.
Parfaits à l'ananas.
Desserts. *).

Въ слѣдующемъ № было сказано:

И въ кулинарномъ отношеніи обѣдъ не

---

*Бульонъ изъ дичи, маленькіе пирожки.
Муссъ изъ парижскихъ омаровъ.
Вырѣзка по беарнски.
Фазаны «à la» Перигоръ.
Салатъ изъ трюфелей съ шампанскимъ,
Дичь по Тулузски.
Русскій салатъ.
Фрукты по Тулонски.
Ананасное мороженое.
Десертъ.

оставлялъ желать ничего лучшаго: меню было слѣдующее:

Potage livonien et S-Germain.

Zéphyr Nantua.

Esturgeon braisé moldave.

Selle de daguet grand veneur“..и т.д.**).

Въ слѣдующей газетѣ описывается опять новое меню. При каждомъ меню описывались еще подробно и тѣ напитки, которые поглощали всѣ празднующіе: такая-то „вудка“, такое-то Bourgogne vieu (Старое Бургунское), Grand Moet, (Шампанское Моеть) и т. п. Въ англійской газетѣ было перечисленіе всѣхъ тѣхъ пьяныхъ напитковъ, которые были поглощены во время этихъ празднествъ. Количество это такъ огромно, что едва-ли всѣ пьяницы Россіи и Франціи могли бы выпить столько въ такое короткое время.

Сообщались и рѣчи, произносимыя празднующими, но меню были разнообразіе рѣчей. Рѣчи состояли неизмѣнно изъ однихъ и тѣхъ же словъ въ различныхъ сочетаніяхъ и перемѣщеніяхъ. Смыслъ этихъ словъ былъ всегда одинъ и тотъ-же: мы нѣжно любимъ другъ

---

*) Супъ Ливонскій и Сентъ-Жерменскій.
Зефиръ Нантуа.

Вареная осетрина по молдавски и т. д. (Ред.).

друга, мы въ восторгѣ, что мы вдругъ такъ нѣжно полюбили другъ друга. Цѣль наша не война и не реваншъ и не возвращеніе отнятыхъ провинцій, а цѣль наша только миръ, благодѣяніе мира, обезпеченіе мира, спокойствіе и миръ Европы. Да здравствуетъ русскій императоръ и императрица, мы любимъ ихъ и любимъ миръ. Да здравствуетъ президентъ республики и его супруга, мы тоже любимъ ихъ и любимъ миръ. Да здравствуетъ Франція, Россія, ихъ флотъ и ихъ армія. Мы любимъ и армію, и миръ, и начальника эскадры. Рѣчи большею частью заканчивались, какъ въ куплетахъ словами: Тулонъ, Кронштадтъ, или Кронштадтъ, Тулонъ. И наименованіе этихъ мѣстъ, гдѣ было такъ много съѣдено разныхъ кушаній и выпито разнаго вина, произносились какъ слова, напоминающіе самыя высокіе, доблестныя поступки представителей обоихъ народовъ, такія слова, послѣ произнесенія которыхъ уже говорить нечего, потому что все понятно. Мы любимъ другъ друга и любимъ миръ, Кронштадтъ, Тулонъ! что еще можно прибавить къ этому??... особенно подъ звуки торжественной музыки, играющей одновременно два гимна: одинъ—прославляющій царя и просвѣщій у Бога для него всякихъ благъ, дру-

гой—проклинающій всѣхъ царей и обѣщающій имъ всѣмъ погибель.

Людымъ, особенно хорошо выразавшимъ свои чувства любви, давались ордена и награды, нѣкоторымъ же людымъ за тѣ же услуги или просто отъ избытка чувствъ подносились подарки самые странные и неожиданные: такъ, русскому царю французская эскадра поднесла въ подарокъ какую-то золотую книгу, въ которой, кажется, ничего не написано, а если и написано, то нѣчто такое, чего никому знать не нужно, а начальнику русской эскадры, въ числѣ другихъ подарковъ, еще болѣе удивительный предметъ—соху изъ алюминія, покрытую цвѣтами, и много другихъ такихъ же неожиданныхъ подарковъ.

Кромѣ того, всѣ эти странные поступки сопровождались еще болѣе странными религиозными обрядами и общественными молитвами, отъ которыхъ казалось бы уже давно отвыкли французы. Едва-ли со временъ Конкордата было совершено столько общественныхъ молитвъ, сколько въ это короткое время. Всѣ французы стали вдругъ необыкновенно набожны и заботливо развѣшивали въ комнатахъ русскихъ моряковъ тѣ самые образа, которые они тоже старательно, какъ

вредное орудіе суевѣрія, выносили изъ своихъ школь, и не переставая, молились. Кардиналы и епископы вездѣ предписывали молитвы и сами молились самыми странными молитвами. Такъ епископъ въ Тулонѣ, при спускѣ броненосца „Жоригибери“, молился Богу мира, давая чувствовать при этомъ однако, что если что, то онъ можетъ обратиться и къ Богу войны.

„Какова будетъ судьба его“, сказалъ епископъ, говоря о спускаемомъ броненосцѣ, „одинъ Богъ только вѣдаетъ, будетъ ли онъ извергать смерть изъ ужасающихъ нѣдръ своихъ — неизвѣстно. Но если бы, призвавъ нынѣ Бога мира, намъ пришлось впоследствии призвать и Бога брани, мы твердо уповаемъ, что „Жоригибери“ пойдетъ на врага рука объ руку съ могучими судами, экипажи коихъ вступили нынѣ въ столь близкое братское единеніе съ нашими. Но да минуетъ насъ эта перспектива, да оставитъ настоящее празднество только мирное воспоминаніе, какъ воспоминаніе о великомъ князѣ Константинѣ (Константинъ Николаевичъ былъ въ Тулонѣ въ 1857 г.), который здѣсь же присутствовалъ на спускѣ корабля „Квириналь“, и да сдѣлаетъ дружба Франціи съ Россіей изъ этихъ двухъ націй хранителей мира..“

Между тѣмъ десятки тысячъ телеграммъ перелетали изъ Россіи во Францію и изъ Франціи въ Россію. Французскія женщины привѣтствовали русскихъ женщинъ. Русскія женщины выражали свою благодарность французскимъ женщинамъ. Труппа русскихъ актеровъ привѣтствовала французскихъ актеровъ, французскіе актеры сообщали, что они закладываютъ глубоко въ сердца привѣтствіе труппы русскихъ актеровъ. Русскіе кандидаты на судебныя должности, состоящіе при окружномъ судѣ какого-то города, изъявляли свой восторгъ французской націи. Генераль такой то благодарилъ г-жу такую то, г-жа такая то увѣряла въ своихъ чувствахъ къ русской націи генерала такого то; русскіе дѣти писали привѣтственные стихи французскимъ дѣтямъ, французскіе дѣти отвѣчали стихами и прозой; русскій министръ просвѣщенія свидѣтельствовалъ министру французскаго просвѣщенія о чувствахъ внезапной любви къ французамъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему русскихъ дѣтей, ученыхъ и писателей; члены общества покровительства животнымъ свидѣтельствовали свою горячую привязанность французамъ; о томъ же заявляла Казанская дума.

Каноникъ Аррарской епархіи заявлялъ

высокопреподобному протопресвитеру русскаго придворнаго духовенства, что онъ можетъ утверждать, что въ сердцахъ всѣхъ французскихъ кардиналовъ и архіепископовъ глубоко запечатлѣна любовь къ Россіи и къ его величеству Александру III и его августѣйшей фамиліи, и что французскіе и русскіе священники исповѣдуютъ почти одну и ту же вѣру и одинаково чтутъ пресвятую дѣву. На что высокопреподобный протопресвитеръ отвѣчалъ, что молитвы французскаго духовенства за августѣйшую фамилію радостно отозвались въ сердцахъ всего русскаго царелюбиваго народа и что, такъ какъ русскій народъ также чтитъ пресвятую дѣву, то и можетъ разсчитывать на Францію на жизнь и смерть. О томъ же почти заявляли разные генералы, телеграфисты и торговцы бакалейными товарами. Всѣ кого-то съ чѣмъ-то поздравляли, кого-то за что-то благодарили. -

Возбужденіе было такъ велико, что совершались самыя необычайныя поступки, но никто не замѣчалъ ихъ необычайности, а напротивъ всѣ одобряли ихъ, восхищались ими и, какъ будто боясь опоздать, торопились каждый совершить поскорѣ какой-нибудь такого-же рода поступокъ, чтобы не отстать отъ прочихъ. Если слышались высказы-

ваемые и даже писанные и печатные противъ этихъ бѣснованій протесты, указывающіе на неразумность ихъ, то протесты эти скрывались или заглашались *).

Не говоря уже о всѣхъ милліонахъ

---

*) Такъ мнѣ извѣстенъ слѣдующій протестъ студентовъ, посланный въ Парижъ, но не принятый ни въ одной газетѣ:

Открытое письмо къ французскимъ студентамъ.

«Недавно кучка московскихъ студентовъ юристовъ, съ инспекціей во главѣ, взяла на себя смѣлость говорить отъ лица всего Московскаго студенчества по поводу Тулонскихъ празднествъ.

«Мы представители союза землячествъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуемъ какъ противъ самозванства этой кучки, такъ и по существу противъ происшедшаго между нею и французскими студентами обмѣна привѣтствій. Мы тоже смотримъ съ горячей любовью и глубокимъ уваженіемъ на Францію, но смотримъ такъ на нее потому, что видимъ въ ней великую націю, которая прежде постоянно являлась для всего міра глашатаемъ и провозвѣстникомъ великихъ идеаловъ свободы, равенства и братства, которая была первою и въ дѣлѣ отважныхъ попытокъ воплощенія въ жизнь этихъ великихъ идеаловъ, и лучшая часть русской молодежи всегда была готова привѣтствовать Францію, какъ передового воина за лучшее будущее человѣчества. Но мы не считаемъ такіа празднества, какъ Кронштадтскія и Тулонскія подходящимъ поводомъ для подобныхъ привѣтствій.

Напротивъ, эти празднества знаменуютъ собою печальное, но, надѣмся, временное явленіе,—измѣну Франціи своей прежней великой исторической роли: страна призывавшая когда-то весь міръ разбить оковы деспотизма и предлагавшая свою братскую помощь всякому народу, возставшему за свое освобожденіе,

рабочихъ дней, потраченныхъ на эти празднества, на повальное пьянство всѣхъ участвующихъ, поощряемое всѣми властями, не говоря о бессмысленности произнесенныхъ рѣчей, совершались самыя безумныя и жестокия дѣла, и никто не обращалъ на нихъ вниманія.

Такъ задавлено было до смерти нѣсколь-

--теперь воскуряетъ фимиамы передъ русскимъ правительствомъ, которое систематично тормозитъ нормальный, органический и живой ростъ народной жизни и безпощадно подавляетъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, всё стремленія русскаго общества къ свѣту, къ свободѣ и къ самостоятельности. Тулонскія манифестаціи—есть одинъ изъ актовъ той драмы, которую представляетъ созданный Наполеономъ III и Бисмаркомъ антагонизмъ между двумя великими націями—Франціей и Германіей. Этотъ антагонизмъ держитъ всю Европу подъ ружьемъ и дѣлаетъ вершителемъ политическихъ судебъ міра русской абсолютизмъ, всегда бывшій опорой произвола и деспотизма противъ свободы, эксплуататоровъ противъ эксплуатируемыхъ. Чувство боли за свою страну, сожалѣніе о слѣпотѣ значительной части французскаго общества—вотъ какія чувства вызываютъ въ насъ эти празднества.

Мы вполнѣ убѣждены, что молодое поколѣніе Франціи не увлекается національнымъ шовинизмомъ и готовое бороться за тотъ лучший соціальный строй, къ которому идетъ человѣчество, сьумѣетъ себѣ отдать отчетъ въ настоящихъ событіяхъ и отнестись къ нимъ надлежащимъ образомъ; мы надѣемся, что нашъ горячій протестъ найдетъ себѣ сочувственный откликъ въ сердцахъ французской молодежи».

Союзный совѣтъ 24-хъ объединенныхъ московскихъ землячествъ.

ко десятковъ людей и никто не находилъ нужнымъ упоминать объ этомъ. Одинъ корреспондентъ писалъ, что французъ сказалъ ему на балѣ, что теперь едва ли найдется одна женщина въ Парижѣ, которая не измѣнила бы своимъ обязанностямъ для удовлетворенія желанія какого либо русскаго моряка, и все это проходило незамѣченнымъ, какъ нѣчто такое, что такъ и должно быть. Появлялись случаи и ясно выраженного бѣшенства. Такъ одна женщина, одѣвшись въ платье изъ цвѣтовъ французско-русскаго флаговъ, дождалась моряковъ, воскликнула: „Vive la Russie!“ и съ моста прыгнула въ рѣку и потонула.

Женщины вообще во всѣхъ этихъ торжествахъ играли выдающуюся роль и даже руководили мужчинами. Кромѣ бросанія цвѣтовъ и разныхъ ленточекъ и поднесенія подарковъ и адресовъ, французскія женщины на улицахъ бросались на русскихъ моряковъ и цѣловали ихъ, нѣкоторыя для чего-то подносили имъ дѣтей, предлагая цѣловать ихъ; когда русскіе моряки исполняли это желаніе, то всѣ присутствующіе приходили въ восторгъ и плакали.

Странное возбужденіе это было такъ заразительно, что, какъ рассказываетъ одинъ

корреспондентъ, казавшійся совершенно здоровымъ русскій матросъ, послѣ двухнедѣльнаго созерцанія всего совершавшагося вокругъ него, — въ срединѣ дня спрыгнулъ съ корабля въ море, и поплылъ, крича: вифъ-ля Франсъ! Когда его вытащили и спросили, зачѣмъ это онъ сдѣлалъ, онъ отвѣчалъ, что далъ зарокъ въ честь Франціи оплыть кругомъ корабля.

Такимъ образомъ ничѣмъ не нарушаемое возбужденіе росло и росло, какъ комъ катящагося мокраго снѣга, и доросло, наконецъ, до того, что не только присутствующіе, не только предрасположенные, слабонервные, но сильные, нормальные люди подпали общему настроенію и пришли въ ненормальное состояніе.

Помню, что я, въ разсѣяніи читая одно изъ такихъ описаній торжества пріема моряковъ, вдругъ неожиданно почувствовалъ сообщившееся мнѣ чувство, подобное умиленію, даже готовность къ слезамъ, такъ что долженъ былъ сдѣлать усиліе, чтобы побороть это чувство.

III.

Недавно профессоръ психіатріи Сикорскій описалъ въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ изслѣдованную имъ, какъ онъ называетъ это, психопатическую эпидемію малеванщины, проявившуюся въ нѣкоторыхъ деревняхъ Васильковского уѣзда, Кіевской губерніи. Сущность этой эпидеміи состояла, по словамъ г-на Сикорскаго, въ томъ, что нѣкоторые люди этихъ деревень подъ вліяніемъ ихъ руководителя, по фамиліи Малеваннаго, вообразили себѣ, что въ скоромъ времени долженъ наступить конецъ міра, и, измѣнивъ вслѣдствіе этого весь свой образъ жизни, стали раздавать свое имущество, наряжаться, сладко ѣсть и пить и перестали работать. Профессоръ нашелъ положеніе этихъ людей ненормальнымъ. Онъ говоритъ: „необыкновенное благодушіе ихъ переходило часто въ экзальтацію, радостное состояніе, лишенное виѣшнихъ мотивовъ. Они настроены были сантиментально: учтивы до утрировки, говорливы, подвижны, съ легко наступающими и столь же легко и безслѣдно исчезающими

слезами радости. Они продавали необходимое, чтобы обзавестись зонтиками, шелковыми платками и т. п. принадлежностями, и къ тому же платки служили для нихъ только какъ туалетное украшеніе. Они много ѣли сластей. Настроеніе ихъ духа всегда было жизнерадостное и жизнь они вели праздную: посѣщали другъ друга, гуляли вмѣстѣ... При указаніи имъ на явно нелѣпый характеръ ихъ отказа отъ работъ, можно было каждый разъ получить въ отвѣтъ стереотипную фразу: „захочется — буду работать, не захочется — зачѣмъ стану себя принуждать?!“

Ученый профессоръ считаетъ состояніе этихъ людей явно выраженнымъ случаемъ психопатической эпидеміи и, совѣтуя правительству принять нѣкоторыя мѣры противъ распространенія ея, заканчиваетъ свое сообщеніе словами: „малеванщина есть вопль заболѣвшаго населенія и мольба объ освобожденіи отъ вина и объ улучшеніи образованія и санитарныхъ условій.“

Но если малеванщина есть вопль заболѣвшаго населенія и мольба объ освобожденіи отъ вина и отъ вредныхъ общественныхъ условій, то какой же ужасающій вопль заболѣвшаго населенія и какая мольба объ избавленіи его отъ вина и

отъ ложныхъ общественныхъ условій есть эта новая болѣзнь, появившаяся въ Парижѣ и съ ужасающей быстротой охватившая большую часть городского населенія Франціи и почти всю правительственную и господскую цивилизованную Россію?

И если признать то, что психопатическое страданіе малеванщины опасно, и что правительство хорошо сдѣлало, послѣдовавъ совѣту профессора, устранивъ руководителей малеванцевъ заключеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ сумасшедшіе дома и монастыри и ссылкой нѣкоторыхъ въ отдаленныя мѣста, то насколько болѣе опасной должно признать эту вновь появившуюся въ Тулонѣ и Парижѣ и оттуда распространившуюся по всей Франціи и Россіи, новую эпидемію, и насколько необходимѣе, если не правительству, то обществу принять рѣшительныя мѣры противъ распространенія такихъ эпидемій.

Сходство между тою и другою болѣзнью полное. То же необыкновенное благодушіе, переходящее въ безпричинную и радостную экзальтацію, та же сантиментальность утрированная учтивость, говорливость, тѣ же безпрестанныя слезы умиленія, приходящія и проходящія безъ причины, то же праздничное настроеніе, то же гуляніе и посѣщеніе другъ друга, то же на-

ряженіе себя въ самыя нарядныя платья, то же пристрастіе къ сладкой ѣдѣ, тѣ же безмысленныя рѣчи, та же праздность, то же пѣніе и музыка, то же руководство женщинъ и та же для многихъ клоуническая фаза *attitudes passionnelles*, которую замѣтилъ г-нъ Сикорскій у малеванцевъ, т. е., какъ я понимаю это слово, тѣ различныя, ненатуральныя позы, которыя принимаютъ люди во время торжественныхъ встрѣчъ, пріемовъ и произнесенія рѣчей во время обѣдовъ.

Сходство совершенное. Разница только въ томъ, и разница огромная для того общества, въ которомъ происходятъ эти явленія, что тамъ это помѣшательство нѣсколькихъ десятковъ мирныхъ, бѣдныхъ деревенскихъ жителей, живущихъ своими небольшими средствами и потому не могущихъ совершить никакого насилія надъ своими сосѣдями и заражающихъ другихъ только посредствомъ личной и изустной передачи своего настроенія, здѣсь же — это помѣшательство милліоновъ людей, обладающихъ огромными суммами денегъ и средствами насилія надъ другими людьми: ружьями, штыками, крѣпостями, броненосцами, меленитами, динамитами, и, кромѣ того, имѣющими въ своемъ распоряженіи самыя энергическія

средства распространения своего помѣшательства: почту, телеграфы, огромное количество газетъ и всякаго рода изданій, наперерывъ печатающихъ и разносящихъ ихъ заразу во всѣ концы міра. Разница еще въ томъ, что первые не только не напиваются пьяны, но не употребляютъ никакихъ хмѣльных напитковъ, вторые же находятся постоянно въ полупьяномъ состояніи, которое они не переставая въ себѣ поддерживаютъ. И потому для общества, въ которомъ происходятъ такія явленія, между кievской эпидеміей, во время которой, по свѣдѣніямъ г-на Сикорскаго, не видно, чтобы было совершенно какое либо насиліе, убійство, и той, которая появилась въ Парижѣ, гдѣ при одномъ шествіи задавлено было 20 женщинъ, разница та же, какая была бы между тѣмъ, что изъ печки выскочилъ уголекъ и теплится на полу, который очевидно не загорится отъ него, и огнемъ, который захватилъ уже двери и стѣны дома. Въ худшемъ случаѣ послѣдствія кievской эпидеміи будутъ состоять въ томъ, что крестьяне одной миліонной части Россіи проживутъ то, что они нажили своимъ трудомъ и окажутся несостоятельными для уплаты казенныхъ податей. Послѣдствія же отъ эпидеміи тулонско-парижской, захватившей людей, обладающихъ страшной властью,

огромными суммами денег, орудіями насилія и распространенія своего помѣшательства, —могутъ и должны быть ужасны.

IV.

Можно съ жалостью выслушивать тотъ вздоръ, который болтаетъ слабый, старый, безоружный сумасшедшій въ своемъ колпакѣ и халатѣ, даже и не противорѣчить и шутя даже потакнуть ему, но когда эта цѣлая толпа здоровенныхъ сумасшедшихъ, вырвавшихся изъ своего заключенія, и толпа эта обвѣшана съ головы до ногъ острыми кинжалами, саблями и заряженными револьверами и въ азартѣ размахиваетъ этими смертоносными орудіями,—нельзя уже не только потакать имъ, но и быть на минуту спокойнымъ. Тоже и съ тѣмъ состояніемъ возбужденія, вызваннаго французскими празднествами, въ которомъ находится теперь французское и русское общество. Вѣдь люди, подпавшіе теперь психопатической эпидеміи, находятся въ обладаніи самыхъ страшныхъ орудій убійства и истребленія.

Правда, что во всѣхъ рѣчахъ, во всѣхъ тостахъ, произносимыхъ во время этихъ празд-

нествъ, во всѣхъ статьяхъ объ этихъ празднествахъ неуклонно говорилось о томъ, что значеніе всего совершающагося состоитъ въ обезпеченіи міра. Даже сторонники войны говорили не о ненависти къ отторгающимъ провинціи, а о какой-то любви, которая какъ-то ненавидитъ.

Но извѣстна хитрость всѣхъ людей, одержимыхъ душевными болѣзнями, и это-то самое упорное повтореніе того, что мы не хотимъ войны, а хотимъ мира, и умалчиваніе о томъ, о чемъ всѣ думаютъ, и составляетъ самое угрожающее явленіе.

Въ своемъ отвѣтномъ тостѣ на обѣдѣ въ Елисейскомъ дворцѣ русскій посольскій сказалъ: „прежде нежели провозгласить тостъ, на который отзовутся изъ самой глубины сердець не только всѣ, находящіеся въ этихъ стѣнахъ, но также и съ тою же силою и всѣ тѣ, чьи сердца вдали и вблизи на всѣхъ пунктахъ великой, прекрасной Франціи, равно какъ и всей Россіи, бьются въ настоящую минуту въ унисонъ съ нашими,—позвольте мнѣ принести вамъ выраженіе глубокой нашей благодарности за привѣтственныя слова, обращенныя вами къ адмиралу, на котораго царь возложилъ порученіе отдать кронштадтскій визитъ. При томъ высокомъ значеніи, которымъ

вы пользуетесь, слова ваши характеризуют истинное значеніе великолѣпныхъ мирныхъ торжествъ, празднуемыхъ съ такимъ замѣчательнымъ единодушіемъ, лояльностью и чистосердечіемъ.“

То же ничѣмъ неоправдываемое упоминаніе о мирѣ находится и въ рѣчи французскаго президента: „узы любви, связывающія Россію и Францію,“ сказалъ онъ, „и два года назадъ скрѣпленныя трогательными манифестаціями, которыхъ нашъ флотъ былъ предметомъ въ Кронштадтѣ, съ каждымъ днемъ становятся тѣснѣе, и честный обмѣнъ нашихъ дружественныхъ чувствъ долженъ вдохновить всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ къ сердцу благодѣянія мира, довѣрія и безопасности“ и т. д.

И въ той и другой рѣчи совершенно неожиданно и безъ всякаго повода говорится о благодѣяніяхъ мира и о мирныхъ торжествахъ.

То же самое и въ телеграммахъ, которыми обмѣнялись русскій императоръ и французскій президентъ. Русскій императоръ телеграфируетъ:

Au moment où l'escadre russe quitte la France, il me tient à coeur de vous exprimer combien je suis touché et recon-

naissant de l'accueil chaleureux et splendide, que mes marins ont trouvé partout sur le sol français. Les témoignages de vive sympathie qui se sont manifestés encore une fois avec tant d'éloquence, joindront un nouveau lien à ceux qui unissent les deux pays et contribueront, je l'espère, à l'affermissement de la paix générale, objet de leurs efforts et de leurs vœux les plus constants (" П Т.Д.*).

Французскій президентъ въ своей отвѣтной телеграммѣ говоритъ:

„La dépêche dont je remercie votre majesté m'est parvenue au moment où je quittais Toulon pour rentrer à Paris. La belle escadre sur laquelle j'ai eu la vive satisfaction de saluer le pavillon russe dans les eaux françaises, l'accueil cordial et spontané que vos braves marins ont rencontré partout en

---

*) Въ тотъ моментъ, когда русская эскадра покидаетъ Францію, мнѣ хочется высказать Вамъ насколько я тронутъ и благодаренъ за горячій и блестящій приемъ, который встрѣтили мои моряки повсюду на французской территоріи. Выраженія живой симпатіи, которыя появились еще разъ такъ краснорѣчиво, прибавятъ еще новыя узы къ тѣмъ, которыя соединяютъ двѣ страны, и послужатъ, я надѣюсь, къ укрѣпленію всеобщаго мира, цѣли ихъ постоянныхъ усилій и желаній. — Ред.

France, affirment une fois de plus avec éclat les sympathies sincères qui unissent nos deux pays. Ils marquent en même temps une foi profonde dans l'influence bienfaisante que peuvent exercer ensemble deux grandes nations dévouées à la cause de la paix“ *).

Опять въ обѣихъ телеграммахъ ни къ селу ни къ городу упоминается о мирѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ празднествами моряковъ.

Нѣтъ ни одной рѣчи, ни одной статьи, въ которыхъ не говорилось бы о томъ, что цѣль всѣхъ этихъ бывшихъ оргій есть миръ Европы. За обѣдомъ, который даютъ представители русской прессы, всѣ говорятъ о мирѣ. Г-нъ Зола, который недавно писалъ о томъ, что война необходима и даже полезна, и

---

*) Дешешу, за которую я благодарю ваше величество, я получилъ въ тотъ моментъ, когда я покидалъ Тулонъ, чтобы вернуться въ Парижъ. Прекрасная эскадра, на которой я имѣлъ удовольствіе привѣтствовать русскій флагъ въ французскихъ водахъ, дружескій и радушный пріемъ, который Ваши храбрые моряки встрѣтили повсюду во Франціи, блестяще доказываетъ еще разъ—какая искренняя симпатія соединяетъ наши двѣ страны. Въ то время они вселяютъ глубокую вѣру въ то благодѣтельное вліяніе, которое могутъ оказать двѣ большія націи, преданныя дѣлу мира. — Ред.

г-нъ Вогюэ, который не разъ печатно высказывалъ тоже, не говорятъ ни слова о войнѣ, а говорятъ только о мирѣ. Засѣданія палаты открываются рѣчами о прошедшихъ празднествахъ, ораторы утверждаютъ, что празднества эти суть объявленіе мира Европѣ.

Точно, какъ человѣкъ, пришедшій въ мирное общество и усердно увѣряющій при всякомъ случаѣ присутствующихъ, что онъ вовсе не имѣетъ намѣренія никому выбивать зубы, подбивать глаза и ломать руки, а имѣетъ намѣреніе только мирно провести вечеръ. „Да никто въ этомъ и не сомнѣвается“, хочется ему сказать. „Если же вы имѣете такія гнусныя намѣренія, то по крайней мѣрѣ не смѣйте говорить ихъ намъ.“

Во многихъ статьяxъ, писанныхъ о празднествахъ, даже прямо и наивно высказывается удовольствіе о томъ, что во время празднествъ никѣмъ не было выражено то, что *tacitu consensu* (по молчаливому соглашенію. Ред.), рѣшено было скрывать отъ всѣхъ, и что только одинъ неосторожный человѣкъ, тотчасъ же убранный полиціей, крикнулъ то, что думали всѣ, а именно: „*a bas l'Allemagne!*“ („Долой Германію!“) Такъ дѣти иногда такъ рады, что они скрыли свою ша-

лость, что самая радость эта выдаетъ ихъ.

Да зачѣмъ же такъ радоваться тому, что никто ничего не сказалъ о войнѣ, если мы точно не думаемъ о ней?

V.

Никто не думаетъ о войнѣ, но только милліарды тратятся на военныя приготовленія и милліоны людей находятся подъ ружьемъ въ Россіи и Франціи.

„Но это все дѣлается для обезпеченія мира. *Si vis pacem para bellum. L'empire c'est la paix, la republique c'est la paix*“. (Имперія это миръ, республика—это миръ“.

Но если такъ, то для чего же у насъ въ Россіи не только во всѣхъ журналахъ и газетахъ, издаваемыхъ для такъ называемыхъ образованныхъ людей, выясняются военныя выгоды нашего союза съ Франціей на случай войны съ Германіей, но и въ Сельскомъ Вѣстникѣ, газетѣ издаваемой русскимъ правительствомъ для народа, внушается этому несчастному, обманываемому правительствомъ

народу, что „дружить съ Франціей и для Россіи тоже полезно и выгодно, потому что, если бы паче чаянія упомянутыя державы (Германія, Австрія, Италія) рѣшились нарушить миръ съ Россіей, то хотя она и одна съ божьей помощью могла бы постоять за себя и справиться съ весьма могущественнымъ союзомъ противниковъ, но было это бы не легко и для успѣшной борьбы понадобились бы большія жертвы и потери“ и т. д. (Сельскій Вѣстникъ, 1893 г. № 43).

И для чего же во всѣхъ французскихъ коллежахъ преподается исторія по учебнику, составленному г-мъ Лависсомъ, 21 изданіе 1889 г., въ которомъ значится слѣдующее:

Depuis que l'insurrection de la Commune a été vaincue, la France n'a plus été troublée Au lendemain de la guerre, elle s'est remise au travail. Elle a payé aux Allemands sans difficultés l'énorme contribution de guerre de cinq milliards. Mais la France a perdu sa renommée militaire pendant la guerre de 1870. Elle a perdu une partie de son territoire. Plus de quinze cents mille hommes, qui habitaient nos départements du Haut Rhin, du bas Rhin et de la Moselle, et qui étaient de bons français, ont été obligés de devenir Allemands.

Ils ne sont pas résignés à leur sort. Ils détestent l'Allemagne; ils espèrent toujours redevenir Français. Mais l'Allemagne tient à sa conquête, et c'est un grand pays, dont tous les habitants aiment sincèrement leur patrie et dont les soldats sont braves et disciplinés. Pour reprendre à l'Allemagne ce qu'elle nous a pris, il faut que nous soyons de bons citoyens et de bons soldats. C'est pour que vous deveniez de bons soldats, que vos maîtres vous apprennent l'histoire de la France. L'histoire de la France montre que dans notre pays les fils ont toujours vengé les désastres de leurs pères. Les français du temps de Charles VII ont vengé leurs pères vaincus à Crècy, à Poitiers, à Azincourt... C'est à vous, — enfants élevés aujourd'hui dans nos écoles, qu'il appartient de venger vos pères vaincus à Sédan et à Metz. C'est votre devoir, le grand devoir de votre vie. Vous devez y penser toujours“ и т. д. *).

---

*) После того, какъ было подавлено возстаніе коммуны, Франція успокоилась. Сейчасъ же после войны, она принялась за работу. Она заплатила нѣмцамъ безъ затрудненія громадную военную контрибуцію въ пять миллиардовъ. Но Франція потеряла свою

Внизу страницы стоит ряд вопросовъ, соответствующихъ параграфамъ. Вопросы слѣдующіе: „что утратила Франція при потерѣ части своей территоріи? Сколько французовъ сдѣлалось нѣмцами при потерѣ этой территоріи? Любятъ-ли эти французы Германію? Что должны мы дѣлать для того, чтобы возвратить когда-нибудь отнятое у насъ Германіей?“... Кромѣ того есть еще „*Reflexions sur le livre VII*“, („Размышленія о VII книгѣ“), въ которыхъ говорится, что, „дѣти

военную славу, во время войны 1870 года. Она потеряла часть своей территоріи. Болѣе полутора ста тысячъ человекъ, которые жили на верховьяхъ и устьяхъ Рейна и Мозеля, и которые были настоящими французами, были принуждены сдѣлаться нѣмцами. Но они не подчинились своей судьбѣ. Они ненавидятъ Германію; они постоянно надѣются снова стать французами. Но Германія дорожить своими завоеваніями, и это великая страна, жители которой искренно любятъ свою родину и солдаты которой храбры и дисциплинированы. Чтобы отнять у Германіи то, что она у насъ взяла, намъ нужно быть хорошими гражданами и хорошими солдатами. Чтобы вы сдѣлались хорошими солдатами, учителя ваши учатъ васъ исторіи Франціи. Исторія Франціи показываетъ, что въ нашей странѣ сыновья всегда мстили за несчастье своихъ отцовъ. Французы во времена Карла VII мстили за своихъ отцовъ, побѣжденных при Кресси, Пуатье, Азинкюръ.... А вамъ, дѣтямъ, воспитаннымъ теперь въ нашихъ школахъ, надлежитъ мстить за вашихъ отцовъ, побѣжденных при Седанѣ и Мецѣ. Это ваша обязанность, громадная обязанность вашей жизни. Вы должны всегда думать объ этомъ..... (Ред.).

Франціи должны памятовать о нашихъ пораженіяхъ 1870 г.“, что „они должны чувствовать на сердцѣ тяжесть этого воспоминанія“, но что „это воспоминаніе не должно ихъ обезкураживать: оно, напротивъ, должно возбуждать въ нихъ храбрость“.

Такъ что если въ оффиціальныхъ рѣчахъ и говорится съ большой настойчивостью о мирѣ, то народу, молодымъ поколѣніямъ, да и вообще всѣмъ русскимъ и французамъ подъ рукою неуклонно внушается необходимость, законность, выгодность и даже доблесть войны.

„Мы не думаемъ о войнѣ. Мы только заботимся о мирѣ“.

Хочется спросить: *qui, diable, trompe-t-on ici?* (кого же, чортъ возьми, здѣсь обманываютъ?) если бы еще нужно было это спрашивать, и не было слишкомъ ясно, кто этотъ несчастный обманутый.

Обманутый этотъ, все тотъ же вѣчно обманутый, глупый рабочій народъ, тотъ самый, который своими мозолистыми руками строилъ всѣ эти и корабли, и крѣпости, и арсеналы, и казармы, и пушки, и параходы, и пристани, и молы, и всѣ эти дворцы, залы и эстрады, и триумфальныя арки, и набиралъ и печаталъ всѣ эти газеты и книжки, и добылъ и привезъ всѣхъ тѣхъ фазановъ, и

ортолановъ, и устриць, и вина, которые ѣдятъ и пьютъ всѣ эти имъ же вскормленные, воспитанные и содержимые люди, которые, обманывая его, готовятъ ему самыя страшныя бѣдствія; все тотъ же добрый, глупый народъ, который, оскаливая свои здоровые бѣлые зубы, зѣваль, по-дѣтски, наивно радуясь на всякихъ наряженныхъ адмираловъ и президентовъ, на развѣвующіеся надъ ними флаги и на феерверки, гремящую музыку, и который не успѣетъ отглянуться, какъ уже не будетъ ни адмираловъ, ни президентовъ, ни флаговъ, ни музыки, а будетъ только мокрое пустынное поле, холодъ, голодъ, тоска, спереди убивающій непріятель, сзади неотпускающее начальство, кровь, раны, страданія, гніющіе трупы и безмысленная, напрасная смерть.

А люди, такіе же, какъ тѣ, которые теперь празднуютъ на празднествахъ въ Тулонѣ и Парижѣ, будутъ сидѣть послѣ добраго обѣда, съ недопитыми стаканами добраго вина, съ сигарою въ зубахъ, въ темной суконной палаткѣ и булавками отмѣчать по картѣ тѣ мѣста, гдѣ надо оставить еще столько-то составленнаго изъ этого народа пушечнаго мяса для завладѣнія тѣмъ-то и тѣмъ-то укрѣпленіемъ и для пріобрѣтенія такой или другой ленточки или чина.

VI.

„Но ничего этого нѣтъ и нѣтъ никакихъ воинственныхъ замысловъ“, отвѣчаютъ намъ на это. „Есть только то, что два народа, чувствующіе взаимную симпатію, другъ другу выражаютъ эти чувства. Что тутъ дурного, что представители дружественной націи были приняты съ особенной торжественностью и почетомъ представителями другой націи? Что тутъ дурного, даже если и допустить, что союзъ можетъ имѣть значеніе обороны противъ угрожающаго міру Европы опаснаго сосѣда?“

Дурно тутъ то, что все это ложь, самая очевидная и наглая, ничѣмъ не оправдываемая, злая ложь. Ложь—эта внезапно возникшая, исключительная любовь русскихъ къ французамъ и французовъ къ русскимъ; и ложь—наша подразумѣваемая подъ этимъ не-любовь къ нѣмцамъ, недоувѣріе къ нимъ. И еще большая ложь—то, что цѣль всѣхъ этихъ неприличныхъ и безумныхъ оргій есть будто бы соблюденіе европейскаго мира.

Всѣ мы знаемъ, что никакой особенной любви къ французамъ мы не испытывали ни прежде, ни теперь не испытываемъ, точно такъ-же какъ и то, что мы не испытывали

и не испытываемъ никакой враждебности къ нѣмцамъ.

Намъ говорятъ, что Германія имѣетъ замыслы противъ Россіи, что тройственный союзъ угрожаетъ миру Европы и намъ, и что нашъ союзъ съ Франціей уравниваетъ силы и потому обезпечиваетъ миръ. Но вѣдь утверженіе это такъ явно глупо, что совѣстно серьезно опровергать его. Вѣдь для того, чтобы это было такъ, т. е. чтобы союзъ обезпечивалъ миръ, нужно, чтобы силы были математически равны. Если же перевѣсъ теперь на сторонѣ франко-русскаго союза, то опасность все та-же. Еще большая: потому что, если было опасно, что Вильгельмъ, стоящій во главѣ европейскаго союза, нарушить миръ, то гораздо болѣе опасно, что Франція, та, которая не можетъ помириться съ потерю своихъ провинцій, сдѣлаетъ это. Вѣдь тройственный союзъ назывался лигой мира, для насъ же онъ былъ лигой войны. Точно такъ-же и теперь франко-русскій союзъ не можетъ не представляться иначе, какъ тѣмъ, чѣмъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ—лигой войны.

И потомъ, если миръ зависитъ отъ равновѣсія силъ, то какъ опредѣлить тѣ единицы, между которыми должно установиться

равновѣсіе? Теперь англичане говорятъ, что союзъ Россіи съ Франціей угрожаетъ имъ, и имъ потому нужно составлять новый союзъ. И на сколько именно единицъ союзовъ должна быть раздѣлена Европа, чтобы было равновѣсіе? Вѣдь если это такъ, то въ каждомъ обществѣ людей болѣе сильный человѣкъ, чѣмъ другой, уже есть опасность, и остальнымъ нужно складываться въ союзы, чтобы противодѣйствовать ему.

Спрашиваютъ: „что тутъ дурного, что Франція и Россіи выразили свои взаимныя симпатіи для обезпеченія мира?“ — Дурно то, что это ложь, а ложь никогда не говорится и не проходитъ даромъ.

Дьяволъ — человѣкоубійца и отецъ лжи. И ложь всегда ведетъ къ человѣкоубійству. И въ этомъ случаѣ очевидно, чѣмъ когда-нибудь.

Вѣдь точно такъ-же, какъ и теперь, такъ и передъ турецкой войной будто бы возгорѣлась вдругъ внезапная любовь нашихъ русскихъ къ какимъ-то братьямъ славянамъ, которыхъ никто не зналъ въ продолженіе сотенъ лѣтъ, тогда какъ нѣмцы, французы, англичане всегда были и продолжаютъ быть намъ несравненно ближе и роднѣе, чѣмъ какіе-то черногорцы, сербы, болгары. И нача-

лись такіе-же восторги, приемы и торжества, раздувавшіеся Аксаковыми и Катковыми, которыхъ поминаютъ уже теперь въ Парижѣ, какъ образцы патриотизма. Тогда, какъ и теперь, говорили только о взаимной внезапно вспыхнувшей любви между русскими и славянами. Сначала точно также, какъ теперь въ Парижѣ, тогда въ Москвѣ пили, ѣли, говорили другъ другу глупости, умилялись на свои возвышенныя чувства, говорили объ единеніи и мирѣ и умалчивали о главномъ, о замыслахъ противъ Турціи. Газеты раздували возбужденіе; въ игру понемногу вступало правительство. Поднялась Сербія. Начались дипломатическія ноты, полуоффиціальныя статьи; газеты все болѣе и болѣе лгали, выдумывали, горячились и кончилось тѣмъ, что Александръ II, дѣйствительно не желавшій войны, не могъ не согласиться на нее, и совершилось то, что мы знаемъ: погибель сотенъ тысячъ невинныхъ людей и озвѣреніе и одуреніе милліоновъ. То, что дѣлалось въ Тулонѣ и Парижѣ и теперь продолжаетъ дѣлаться въ газетахъ, очевидно ведетъ къ тому же или еще ужаснѣйшему бѣдствію. Точно такъ-же сначала будутъ подъ звуки „Боже, царя храни“ и „Марсельезы“ пить разные генералы и министры за Францію,

Россію, за разные полки, арміи и флоты; будутъ печатать свое лганье газеты, будетъ праздная толпа богатыхъ людей, не знающихъ куда дѣвать свои силы и время, болтать патріотическія рѣчи, раздувая враждебность къ Германіи, и какъ бы ни былъ миролюбивъ Александръ III, сложатся такія обстоятельства, что ему нельзя будетъ отказаться отъ войны, которой будутъ требовать всѣ окружающіе его, всѣ газеты и, какъ это всегда кажется, общественное мнѣніе всего народа. И не успѣемъ мы оглянуться, какъ на столбцахъ газетъ появится обычное зловѣщее, нелѣпое провозглашеніе:

„Божьей милостью, мы, самодержавнѣйшій, великій государь всея Россіи, царь польскій, великій князь финляндскій и проч. и проч., объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, что для блага этихъ, ввѣренныхъ намъ Богомъ, любезныхъ нашихъ подданныхъ, мы сочли своей обязанностью передъ Богомъ послать ихъ на убійство. Съ нами Богъ“ и т. д.

Зазвонятъ въ колокола, одѣнутся въ золотые мѣшки долговолосые люди и начнутъ молиться за убійство. И начнется опять старое, давно извѣстное, ужасное дѣло. Засуетятся, разжигающіе людей подъ видомъ патріотизма къ ненависти и убійству, газет-

чки, радуясь тому, что получать двойной доход. Засуетятся радостно заводчики, купцы, поставщики военных припасовъ, ожидая двойныхъ барышей. Засуетятся всякаго рода чиновники, предвидя возможность украсть больше, чѣмъ они крадутъ обыкновенно. Засуетятся военныя начальства, получающія двойное жалованье и раціоны, и надѣющіяся получить за убійство людей различныя, высокоцѣнимыя ими побрякушки — ленты, кресты, галуны, звѣзды. Засуетятся праздные господа и дамы, впередъ записываясь въ красный крестъ, готовясь перевязывать тѣхъ, которыхъ будутъ убивать ихъ мужья и братья, и воображая, что они дѣлаютъ этимъ самое христіанское дѣло.

И, заглушая въ своей душѣ отчаяніе пѣснями, развратомъ и водкой, побредутъ оторванные съ мирнаго труда, отъ своихъ женъ, матерей, дѣтей—люди, сотни тысячъ простыхъ, добрыхъ людей съ орудіями убійства въ рукахъ туда, куда ихъ погонять. Будутъ ходить, зябнуть, голодать, болѣть, умирать отъ болѣзней, и наконецъ придутъ къ тому мѣсту, гдѣ ихъ начнутъ убивать тысячами, и они будутъ убивать тысячами, сами не зная зачѣмъ, людей, которыхъ они никогда не видали, которые имъ ничего не сдѣлали

и не могут сдѣлать дурного.

И когда наберется столько больныхъ, раненыхъ и убитыхъ, что некому будетъ уже подбирать ихъ, и когда воздухъ уже такъ заразится этимъ гнѣющимъ пушечнымъ мясомъ, что неприятно сдѣлается даже и начальству, тогда останутся на время, кое какъ подберутъ раненыхъ, свезутъ, свалятъ кучами куда попало больныхъ, а убитыхъ зароютъ, посыпавъ ихъ известкой, и опять поведутъ всю толпу обманутыхъ еще дальше, и будутъ водить ихъ такъ до тѣхъ поръ, пока это не надоѣстъ тѣмъ, которые затѣяли все это, или пока тѣ, которымъ это было нужно, не получаютъ всего того, что имъ было нужно.

И опять одичаютъ, остервенѣютъ, озвѣрѣютъ люди и уменьшится въ мірѣ любовь, и наступившее уже охристіаненіе человѣчества отодвинется опять на десятки, сотни лѣтъ. И опять тѣ люди, которымъ это выгодно, съ увѣренностью станутъ говорить, что если была война, то это значить то, что она необходима, и опять станутъ готовить къ этому будущія поколѣнія, съ дѣтства развращая ихъ.

VII.

II потому, когда являются такія патріотическія проявленія, какъ тулонскія празднества, хотя и издалека какъ будто, но уже впередъ связывающія волю людей и обязывающія ихъ къ тѣмъ обычнымъ злодѣйствамъ, которыя всегда вытекаютъ изъ патріотизма, всякій, понимающій значеніе этихъ празднествъ, не можетъ не протестовать противъ всего того, что молчаливо включено въ нихъ. II потому, когда господа журналисты печатаютъ, что всѣ русскіе сочувствуютъ тому, что дѣлалось въ Кронштадтѣ, Тулонѣ и Парижѣ, что этотъ союзъ на жизнь и смерть закрѣпленъ волею всего народа, и когда русскій министръ просвѣщенія увѣряетъ французскихъ министровъ, что вся его команда—русскіе дѣти, ученые и писатели раздѣляютъ его чувства, или когда начальникъ русской эскадры увѣряетъ французовъ, что вся Россія будетъ признательна имъ за ихъ пріемъ и когда протопресвитеры отвѣчаютъ за своихъ пасомыхъ и увѣряютъ, что молитвы французовъ за жизнь августѣйшаго дома радостно отозвались въ сердцахъ русскаго царя и любили его народа, и когда русскій

посланникъ въ Парижѣ, считающійся представителемъ русскаго народа, говоритъ послѣ блюда *ortolans à la soubise et logopédes glacées* съ бокаломъ шампанскаго *grand Moët* въ рукѣ, что всѣ русскія сердца бьются въ унисонъ съ его сердцемъ, преисполненнымъ внезапной и исключительной любовью къ прекрасной Франціи (*la belle France*), — то мы, свободные отъ одурѣнія люди, считаемъ своей священной обязанностью не только за себя, но и за десятки милліоновъ русскихъ людей, самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ этого и заявить, что сердца наши не бьются въ унисонъ съ сердцами г-дѣ журналистовъ, министровъ просвѣщенія, начальниковъ эскадръ, протопресвитеровъ и пословъ, а напротивъ переполняются негодованіемъ и омерзѣніемъ къ той вредной лжи и тому злу, которыя они сознательно или безсознательно распространяютъ своими поступками и рѣчами. Пускай они пьютъ *Moët*, сколько имъ угодно, и пишутъ статьи и произносятъ рѣчи отъ себя и за себя, но мы, всѣ христіане, сознающіе себя таковыми, не можемъ допустить того, что все то, что говорятъ и пишутъ эти люди, связываетъ насъ. Не можемъ допустить этого потому, что мы знаемъ, что кроется подѣ

всѣми этими пьяными восторгами, рѣчами и объятіями, похожими не на закрѣпленіе мира, какъ увѣряють насъ, а скорѣе на тѣ оргіи и пьянства, которымъ предаются злоумышленники, готовясь на совмѣстное преступленіе.

VIII.

Года четыре тому назадъ,—первая ласточка тулонской весны—одинъ извѣстный французскій агитаторъ въ пользу войны съ Германіей пріѣзжалъ въ Россію для подготовленія франко-русскаго союза и былъ у насъ въ деревнѣ. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ то время, какъ мы работали на покосѣ. Во время завтрака мы, вернувшись домой, познакомились съ гостемъ, и онъ тотчасъ же разсказалъ намъ, какъ онъ воевалъ, былъ въ плѣну, бѣжалъ изъ него, и какъ далъ себѣ патріотическій обѣтъ, которымъ онъ очевидно гордился: не перестать агитировать для войны противъ Германіи до тѣхъ поръ, пока не возстановится цѣлость и слава Франціи.

Въ нашемъ кругу всѣ убѣжденія нашего гостя о томъ, какъ необходимъ союзъ Россіи съ Франціей для возстановленія прежнихъ

границь Франціи и ея могущества и славы и для обезпеченія насъ отъ зловредныхъ замысловъ Германіи, не имѣли успѣха. На доводы его о томъ, что Франція не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не вернетъ отнятыхъ провинцій, мы отвѣчали, что точно также Пруссія не можетъ успокоиться, пока не оплатила за Іену и что, если реваншъ французовъ теперь будетъ удачный, нѣмцамъ надо будетъ опять отплачивать, и такъ безъ конца.

На доводы его, что французы обязаны спасти оторванныхъ отъ себя братьевъ, мы отвѣчали, что положеніе жителей, большинства жителей, рабочихъ жителей Эльзасъ-Лотарингіи подъ властью Германіи едва ли въ чемъ нибудь стало хуже того, въ которомъ они были подъ властью Франціи, и что изъ-за того, что нѣкоторымъ эльзасцамъ пріятнѣе числиться за Франціей, чѣмъ за Германіей, изъ-за того, что ему, нашему гостю, желательно возстановить славу французскаго оружія, никакъ не стоитъ не только начинать тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя произойдутъ отъ войны, но нельзя пожертвовать даже и одной человѣческой жизнью.

На доводы же его о томъ, что хорошо намъ говорить такъ, когда мы не испытали

того же. но что мы заговорили бы иначе, если бы у насъ отняты были Остзейскія провинціи, Польша, мы отвѣчали: что даже съ точки зрѣнія государственной, отнятіе у насъ Польши, Остзейскихъ провинцій никакъ не можетъ быть для насъ бѣдствіемъ, а скорѣе можетъ считаться благомъ, такъ какъ оно уменьшило бы потребность военной силы и государственныхъ расходовъ: съ точки же зрѣнія христіанской мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ допустить войны, такъ какъ война требуетъ убійства людей, а христіанство не только запрещаетъ всякое убійство, но требуетъ благотворенія всѣмъ людямъ, считая всѣхъ братьями безъ различія народностей. Христіанское государство, говорили мы, вступающее въ войну, для того, чтобы быть послѣдовательнымъ, должно не только снять кресты съ церквей, самыя церкви обратить въ помѣщенія для другихъ цѣлей, духовенству дать другія должности и главное запретить Евангеліе.—но должно отречься отъ всѣхъ требованій нравственности, которыя вытекаютъ изъ христіанскаго закона. *C'est à prendre ou à laisser*, говорили мы. До тѣхъ же поръ, пока не будетъ уничтожено христіанство, привлекать людей къ войнѣ можно будетъ только хитростью и обманомъ.

какъ это и дѣлается теперь. Мы же видимъ эту хитрость и обманъ и потому не можемъ поддаться имъ. Такъ какъ при этомъ не было музыки, шампанскаго, ничего одурманивающего насъ, то нашъ гость только пожималъ плечами и съ свойственной французамъ любезностью говорилъ, что онъ очень благодаренъ за тотъ радушный приемъ, который онъ получилъ въ нашемъ домѣ, но очень сожалѣеть о томъ, что мысли его не получили того же.

IX.

Послѣ этой бесѣды мы пошли на покость и тамъ онъ, надѣясь найти въ народѣ больше сочувствія своимъ мыслямъ, попросилъ меня перевести старому уже, болѣзненному, съ огромной грыжей и все-таки затыжному въ трудѣ мужику, нашему товарищу по работѣ, крестьянину Прокопію, свой планъ воздѣйствія на нѣмцевъ, состоящій въ томъ, чтобы съ двухъ сторонъ сжать находящагося въ серединѣ между русскими и французами нѣмца. Французъ въ лицахъ представилъ это Прокопію, своими бѣлыми пальцами прикасаясь съ обѣихъ сторонъ къ потной поскон-

ной рубахѣ Прокопія. Помню добродушно насмѣшливое удивленіе Прокопія, когда я объяснилъ ему слова и жестъ француза. Предложеніе о сжатіи нѣмца съ двухъ сторонъ Прокопій очевидно принялъ за шутку, не допуская мысли о томъ, чтобы взрослый и ученый человѣкъ могъ съ спокойнымъ духомъ и въ трезвомъ состояніи говорить о томъ, чтобы желательно было воевать.

— Что же, какъ мы его съ обѣихъ сторонъ зажмемъ, — сказалъ онъ, отвѣчая шуткой, какъ онъ думалъ, на шутку. — Ему и податься некуда будетъ, надо ему тоже просторъ дать.

Я перевелъ этотъ отвѣтъ моему гостю.

— „Dites lui que nous aimons les Russes“ („скажите ему, что мы любимъ русскихъ“ Ред.), сказалъ онъ. Слова эти поразили Прокопія, очевидно, еще болѣе, чѣмъ предложеніе о сжатіи нѣмца, и вызвали нѣкоторое чувство подозрѣнія.

— „Чей же онъ будетъ?“ спросилъ меня Прокопій, съ недовѣріемъ, указывая головой на моего гостя. Я сказалъ, что онъ французъ, богатый человѣкъ.

— „Что же онъ по какому дѣлу?“ спросилъ Прокопій. Когда я ему объяснилъ, что онъ пріѣхалъ для того, чтобы вызвать рус-

скихъ на союзъ съ Франціей въ случаѣ войны съ нѣмцами, Прокопій очевидно остался вполне недоволенъ и обратившись къ бабамъ, сидѣвшимъ у копны, строгимъ голосомъ, невольно выражавшимъ чувства, вызванныя въ немъ этимъ разговоромъ, крикнулъ на нихъ, чтобы они заходили сгребать въ копны недогребенное сѣно.

„Ну, вы, вороны, задремали. Заходи.— Пора тутъ нѣмца жать. Вонъ еще покось не убрали, а похоже, что съ середи жать пойдутъ“, сказалъ онъ. И потомъ, какъ будто боясь оскорбить такимъ замѣчаніемъ пріѣзжаго чужого человѣка, онъ прибавилъ, оскаливая въ добрую улыбку свои до половины съѣденные зубы: „Приходи лучше съ нами работать, да и нѣмца присылай. А отработаемся, гулять будемъ. И нѣмца возьмемъ. Такіе же люди“. И, сказавъ это, Прокопій вынулъ свою жилистую руку изъ развилины виль, на которые онъ опирался, вскинулъ ихъ на плечи и пошелъ къ бабамъ.

—„Oh, le brave homme!“ („О, добрый человѣкъ!“ Ред.) воскликнулъ, смѣясь, учтивый французъ. И на этомъ закончилъ тогда свою дипломатическую миссію къ русскому народу.

Видъ этихъ двухъ столь противоположныхъ

другъ другу людей — сіяющаго свѣжестью, бодростью, элегантностью, хорошо упитаннаго француза въ цилиндрѣ и длинномъ, тогда самомъ модномъ пальто, своими нерабочими бѣлыми руками энергически показывающаго въ лицахъ, какъ надо сжать нѣмцевъ,—и видъ шершаваго, съ трухой въ волосахъ, высохшаго отъ работы, загорѣлаго, всегда усталаго и, несмотря на свою огромную грыжу, всегда работающаго Прокопія съ своими распухшими отъ работы пальцами, въ его спущенныхъ домашнихъ порткахъ, разбитыхъ лаптяхъ, шагающаго съ огромной навиллиной сѣна на плечѣ той не лѣнливой, но экономной на движенія походкой, которой движется всегда рабочій человѣкъ,—видъ этихъ двухъ столь противоположныхъ другъ другу людей очень многое уяснилъ мнѣ тогда и живо вспомнился мнѣ теперь, послѣ Тулоно-Парижскихъ празднествъ. Одинъ изъ нихъ олицетворялъ всѣхъ тѣхъ вскормленныхъ трудами народа людей, которые употребляютъ потомъ этотъ народъ какъ пушечное мясо; Прокопій же—то самое пушечное мясо, которое вскармливаютъ и обезпечиваютъ тѣхъ людей, которые имъ распоряжаются.

Х.

„Но у французовъ отняты двѣ провинціи, отторгнуты дѣти отъ любимой матери. Но Россія не можетъ потерпѣть того, чтобы Германія предписывала ей законы и лишала ее ея историческаго призванія на востокъ, —не можетъ допустить возможности отнятія у нея, какъ у французовъ, ея провинцій: Остзейскаго края, Польши, Кавказа. Но Германія не можетъ допустить возможности потери тѣхъ преимуществъ, которыя она приобрѣла такими жертвами. Но Англія не можетъ никому уступить своего морскаго преобладанія“. И, сказавъ такія слова, обыкновенно, предполагается, что французъ, и русскій, и нѣмецъ, и англичанинъ должны быть готовы жертвовать всѣмъ для возвращенія отнятыхъ провинцій, утвержденія своего вліянія на востокъ, соблюденія своего единства и могущества, владычества надъ морями и т. п.

Предполагается, что чувство патриотизма есть во-первыхъ—чувство всегда свойственное всѣмъ людямъ, а во-вторыхъ—такое высокое нравственное чувство, что, при отсутствіи его, должно быть возбуждаемо въ тѣхъ, которые не имѣютъ его. Но вѣдь ни то, ни другое

не справедливо. Я прожил полвѣка среди русскаго народа и въ большой массѣ настоящаго русскаго народа, въ продолженіе всего этого времени, ни разу не видалъ и не слышалъ проявленія или выраженія этого чувства патріотизма, если не считать тѣхъ заученныхъ на солдатской службѣ или повторяемыхъ изъ книгъ патріотическихъ фразъ самыми легкомысленными и испорченными людьми народа. Я никогда не слышалъ отъ народа выраженій чувствъ патріотизма, но напротивъ безпрестанно отъ самыхъ серьезныхъ, почтенныхъ людей народа слышалъ выраженія совершеннаго равнодушія и даже презрѣнія ко всякаго рода проявленіямъ патріотизма. Тоже самое я наблюдалъ и въ рабочемъ народѣ другихъ государствъ и тоже подтверждали мнѣ не разъ образованные французы, нѣмцы и англичане о своемъ рабочемъ народѣ.

Рабочій народъ слишкомъ занятъ поглощающимъ все его вниманіе дѣломъ поддержанія жизни, себя и своей семьи, чтобы онъ могъ интересоваться тѣми политическими вопросами, которые представляются главнымъ мотивомъ патріотизма: вопросы вліянія Россіи на востокъ, объ единствѣ Германіи, или возвращеніи Франціи отнятыхъ провинцій, или

уступки той или другой части одного государства другому и т. п., не интересуется его не только потому, что онъ никогда почти не знаетъ тѣхъ условій, при которыхъ возникаютъ эти вопросы, но и потому, что интересы его жизни совершенно независимы отъ государственныхъ, политическихъ интересовъ. Человѣку изъ народа всегда совершенно все равно, гдѣ проведутъ какую границу и кому будетъ принадлежать Константинополь, будетъ или не будетъ Саксонія или Брауншвейгъ членомъ Германскаго союза, и будетъ ли Англіи принадлежать Австралія или земля Мателло, и даже какому правительству ему придется платить подать и въ чье войско отдавать своихъ сыновъ; но ему всегда очень важно знать, сколько ему придется платить податей, долго-ли служить въ военной службѣ, долго-ли платить за землю, и много-ли получать за работу—все вопросы совершенно независимые отъ общихъ государственныхъ политическихъ интересовъ. Отъ того-то и происходитъ то, что не смотря на всѣ усиленные средства, употребляемыя правительствами для привитія народамъ несвойственнаго имъ патріотизма и подавленія въ народахъ развивающихся въ нихъ идей социализма,—социализмъ все болѣе

и болѣе проникаетъ въ народныя массы, а патриотизмъ, такъ старательно прививаемый правительствами, не только не усваивается народомъ, но все болѣе и болѣе исчезаетъ и держится только въ высшихъ классахъ, которымъ онъ выгоденъ. Если же и бываетъ, что патриотизмъ захватываетъ иногда народную толпу, какъ это было теперь въ Парижѣ, то это бываетъ только тогда, когда толпа эта подвергается усиленному гипнотическому воздействию правительствъ и правящихъ классовъ, и держится патриотизмъ въ народѣ только до тѣхъ поръ, пока продолжается это воздействие.

Такъ, напримѣръ, въ Россіи, гдѣ патриотизмъ въ видѣ любви и преданности къ вѣрѣ, царю и отечеству съ необыкновенной напряженностью всѣми находящимися въ рукахъ правительства орудіями: церкви, школы, печати и всякой торжественности, прививается народу, русскій рабочій человекъ — сто миллионовъ русскаго народа, не смотря на ту незаслуженную репутацію, которую ему сдѣлали, народа особенно преданнаго своей вѣрѣ, царю и отечеству, есть народъ самый свободный отъ обмана патриотизма и отъ преданности вѣрѣ, царю и отечеству. Вѣры своей, той православной, государственной, которой

онъ будто бы такъ предашь, онъ большей частью не знаетъ, а какъ только узнаетъ, бросаетъ ее и становится раціоналистомъ, т. е. принимаетъ такую вѣру, на которую нападать и которую защищать нельзя; къ царю своему, не смотря на непрестанныя, усиленныя внушенія въ этомъ направленіи, онъ относится, какъ ко всѣмъ насильственнымъ властямъ, если не съ осужденіемъ, то съ совершеннымъ равнодушіемъ, отечества же своего, если не разумѣть подъ этимъ свою деревню, волость, онъ или совершенно не знаетъ, или, если знаетъ, то не дѣлаетъ между нимъ и другими государствами никакого различія. Такъ что, какъ прежде русскіе переселенцы шли въ Австрію, въ Турцію, такъ и теперь они селятся совершенно безразлично въ Россіи, внѣ Россіи, въ Турціи, или Китаѣ.

XI.

Мой старый другъ Д., живя зимой одинъ въ деревнѣ, въ то время какъ жена его, которую онъ изрѣдка навѣщалъ тамъ, жила въ Парижѣ, по длиннымъ осеннимъ вечерамъ часто бесѣдовалъ съ безграмотнымъ, но очень умнымъ и почтеннымъ мужикомъ — старостой,

приходившимъ по вечерамъ съ докладомъ, и пріятель мой рассказывалъ ему между прочимъ и о преимуществахъ французскаго государственнаго порядка передъ нашимъ. Это было наканунѣ послѣдняго польскаго возстанія и вмѣшательства французскаго правительства въ наши дѣла. Патріотическія русскія газеты тогда возгорѣлись негодованіемъ къ такому вмѣшательству, такъ разожгли правящіе классы, что положеніе было очень напряженное, и у насъ заговорили о войнѣ съ Франціей.

Пріятель мой, начитавшись газетъ, рассказаль старостѣ и про эти отношенія между Россіей и Франціей. Подчиняясь настроенію газетъ, пріятель мой говорилъ, что если будетъ война (онъ былъ старый военный), онъ пойдетъ на службу и будетъ воевать съ Франціей. Тогда реваншъ французамъ казался нужнымъ, патріотическимъ русскимъ за Севастополь.

„Зачѣмъ-же намъ воевать?“спросилъ староста.

— Да какъ же позволить Франціи распоряжаться у насъ.

„Да вѣдь вы сами говорите, что у нихъ лучше нашего устроено,—сказаль староста совершенно серьезно.—Пускай бы они такъ

у насъ устроили“.

И пріятель мой рассказывалъ мнѣ, что разсужденіе это такъ поразило его, что онъ рѣшительно не зналъ, что отвѣтить, и только засмѣялся, какъ смѣются люди, проснувшись отъ обманчиваго сна.

Такія же сужденія можно услышать отъ всякаго трезваго русскаго рабочаго человѣка, если только онъ не находится подъ гипнотическимъ вліяніемъ правительства. Говорятъ о любви русскаго народа къ своей вѣрѣ, царю и отечеству, а между тѣмъ не найдется въ Россіи ни одного общества крестьянъ, которое бы на минуту задумалось о томъ, что ему выбрать изъ двухъ предстоящихъ мѣстъ поселенія: одно въ Россіи съ русскимъ батюшкой—царемъ, какъ это пишется въ книжкахъ, и святой вѣрой православной въ своемъ обожаемомъ отечествѣ, но съ меньшей и худшей землей, или безъ батюшки бѣлаго царя и безъ православной вѣры гдѣ-либо внѣ Россіи, въ Пруссіи, Китаѣ, Турціи, Австріи, но съ нѣсколькими большими и лучшими угодіями, что мы и видѣли прежде и видимъ теперь. Для всякаго русскаго крестьянина вопросъ о томъ, подъ чьимъ они будутъ правительствомъ (такъ какъ онъ знаетъ, что подъ чьимъ бы онъ ни былъ,

одинаково будут обирать его), имѣть несравненно меньше значенія, чѣмъ вопросъ— не скажу уже: хороша-ли вода, по—мягка-ли глина и хорошо ли родится капуста.

Но можно подумать, что равнодушіе русскихъ происходитъ отъ того, что всякое правительство, подѣ власть котораго они перейдутъ, будетъ навѣрно лучше русскаго, потому что въ Европѣ нѣтъ ни одного хуже его; но это не такъ: сколько мнѣ извѣстно, тоже самое мы видѣли на переселенцахъ англичанахъ, голландцахъ, нѣмцахъ переселяющихся въ Америку, всякихъ другихъ народностей, переселяющихся въ Россію.

Переходы европейскихъ народовъ изъ подѣ власти одного правительства подѣ власть другого: изъ подѣ турецкаго подѣ австрійское или изъ подѣ французскаго подѣ германское, такъ мало измѣняютъ положеніе народа, что ни въ какомъ случаѣ не могутъ вызвать никакого недовольства въ рабочемъ народѣ, если онъ только не будетъ искусственно подчиненъ внушеніямъ правительствъ и правящихъ классовъ.

ХП.

Обыкновенно въ доказательство существованія патриотизма приводятъ проявленія патриотическихъ чувствъ въ народѣ во время различныхъ торжествъ, какъ напримѣръ, въ Россіи во время коронаціи или встрѣчи царя послѣ крушенія 17 октября, или во Франціи во время объявленія войны Пруссіи, или въ Германіи во время торжествъ побѣды, или во время франко-русскихъ празднествъ.

Но вѣдь надо знать, какъ подготавлиются эти манифестаціи. Въ Россіи, напримѣръ, при каждомъ проѣздѣ государя наряжаются отъ крестьянскихъ обществъ и съ фабрикъ люди для встрѣчъ и привѣтствій царя.

Восторги толпы большею частью искусственно приготавливаются тѣми, кому они нужны, и степень восторга, выражаемая толпой, показываетъ только степень искусства учредителей этихъ восторговъ. Дѣло это практикуется давно и потому спеціалисты учредители этихъ восторговъ дошли въ приготовленіяхъ ихъ до высокой виртуозности. Когда Александръ II былъ еще наследникомъ и командовалъ, какъ это обыкновенно дѣлается, преображенскимъ полкомъ, онъ разъ послѣ

обѣда пріѣхаль въ полкъ, стоявшій въ лагерѣ. Только что показалась его коляска, солдаты, какъ были въ однихъ рубахахъ, выбѣжали ему на встрѣчу и съ такимъ восторгомъ встрѣтили, какъ это пишется, своего августѣйшаго командира, что всѣ взапуски бѣжали за коляской и многіе изъ нихъ на бѣгу крестились, глядя на наслѣдника. Всѣ тѣ, кто видѣли эту встрѣчу, были умилены этой наивной преданностью и любовью русскаго солдата къ царю и его наслѣднику и тѣмъ непритворнымъ религиознымъ и очевидно неподготовленнымъ восторгомъ, который выражался въ лицахъ, въ движеніяхъ, и въ особенности въ крестныхъ знаменіяхъ солдатъ. А между тѣмъ все это было сдѣлано искусственно и приготовленно слѣдующимъ образомъ: послѣ смотра, наканунѣ наслѣдникъ сказалъ бригадному командиру, что онъ заѣдетъ завтра.

—„Когда ожидать Ваше Императорское Величество?“

„Должно быть вечеромъ. Только, пожалуйста, чтобъ не было приготовленій“. Какъ только наслѣдникъ уѣхаль, бригадный командиръ созвалъ ротныхъ командировъ и распорядился, чтобы на завтрашній день всѣ солдаты были въ чистыхъ рубахахъ, и

какъ только завидятъ коляску наслѣдника, которую должны ждаты махальныя,—чтобы всѣ бѣжали, какъ попало, на встрѣчу и съ криками „ура“ бѣжали бы за коляской, при этомъ, чтобы каждый десятый человѣкъ въ ротъ бѣжалъ и крестился. Фельдфебеля выстроили роты и, считая по одному, останавливались на десятомъ: „разъ, два, три... восемь, девять, десять, Сидоренко—крестится; разъ, два, три, четыре... Ивановъ крестится...“ И все было исполнено по приказанію, и впечатлѣніе восторга произведено было полное и на наслѣдника, и на всѣхъ присутствующихъ, и даже на солдатъ и офицеровъ, и даже на бригаднаго командира, который самъ все это выдумалъ. Точно также, хотя менѣе грубо, дѣлается это и вездѣ, гдѣ есть патріотическія манифестаціи. Такъ, франко-русскія празднества, которыя представляются намъ какъ произвольныя выраженія чувства народа, произошли не сами собой, а были напротивъ очень искусственно и довольно видно подготовлены и вызваны французскимъ правительствомъ.

„Какъ только сталъ извѣстенъ прїѣздъ русскихъ моряковъ, такъ тотчасъ-же“, я цитирую опять изъ того-же „Сельскаго Вѣстника“, правительственнаго органа, собираю-

щаго свои свѣдѣнія изъ всѣхъ другихъ газетъ: „не только во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ, лежащихъ на довольно длинномъ пути между Тулономъ и Парижемъ, но и во множествѣ городовъ и селеній, лежащихъ совсѣмъ въ сторонѣ на далекомъ разстояніи, — начали составляться комитеты для устройства празднествъ. Открылся повсюду сборъ пожертвованій на расходы по этимъ празднествамъ. Многіе города посылали депутаціи въ Парижъ къ нашему императорскому послу съ просьбами, чтобы русскіе моряки посѣтили эти города хоть на одинъ день, даже хоть на одинъ часъ. Городскія управленія всѣхъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ указано побывать нашимъ морякамъ, назначили огромныя суммы, болѣе чѣмъ по 100 тысячъ рублей на устройство различныхъ празднествъ и увеселеній, и изъявили готовность израсходовать на это еще большія суммы, сколько потребуется, лишь бы встрѣча и празднества вышли какъ можно великолѣпнѣе.

„Въ самомъ Парижѣ, кромѣ суммы на этотъ предметъ, отпущенной отъ городского управленія, еще собрана большая сумма по частной подпискѣ частнымъ комитетомъ тоже на устройство увеселеній, и французское правительство ассигновало болѣе 100 тысячъ

рублей на расходы для чествованія русскихъ гостей министрами и другими властями. Во многихъ городахъ, гдѣ наши моряки вовсе не покажутся, все таки рѣшено устроить 1-го октября разныя празднества въ честь Россіи. Множество городовъ и провинцій рѣшили послать въ Тулонъ или Парижъ особья депутаціи привѣтствовать русскихъ гостей и поднести имъ подарки на память о Франціи, или послать имъ привѣтственные адреса и телеграммы. Рѣшено повсюду день 1-го октября считать народнымъ праздникомъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній освободить отъ ученія на этотъ день, а въ Парижѣ на два дня. Штрафнымъ нижнимъ чинамъ рѣшено простить ихъ провинности, чтобы они съ благодарностью воспоминали радостный день для Франціи—день 1-го октября.

Для облегченія желающимъ изъ публики посѣтить Тулонъ и участвовать въ встрѣчѣ русской эскадры, желѣзныя дороги понизили плату на половину и снаряжали особья поѣзда не въ очередь“.

И вотъ когда цѣлымъ рядомъ повсемѣстныхъ сдновременныхъ мѣръ, которыя, благодаря находящейся въ его рукахъ власти, всегда можетъ принять правительство, нѣко-

торая часть народа, преимущественно пѣна народная, городская толпа, приведена въ ненормально-возбужденное состояніе, говорятъ: смотрите, это произвольное выраженіе воли всего народа. Такія манифестаціи, какъ тѣ, которыя происходили теперь въ Тулонѣ и Парижѣ, которыя происходятъ въ Германіи при встрѣчѣ императора или Бисмарка, или при маневрахъ въ Лотарингіи и постоянно повторяющіяся въ Россіи при всякихъ торжественно обставленныхъ встрѣчахъ, доказываетъ только то, что средства искусственнаго возбужденія народа, находящіяся теперь въ рукахъ правительства и правящихъ классовъ, такъ могущественны, что правительства и правящіе классы, обладающіе ими, всегда могутъ по произволу вызвать какую они хотятъ патріотическую манифестацію проявленіемъ патріотическихъ чувствъ народа. Ничто напротивъ, не доказываетъ съ такою очевидностью отсутствіе патріотизма въ народахъ, какъ именно тѣ напряженныя усилія, которыя употребляются теперь правительствами и правящими классами для искусственнаго возбужденія его, и тѣ малые результаты, которые получаютъ несмотря на всѣ эти усилія.

Если патріотическія чувства такъ свой-

ственны народамъ, то оставили бы ихъ свободно проявляться, а не возбуждали бы ихъ всѣми возможными и постоянными и исключительными искусственными средствами. Пусть бы хоть на время, на годъ, перестали бы въ Россіи, какъ это дѣлаютъ теперь, при вступленіи всякаго царя во власть, заставлятъ весь народъ присягать ему, перестали бы при всякой церковной службѣ по нѣсколько разъ торжественно произносить обычныя молитвы за царя, перестали бы праздновать съ колокольнымъ звономъ, иллюминаціей и запретомъ работать дни его рожденія и именинъ, перестали-бы вывѣшивать и выставлять вездѣ его изображенія, перестали бы въ молитвенникахъ, календаряхъ, учебникахъ печатать огромными буквами имя его и семьи и даже мѣстоименія, относящіяся къ нимъ; перестали бы въ особыхъ книжкахъ и газетахъ, только для этого назначенныхъ, возвеличивать его; перестали бы судить и сажать въ тюрьмы за малѣйшее неуважительное слово, сказанное о царѣ,— перестали бы хоть на время это дѣлать, и тогда мы увидали бы, насколько свойственно народу, настоящему рабочему народу, Прокопію, старостѣ Ивану и всѣмъ людямъ русскаго народа, какъ въ этомъ увѣряютъ народъ и

увѣрены иностранцы, обожать царя, который тѣмъ или другимъ способомъ отдаетъ ихъ въ руки помѣщика и вообще богатыхъ. Такъ это въ Россіи, но пусть точно также перестануть въ Германіи, Франціи, Италиі, Англии, Америкѣ дѣлать все то, что точно такъ же напряженно дѣлается и тамъ правящими классами для возбужденія патріотизма и преданности и покорности существующему правительству, и тогда мы увидали бы, насколько свойственъ этотъ воображаемый патріотизмъ народамъ нашего времени.

А то съ дѣтства всѣми возможными средствами—школьными учебниками, церковными службами, проповѣдями, рѣчами, книгами, газетами, стихами, памятниками—все въ одномъ и томъ же направленіи одуряютъ народъ, потомъ соберутъ насильно или подкупомъ нѣсколько тысячъ народа и, когда эти собравшіяся тысячи, къ которымъ пристанутъ еще всѣ зѣваки, которые всегда рады присутствовать при всякомъ зрѣлищѣ, и когда вся эта толпа при звукахъ стрѣльбы изъ пушекъ, музыки и при видѣ всякаго блеска и свѣта начнетъ кричать то, что прокричать передъ ней, намъ говорятъ, что это выраженіе чувствъ всего народа. Но во 1-хъ, эти тысячи, ну много десятки тысячъ

людей, которые кричатъ что-то при такихъ торжествахъ, составляютъ одну крошечную десятидесятчную часть всего народа; во 2-хъ, изъ этихъ десятковъ тысячъ кричащихъ и махающихъ шапками людей, большая половина, если не согнана насильно, какъ у насъ въ Россіи, то искусственно вызвана какой-нибудь приманкой; въ 3-хъ, изъ всѣхъ этихъ тысячъ едва ли есть десятки, которые знаютъ въ чемъ дѣло, и точно такъ же кричали бы и махали шапками, если бы происходило совершенно противное тому, что происходитъ; и въ 4-хъ, тутъ же присутствуетъ полиція, которая сейчасъ же заставитъ замолчать и заберетъ всѣхъ тѣхъ, которые закричатъ не то, чего хочеть и требуетъ правительство, какъ это усиленно дѣлалось во время франко-русскихъ празднествъ.

Во Франціи одинаково восторженно привѣтствовали войну съ Россіей при Наполеонѣ I, и потомъ Александра I, того, противъ кого велась война, и потомъ опять Наполеона и опять союзниковъ, и Бурбона, и Орлеана, и республику, и Наполеона III, и Буланже; а въ Россіи одинаково восторженно привѣтствуютъ нынче Петра, завтра Екатерину, послѣ завтра Павла, Александра, Константина, Николая, герцога Лейхтенбергскаго, братьевъ сла-

вянъ, прусскаго короля и французскихъ моряковъ, и всѣхъ тѣхъ, кого начальство захочетъ привѣтствовать. Точно тоже самое происходитъ въ Англии, Америкѣ, Германіи, Италіи.

То, что называется патриотизмомъ въ наше время, есть только съ одной стороны извѣстное настроеніе, постоянно производимое и поддерживаемое въ народахъ школой, религіей, подкупной прессой въ нужномъ для правительства направленіи, съ другой—временное, производимое исключительными средствами правящими классами, возбужденіе низшихъ по нравственному и умственному даже уровню людей народа, которое выдается потомъ за постоянное выраженіе воли всего народа. Патриотизмъ угнетенныхъ народностей не составляетъ изъ этого исключенія. Онъ точно также несвойственъ рабочимъ массамъ, а искусственно прививается имъ высшими классами.

ХШ.

„Но если люди народа не испытывают чувства патриотизма, то это происходит от того, что они не доросли еще до этого высокаго и свойственнаго всякому образованному человеку чувства. Если они не испытывают этого высокаго чувства, то надо его воспитать въ нихъ. Это самое и дѣлаетъ правительство“.

Такъ говорятъ обыкновенно люди правящихъ классовъ съ такой полной увѣренностью въ томъ, что патриотизмъ есть высокое чувство, что наивные люди изъ народа, не испытывающіе этого чувства, признаютъ себя виновными въ томъ, что они не испытываютъ этого чувства, стараются увѣрить себя, что они испытываютъ его или хотя притворяются въ этомъ.

Но что же это высокое чувство, которое, по мнѣнію правящихъ классовъ, должно быть воспитываемо въ народахъ?

Чувство это есть, въ самомъ точномъ опредѣленіи своемъ, ничто иное, какъ предпочтеніе своего государства или народа всякому другому государству и народу, чувство вполне выражаемое нѣмецкой патриотической пѣсней: „Deutschland, Deutschland über

alles“, *) въ которую стоитъ только вмѣсто Deutschland вставить Russland, Frankreich, Italien или N. N., какое либо другое государство, и будетъ самая ясная формула высокаго чувства патриотизма. Очень можетъ быть, что чувство это очень желательно и полезно для правительствъ и для цѣльности государства, но нельзя не видѣть, что чувство это вовсе не высокое, а напротивъ очень глупое и очень безправственное: глупое потому, что если каждое государство будетъ считать себя лучше всѣхъ другихъ, то очевидно, что всѣ они будутъ неправы, и безправственно потому, что оно неизбежно влечетъ всякаго человѣка, испытывающаго его, къ тому, чтобы пріобрѣсти выгоды для своего государства и народа въ ущербъ другимъ государствамъ и народамъ,—влеченіе прямо противоположное основному, признаваемому всѣми правственному закону: не дѣлать другому и другимъ, чего бы не хотѣли, чтобы намъ дѣлали.

Патриотизмъ могъ быть добродѣтелью въ древнемъ мірѣ, когда онъ требовалъ отъ

---

*) „Германія. Германія выше всѣхъ“. Названіе нѣмецкой національной пѣсенки.

человѣка служенія наивысшему — доступному
человѣку того времени—идеалу отечества.
Но какъ же можетъ быть патриотизмъ
добродѣтелью въ наше время, когда онъ
требуетъ отъ людей прямо противоположнаго
тому, что составляетъ идеаль нашей религіи
и нравственности, — не признанія равенства
и братства всѣхъ людей, а признанія одного
государства и народности преобладающими
надъ всѣми остальными. Но мало того, что
чувство это въ наше время уже не только
не есть добродѣтель, но несомнѣнный порокъ;
чувства этого, т. е. патриотизма въ истинномъ
его смыслѣ, въ наше время и не можетъ
быть, потому что нѣтъ для него ни мате-
ріальныхъ, ни нравственныхъ основаній.

Патриотизмъ могъ имѣть смыслъ въ
древнемъ мірѣ, когда каждый народъ болѣе
или менѣе однородный по своему составу,
исповѣдующій одну и ту же государственную
религію и, подчиняясь одной неограниченной
власти своего верховнаго, обоготворяемаго
владыки, представлялся самъ себѣ какъ-бы
островомъ среди постоянно стремящагося
залить его океана варваровъ.

Понятно, что при такомъ положеніи,
патриотизмъ, т. е. желаніе отстоять отъ напа-
денія варваровъ, не только готовыхъ разру-

шить общественный порядокъ, но угрожающихъ разграбленіями и поголовными убійствами, плѣненіемъ, и обращеніемъ въ рабство мужчинъ, и изнасилованіемъ женщинъ, было чувствомъ естественнымъ, и понятно, что человѣкъ, для избавленія себя и своихъ соотечественниковъ отъ такихъ бѣдъ, могъ предпочитать свой народъ всѣмъ другимъ и испытывать враждебное чувство къ окружающимъ его варварамъ и убивать ихъ, чтобы защитить свой народъ.

Но какое же значеніе можетъ имѣть это чувство въ наше христіанское время? На какомъ основаніи и для чего можетъ человѣкъ нашего времени, русскій пойти и убивать французовъ, нѣмцевъ, или французъ нѣмцевъ, когда онъ знаетъ очень хорошо, какъ бы онъ ни былъ мало образованъ, что люди другого государства и народа, къ которому возбуждается его патріотическая враждебность, не варвары, а точно такіе же люди — христіане, какъ и онъ, часто даже одной съ нимъ вѣры и исповѣданія, точно такъ же какъ и онъ желающіе только мира и мирнаго обмѣна труда и, кромѣ того, еще бльшею частью связанные съ нимъ или интересами общаго труда, или торговыми, или духовными интересами, или тѣми и другими

вмѣстѣ. Такъ что очень часто для людей одного государства — люди другого государства ближе и нужнѣе, чѣмъ свои соотечественники, какъ это имѣеть мѣсто для рабочихъ связанныхъ съ работодателями чужихъ народностей, для торговыхъ людей и въ особенности для ученыхъ и художниковъ.

Кромѣ того, сами условія жизни до того измѣнились теперь, что то, что мы называемъ отечествомъ, то, что мы должны какъ то отличать отъ всего остального, перестало быть ясно опредѣленнымъ, какъ оно было у древнихъ, гдѣ составлявшіе одно отечество люди принадлежали къ одной народности, одному государству и одной вѣрѣ. Понятенъ патріотизмъ египтянина, еврея, грека, которые, защищая свое отечество, защищали вмѣстѣ и свою вѣру, и свою народность, и свою родину, и свое государство.

Но въ чемъ выразится въ наше время патріотизмъ ирландца въ Соединенныхъ Штатахъ, по вѣрѣ своей принадлежащаго Риму, по народности Ирландіи, по государственности Соединеннымъ Штатамъ? Въ такомъ же положеніи находится чехъ въ Австріи, полякъ въ Россіи, Пруссіи и Австріи, индѣецъ въ Англіи, татаринъ и армянинъ въ Россіи и Турціи. Но не говоря уже о

людяхъ этихъ отдѣльныхъ покоренныхъ народностей, люди государствъ самыхъ однородныхъ, какъ Россія, Франція, Пруссія, не могутъ уже испытывать того чувства патріотизма, который былъ свойственъ древнимъ, потому что очень часто всѣ главные интересы ихъ жизни, иногда семейные — онъ женатъ на женщинѣ другого народа; экономическіе—капиталы его за границей; духовные, научные или художественные—всѣ не въ своемъ отечествѣ, а внѣ его, въ томъ государствѣ, къ которому возбуждается его патріотическая ненависть.

Главное же не возможенъ патріотизмъ въ наше время потому, что какъ мы ни старались въ продолженіе 1800 лѣтъ скрыть смыслъ христіанства, оно всетаки проточилось въ нашу жизнь и до такой степени руководитъ ею, что люди, самые грубые и глупые, не могутъ уже не видѣть теперь совершенной несовмѣстимости патріотизма съ тѣми нравственными правилами, которыми они живутъ.

XIV.

Патріотизмъ былъ нуженъ для образованія объединенныхъ изъ разныхъ народностей и защищенныхъ отъ варваровъ сильныхъ государствъ. Но какъ скоро христіанское просвѣщеніе одинаково внутренне преобразило всѣ эти государства, давъ имъ одни и тѣ же основы, патріотизмъ сталъ уже не только не нуженъ, но сталъ единственнымъ препятствіемъ для того единенія между народами, къ которому они готовы по своему христіанскому сознанію.

Патріотизмъ въ наше время есть жестокое преданіе уже пережитого періода времени, которое держится только по инерціи и потому, что правительства и правящіе классы, чувствуя, что съ этимъ патріотизмомъ связана не только ихъ власть, но и существованіе, старательно и хитростью, и насиліемъ возбуждаютъ и поддерживаютъ его въ народахъ. Патріотизмъ въ наше время подобенъ лѣсамъ, когда-то бывшимъ необходимыми для постройки стѣнъ зданія, которые, не смотря на то, что они одни мѣшаютъ теперь пользованію зданіемъ, все таки не снимаются, потому что существованіе ихъ выгодно для

нѣкоторыхъ.

Между христіанскими народами уже давно нѣтъ и не можетъ быть никакихъ причинъ раздора. Невозможно даже представить себѣ, какъ и зачѣмъ мирно и вмѣстѣ работающіе на границахъ и въ столицахъ русскіе и нѣмецкіе рабочіе станутъ ссориться между собой. И тѣмъ менѣе можно вообразить себѣ вражду между какимъ-нибудь казанскимъ крестьяниномъ, поставляющимъ хлѣбъ нѣмцу и нѣмцемъ, доставляющимъ ему косы и машины, тоже самое между французскими, нѣмецкими и итальянскими рабочими. О ссорѣ же между учеными, художниками, писателями разныхъ національностей, живущими одними общими, независимыми отъ національности и государственности интересами, даже смѣшно говорить.

Но правительствамъ нельзя оставить народы въ покоѣ, т. е. въ мирныхъ отношеніяхъ между собой, потому что если не единственное, то главное оправданіе существованія правительствъ въ томъ, чтобы умиротворять народы, улаживать ихъ враждебныя отношенія. И вотъ правительства вызываютъ эти враждебныя отношенія подъ видомъ патріотизма и потомъ дѣлаютъ видъ, что умиротворяютъ народы между собой. Въ родѣ того, какъ цыганъ, который посыпавъ своей лошади

перца подъ хвостъ, нахлеставъ ее въ стойлѣ, выводитъ ее, повиснувъ на поводу, и притворяется, что онъ насилу можетъ удержать разгорячившуюся лошадь.

Насъ увѣряютъ, что правительства заботятся о соблюденіи мира между народами. Какъ же они соблюдаютъ этотъ миръ?

Живутъ люди по берегамъ Рейна, мирно общаясь между собой, —вдругъ, вслѣдствіе разныхъ ссоръ и интригъ между королями и императорами, начинается война и оказывается нужнымъ правительству Франціи признать нѣкоторыхъ изъ этихъ жителей французами. Проходятъ вѣка, люди привыкли къ этому положенію, опять начинается вражда между правительствами большихъ народовъ, и по самому пустому предлогу начинается война, и оказывается нужнымъ нѣмцамъ признать этихъ жителей опять нѣмцами, и во всѣхъ французахъ и нѣмцахъ разжигается недоброжелательство другъ къ другу. Или живутъ мирно нѣмцы съ русскими на своей границѣ, мирно обмѣниваются трудами и произведеніями труда, и вдругъ тѣ самыя учрежденія, которыя существуютъ только во имя умиротворенія народовъ, начинаютъ ссориться, дѣлать глупость за глупостью и ничего лучшаго не умѣютъ придумать, какъ самый ребяческій

пріемъ самонаказанія, только бы поставить на своемъ и насолить противнику (что въ этомъ случаѣ особенно удобно, такъ какъ тѣ, кто устраиваетъ таможенную войну, не страдаютъ отъ нея, а страдаютъ другіе): устраиваютъ ту таможенную войну, которая недавно велась между Россіей и Германіей. И между нѣмцами и русскими съ помощью газетъ начинается разгораться недоброжелательное чувство, которое еще разжигается франко-русскими празднествами и того и гляди можетъ привести и къ кровавой войнѣ.

Я привелъ эти послѣдніе два примѣра воздѣйствія правительствъ на народъ для возбужденія въ немъ враждебности къ другимъ народамъ, потому что они современны; но нѣтъ во во всей исторіи ни одной войны, которая не была бы вызвана правительствами, одними правительствами, совершенно независимо отъ выгодъ народовъ, которымъ война, даже если она успѣшна, всегда вредна.

Правительства увѣряютъ народы, что они находятся въ опасности отъ нападенія другихъ народовъ и отъ внутреннихъ враговъ, и что единственное средство спасенія отъ этой опасности состоитъ въ рабскомъ повиновеніи народовъ правительствамъ. Такъ это съ полной очевидностью видно во время рево-

люцій и диктатуръ и такъ это происходитъ всегда и вездѣ, гдѣ есть власть. Всякое правительство объясняетъ свое существованіе и оправдываетъ всѣ свои насилія тѣмъ, что если бы его не было, то было бы хуже. Увѣривъ народы, что они въ опасности, правительства подчиняютъ себѣ ихъ. Когда же народы подчиняются правительствамъ, правительства эти заставляютъ народы нападать на другіе народы. И такимъ образомъ для народовъ подтверждаются увѣренія правительствъ объ опасности отъ нападенія со стороны другихъ народовъ.

Divide et împera. (Раздѣляй и властвуй).

Патріотизмъ, въ самомъ простомъ, ясномъ и несомнѣнномъ значеніи своемъ есть ничто иное для правителей, какъ орудіе для достиженія властолюбивыхъ и корыстныхъ цѣлей, а для управляемыхъ — отреченіе отъ человѣческаго достоинства, разума, совѣсти, и рабское подчиненіе себя тѣмъ, кто во власти. Такъ онъ и проповѣдуется вездѣ, гдѣ проповѣдуется патріотизмъ.

♦ Патріотизмъ есть рабство.

Проповѣдники мира посредствомъ арбитраціи разсуждаютъ такъ: два животныя не могутъ раздѣлить добычу иначе, какъ не подравшись, такъ поступаютъ дѣти, варвары

и варварскіе народы. Но люди разумные рѣшаютъ свои несогласія разсужденіемъ, убѣжденіемъ, передачей рѣшенія вопроса не заинтересованнымъ, разумнымъ лицамъ. Такъ должны поступать и народы нашего времени.

Разсужденія эти кажутся вполнѣ правильными. Народы нашего времени дожили до періода разумности, не имѣютъ враждебности другъ къ другу и могли бы рѣшать свои несогласія путемъ мирнымъ. Но разсужденіе это справедливо только относительно народовъ, однихъ народовъ, если бы они не были подъ властью правительствъ. Народы же, подчиняющіеся правительствамъ, не могутъ быть разумны, потому что подчиненіе правительствамъ уже есть признакъ величайшаго неразумія.

Какая же рѣчь можетъ быть о разумности людей, впередъ обѣщающихся исполнить все то, (включая сюда и убійство людей), что предпишетъ правительство, т. е. извѣстные случайно попавшіе въ это положеніе люди.

Люди, могущіе принять такое обязательство безропотнаго подчиненія всему тому, что имъ предпишутъ неизвѣстные имъ люди изъ Петербурга, Вѣны, Парижа, не могутъ быть разумны, и правительства, т. е. люди,

обладающіе такой властью, еще менѣе могутъ быть разумны и не могутъ не злоупотреблять ею, не могутъ не ошалѣвать отъ такой безумно страшной власти. Поэтому то и не можетъ быть достигнутъ миръ народовъ между собой разумнымъ путемъ, конвенціями, арбитражіей до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать подчиненіе народовъ правительствамъ, которыя всегда неразумны и всегда пагубны.

Подчиненіе же людей правительствамъ всегда будетъ, пока будетъ патріотизмъ, потому что всякая власть основывается на патріотизмѣ, т. е. на готовности людей, ради защиты своего народа, отечества, т. е. государства отъ мнимоугрожающихъ ему опасностей, подчиняться власти.

На этомъ патріотизмѣ основывалась власть французскихъ королей надъ своимъ народомъ до революціи; на этомъ же патріотизмѣ основывалась и власть комитета общественной безопасности послѣ революціи; на этомъ же патріотизмѣ воздвигалась власть Наполеона (и консула и императора); и на томъ же патріотизмѣ установилась по сверженіи Наполеона власть Бурбоновъ, и потомъ республики, и Людовика - Филиппа, и опять республики, и опять Бонапарта, и опять республики, и на этомъ же патріотизмѣ чуть было

не установилась власть г-на Буланже.

Страшно сказать, но нѣтъ и не было такого совокупнаго насилія однихъ людей надъ другими, которое не производилось бы во имя патріотизма. Во имя патріотизма воевали русскіе съ французами, французы съ русскими, и во имя же патріотизма теперь готовятся русскіе съ французами воевать протівъ нѣмцевъ, и во имя патріотизма готовятся теперь нѣмцы—воевать на два фронта. Но не только войны,—во имя патріотизма русскіе душатъ поляковъ и нѣмцы славянъ; во имя патріотизма коммунары убивали версальцевъ и версальцы—коммунаровъ.

XV.

Казалось бы, что распространеніе образованія, облегченныхъ способовъ передвиженія, частаго общенія между людьми разныхъ народовъ, при распространеніи печати и, главное, при совершенномъ уничтоженіи опасности отъ другихъ народовъ, обманъ патріотизма долженъ бы становиться все труднѣе и труднѣе, и подъ конецъ сдѣлаться невозможнымъ.

Но дѣло въ томъ, что тѣ самыя средства всеобщаго внѣшняго образованія, облег-

ченнаго способу передвиженія и общенія и главное печати, захваченнаго и все болѣе и болѣе захватываемыя правительствами, даютъ имъ теперь такую возможность возбуждать въ народахъ враждебныя другъ къ другу чувства, что насколько увеличивалась очевидность ненужности и вреда патріотизма, настолько же увеличивалась и сила воздѣйствія правительствъ и правящихъ классовъ на народъ для возбужденія патріотизма.

Различіе между тѣмъ, что было и что есть теперь, состоитъ только въ томъ, что такъ какъ теперь гораздо большее число людей участвуютъ въ тѣхъ выгодахъ, которыя доставляетъ патріотизмъ высшимъ классамъ, то и гораздо большее число людей участвуетъ въ распространеніи и поддержаніи этого удивительнаго суевѣрія.

Чѣмъ труднѣе удержать свою власть, тѣмъ съ все большимъ и большимъ количествомъ людей правительство дѣлится ею.

Прежде властвовала одна маленькая кучка правителей: императоры, короли, герцоги, ихъ чиновники и воины; теперь же участниками этой власти и доставляемыхъ ею выгодъ стали не только чиновники и духовенство, но капиталисты, большіе и даже малые, и землевладѣльцы, и банкиры, и

члены палатъ, и учителя, и сельскія должностныя лица и ученые, и даже художники, и въ особенности писатели, журналисты. И всѣ эти лица сознательно и безсознательно распространяють обманъ патріотизма, необходимый имъ для удержанія своего выгоднаго положенія. И обманъ, благодаря тому, что средства обмана стали сильнѣе и что въ немъ участвуетъ теперь все большее количество людей, производится такъ успѣшно, что не смотря на большую трудность обмана, степень обманутости народа остается та же.

За 100 лѣтъ тому назадъ безграмотный народъ, не имѣвшій никакого понятія о томъ, изъ кого состоитъ его правительство, и о томъ, какіе народы окружають его, слѣпо повиновался тѣмъ мѣстнымъ чиновникамъ и дворянамъ, у которыхъ онъ находился въ рабствѣ. И достаточно было правительству удержать подкупами и наградами въ своей власти этихъ чиновниковъ и дворянъ, чтобы народъ покорно исполнялъ то, что отъ него требовалось. Теперь же, когда народъ уже большею частью умѣетъ читать, знаетъ болѣе или менѣе изъ кого состоитъ его правительство, какіе народы окружають его; когда люди изъ народа постоянно и легко передвигаются съ мѣста на мѣсто, принося

ему свѣдѣнія о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, уже недостаточно простого требованія исполненія приказаній правительствъ; нужно еще затемнить тѣ правдивыя понятія, которыя имѣетъ народъ о жизни, и внушить ему несвойственныя представленія объ условіяхъ его жизни и объ отношеніи къ нему другихъ народовъ.

И вотъ благодаря распространенію печати, грамотности и легкости сообщеній, правительства, вездѣ имѣя своихъ агентовъ, черезъ указы, церковныя проповѣди, школы, газеты, внушаютъ народу самыя дикія и превратныя понятія объ его выгодахъ, объ отношеніяхъ народовъ между собой, объ ихъ свойствахъ и намѣреніяхъ, и народъ настолько задавленный трудомъ, что не имѣетъ ни времени, ни возможности понять значеніе и провѣрить справедливость тѣхъ понятій, которыя внушаются ему, и тѣхъ требованій, которыя во имя его блага предъявляются ему, безропотно покоряется имъ.

Люди же изъ народа, освобождающіеся отъ неустаннаго труда и образовывающіеся и потому, казалось бы, могущіе понять обманъ, производимый надъ ними, подвергаются такому усиленному воздѣйствію угрозъ, подкупа и гипнотизаціи правительствъ, что

почти безъ исключенія тотчасъ переходятъ на сторону правительствъ и, поступая въ выгодныя и хорошо оплачиваемыя должности учителей, священниковъ, офицеровъ, чиновниковъ, становятся участниками распространенія того обмана, который губитъ ихъ обратій. Какъ будто въ дверяхъ образованія стоятъ тенета, въ которыя неизбѣжно попадаютъ всѣ тѣ, которые тѣми или другими способами выходятъ изъ массы поглощеннаго трудомъ народа.

Сначала, когда поймешь всю жестокость этого обмана, невольно поднимается негодованіе противъ тѣхъ, которые изъ-за своихъ личныхъ, корыстолюбивыхъ, тщеславныхъ выгодъ, производятъ этотъ жестокий, губящій не только тѣло, но и душу людей, обманъ, хочется обличить этихъ жестокихъ обманщиковъ. Но дѣло въ томъ, что обманывающіе обманываютъ не потому, что они хотятъ обманывать, но потому, что они почти не могутъ поступать иначе. И обманываютъ они не макиавелически, не съ сознаниемъ производимаго ими обмана, но большею частью съ наивною увѣренностью, что они дѣлаютъ что то доброе и возвышенное, въ чемъ ихъ постоянно поддерживаетъ сочувствіе и одобреніе всѣхъ окружающихъ ихъ. Правда, что

смутно чувствуя то, что на этомъ обманѣ держится ихъ власть и выгодное положеніе, они невольно влекутся къ нему, но дѣйствуютъ они не потому, что они хотятъ обмануть народъ, но потому, что думаютъ, что дѣлаемое ими дѣло полезно для народа.

Такъ, императоры, короли со своими министрами, дѣлая свои коронаціи, маневры, смотры, посѣщенія другъ друга, во время которыхъ они, наряжаясь въ различные мундиры, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, съ серьезными лицами совѣщаются другъ съ другомъ о томъ, какъ примирить будто бы враждебные народы (которымъ никогда и въ голову не придетъ воевать другъ съ другомъ), вполне увѣрены, что все то, что они дѣлаютъ, дѣло очень разумное и полезное.

Точно также всѣ министры, дипломаты и всякіе чиновники, наряжающіеся въ свои мундиры съ разными ленточками и крестиками и озабоченно пишущіе на прекрасной бумагѣ за номерами свои неясныя, запутанныя, никому ненужныя сообщенія, донесенія, предписанія, проекты, вполне увѣрены, что безъ этой ихъ дѣятельности остановится или разстроится вся жизнь народа.

Точно также и военные, наряженные въ свои смѣшныя костюмы, серьезно разсуж-

дающіе о томъ, какими ружьями или пушками убивать людей, вполне увѣрены, что ихъ маневры и смотры суть самыя важныя и нужныя для народа дѣла.

Въ этомъ же убѣждены и проповѣдующіе патріотизмъ священники, журналисты и составители патріотическихъ стиховъ и учебниковъ, получающіе за это щедрое вознагражденіе. Въ томъ же не сомнѣваются и учредители празднествъ въ родѣ франко-русскихъ, искренно умиляющіеся при произнесеніи своихъ патріотическихъ рѣчей и тостовъ. Всѣ люди эти дѣлаютъ то, что они дѣлаютъ, безсознательно, потому что это необходимо имъ, такъ какъ на этомъ обманѣ построена вся ихъ жизнь, и потому что они другого ничего не умѣютъ дѣлать, а между тѣмъ эти самыя поступки вызываютъ сочувствіе и одобреніе всѣхъ тѣхъ людей, среди которыхъ они совершаются. Мало того что, будучи всѣ связаны другъ съ другомъ, они сами одобряютъ и оправдываютъ поступки и дѣятельность другъ друга; императоры и короли — военныхъ чиновниковъ и духовныхъ; а военные, чиновники и духовные — императоровъ и королей и другъ друга, толпа народная, преимущественно городская толпа, не видя никакого понятнаго для себя смысла

во всемъ томъ, что дѣлается всѣми этими людьми, невольно приписываетъ имъ особенное, почти сверхъестественное значеніе. Толпа видитъ, напримѣръ, что ставятся триумфальныя арки, люди наряжаются въ короны, мундиры, ризы, сжигаются фейерверки, палятъ изъ пушекъ, звонятъ въ колокола, ходятъ съ музыкой полки, летаютъ бумаги, и телеграммы, и курьеры съ мѣста на мѣсто, и странно наряженные люди непрестанно, озабоченно переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, что то говорятъ и пишутъ и т. п., и толпа, не будучи въ состояніи провѣрить, что все это дѣлается (какъ оно есть въ дѣйствительности) безъ малѣйшей надобности, приписываетъ всему этому особенное, таинственное для себя и важное значеніе, и криками восторга или молчаливымъ уваженіемъ встрѣчаетъ всѣ эти проявленія. А между тѣмъ, эти выраженія иногда восторга и всегда уваженія толпы, еще болѣе усиливаютъ увѣренность тѣхъ людей, которые производятъ всѣ эти глупости.

Недавно Вильгельмъ II заказалъ себѣ новый тронъ съ какими то особенными украшеніями и, нарядившись въ бѣлый мундиръ съ латами, въ обтянутые штаны и въ каску съ птицей и сверхъ этого надѣвъ красную мантию, вышелъ къ своимъ подданнымъ и сѣлъ на

этотъ новый тронъ съ полной увѣренностью, что это дѣло очень нужное и важное, и поданные его не только не нашли въ этомъ ничего смѣшного, но нашли это зрѣлище весьма торжественнымъ.

XVI.

Уже давно власть правительствъ надъ народами держится не на силѣ, какъ она держалась въ тѣ времена, когда одна народность покоряла другую и силою оружія держала ее въ покорности, или когда у властителей среди безоружнаго народа были отдѣльныя вооруженныя полчища янычаръ, опричниковъ, гвардейцевъ. Власть правительствъ держится теперь уже давно только на томъ, что называется общественнымъ мнѣніемъ.

Существуетъ общественное мнѣніе, что патріотизмъ есть великое нравственное чувство и что хорошо и должно считать свой народъ, свое государство самымъ лучшимъ въ мірѣ, и устанавливается естественно вытекающее изъ этого общественное мнѣніе о томъ, что хорошо и должно признавать надъ собою власть правительствъ и подчиняться ей, что хорошо и должно служить въ военной

службѣ и подчиняться дисциплинѣ, хорошо и должно въ видѣ подати отдавать свои сбереженія правительству, хорошо и должно подчиняться рѣшеніямъ судовъ, хорошо и должно безконтрольно вѣрить тому, что выдается правительственными лицами за божественную истину.

А разъ существуетъ такое общественное мнѣніе, то и устанавливается могущественная власть, обладающая въ наше время миллиардами денегъ, организованнымъ механизмомъ управленія, почтами, телеграфами, телефонами, дисциплинированными войсками, судами, полиціей, покорнымъ духовенствомъ, школой, даже прессой, и власть эта подерживаетъ въ народахъ то общественное мнѣніе, которое нужно ей.

Власть правительствъ держится на общественномъ мнѣніи, обладая же властью, правительства посредствомъ всѣхъ своихъ органовъ, чиновниковъ, суда, школы, церкви, прессы даже, всегда могутъ поддержать то общественное мнѣніе, которое имъ нужно. Общественное мнѣніе производитъ власть, власть производитъ общественное мнѣніе. И выхода изъ этого положенія кажется что нѣтъ никакого.

И такъ бы оно дѣйствительно было,

если бы общественное мнѣніе было нѣчто постоянное, неизмѣняющееся и правительства могли бы производить то общественное мнѣніе, которое имъ нужно.

Но къ счастью этого нѣтъ, и общественное мнѣніе есть во первыхъ, не нѣчто постоянное, неизмѣняющееся, стоячее, а напротивъ нѣчто постоянно измѣняющееся, движущееся вмѣстѣ съ движеніемъ человѣчества; а во вторыхъ, общественное мнѣніе не только не можетъ быть производимо по желанію правительствами, а есть то, что производить правительства и даетъ имъ власть или отнимаетъ ее у нихъ.

Если и можетъ казаться, что общественное мнѣніе остается неподвижнымъ и теперь таково же, какимъ оно было десятки лѣтъ тому назадъ, и можетъ казаться и то, что общественное мнѣніе по отношенію нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ колеблется, какъ будто возвращаясь назадъ, такъ что оно напри- мѣръ то уничтожаетъ республику, замѣняя ее монархіей, то вновь уничтожаетъ монархію, замѣняя ее республикой, но это только кажется такъ, когда мы разсматриваемъ внѣшнія проявленія того общественнаго мнѣнія, которое искусственно производится правительствами. Но стоитъ только взять обще-

ственное мнѣніе въ его отношеніи ко всей жизни людей, и мы увидимъ, что общественное мнѣніе точно также, какъ время дня или года, никогда не стоитъ на мѣстѣ, а всегда движется, всегда идетъ неотступно впередъ по тому же пути, по которому идетъ впередъ человѣчество, точно такъ же, какъ, несмотря на задержки и колебанія, неотступно идетъ впередъ день или весна по тому же пути, по которому идетъ солнце.

Такъ что хотя по самымъ внѣшнимъ признакамъ положеніе народовъ Европы въ наше время почти такое же, какое было 50 лѣтъ тому назадъ, отношеніе къ нему народовъ уже совсѣмъ иное, чѣмъ то, которое было 50 лѣтъ тому назадъ. Если существуютъ тѣ же, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ властители, войска, войны, подати, роскошь и нищета, католичество, православіе, лютеранство, то прежде это существовало потому, что общественное мнѣніе народовъ требовало этого, теперъ же все это существуетъ только потому, что правительства искусственно поддерживаютъ то, что было когда то живымъ общественнымъ мнѣніемъ.

Если же мы часто не замѣчаемъ этого движенія общественнаго мнѣнія, какъ не замѣчаемъ движенія воды въ рѣкѣ, по тече-

нію которой плывемъ, то происходитъ это отъ того, что тѣ незамѣтныя измѣненія общественнаго мнѣнія, которыя составляютъ его движеніе, происходятъ въ насъ самихъ.

Свойство общественнаго мнѣнія есть постоянное и неудержимое движеніе. Если намъ кажется, что оно стоитъ на мѣстѣ, то это происходитъ отъ того, что вездѣ есть люди, устроившіе себѣ выгодное положеніе на извѣстномъ моментѣ общественнаго мнѣнія и потому всѣми силами старающіеся удержать его и не дать проявиться тому новому, настоящему, которое, хотя еще и не выразилось вполне, но уже живетъ въ сознаніи людей. И такіе люди, удерживающіе отжившее общественное мнѣніе и скрывающіе новое, суть теперь всѣ тѣ, которые составляютъ правительства и правящіе классы, исповѣдующіе патріотизмъ, какъ необходимое условіе жизни человѣческой.

Средства, которыми обладаютъ эти люди огромны, но такъ какъ общественное мнѣніе, есть нѣчто вѣчно текущее и прибывающее, то всѣ усилія ихъ не могутъ не быть тщетны: старое старится, молодое растетъ.

Чѣмъ дольше будетъ удержано выраженіе новаго общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе оно наростетъ и тѣмъ съ большею силою

выразится. Правительства и правящіе классы всѣми силами стараются удержать то старое общественное мнѣніе патріотизма, на которомъ построена ихъ власть, и остановить проявленіе новаго, которое уничтожаетъ ее. Но удержать старое и остановить новое можно только до извѣстныхъ предѣловъ, точно также, какъ только до извѣстнаго предѣла можно плотиной задержать текущую воду.

Сколько бы ни старались правительства возбуждать въ народахъ несвойственное имъ уже общественное мнѣніе прошедшаго о достоинствѣ и доблестяхъ патріотизма, люди нашего времени уже не вѣрятъ въ патріотизмъ, а все больше и больше вѣрятъ въ солидарность и братство народовъ. Патріотизмъ уже не представляетъ людямъ никакого, кромѣ самаго ужаснаго, будущаго; братство же народовъ составляетъ тотъ общій идеаль, который все болѣе и болѣе становится понятнымъ и желательнымъ человѣчеству. И потому переходъ людей отъ прежняго отжитого общественнаго мнѣнія къ новому неизбежно должно совершиться. Переходъ этотъ также неизбеженъ, какъ отпаденіе весной послѣднихъ сухихъ листьевъ и развертываніе молодыхъ изъ надувшихся почекъ.

И чѣмъ дальше оттягивается этотъ переходъ, тѣмъ онъ становится настоятельнѣе и тѣмъ очевиднѣе его необходимость.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вспомнить то, что мы исповѣдуемъ и, какъ христіане и, просто какъ люди своего времени, вспомнить тѣ нравственныя основы, которыми мы руководствуемся въ нашей общественной, семейной и личной жизни, и то положеніе, въ которомъ мы во имя патріотизма поставили себя, чтобы увидать, до какой мы дошли степени противорѣчія между нашимъ сознаниемъ и тѣмъ, что считается среди насъ, благодаря усиленному воздѣйствію въ этомъ направленіи правительства, —нашимъ общественнымъ мнѣніемъ.

Стоитъ только вдуматься въ тѣ самыя обыкновенныя требованія патріотизма, которыя, какъ что-то самое простое и естественное, предъявляются намъ, чтобы понять до какой степени эти требованія противорѣчатъ тому дѣйствительному общественному мнѣнію, которое мы всѣ уже раздѣляемъ. Всѣ мы считаемъ себя свободными, образованными, гуманными людьми, и даже христіанами, и между тѣмъ всѣ мы находимся въ такомъ положеніи, что завтра Вильгельмъ обидѣлся на Александра, или г-нъ N. N. написалъ

бойкую статью о восточномъ вопросѣ, или принцъ какой-нибудь ограбилъ какихъ-нибудь болгаръ или сербовъ, или какая-нибудь королева или императрица обидѣлась на что-нибудь, и мы всѣ, образованные, гуманные христіане, должны идти убивать людей, которыхъ мы не знемъ и къ которымъ дружески расположены, какъ и ко всѣмъ людямъ. Если же этого не случилось еще, то мы обязаны этимъ, какъ увѣряютъ насъ, миролюбію Александра III, или тому, что Николай Александровичъ женится на внучкѣ Викторіи. А будетъ на мѣстѣ Александра другой, или самъ Александръ измѣнитъ свое настроеніе, или Николай Александровичъ женится на Амаліи, а не на Алисѣ, и мы, какъ кровожадные звѣри, бросимся выпускать кишки другъ другу. Таково мнимое общественное мнѣніе нашего времени. Сужденія такія спокойно повторяются во всѣхъ самыхъ передовыхъ и либеральныхъ органахъ печати.

Если мы, тысячелѣтніе христіане, еще не перерѣзали горло другъ другу, то это потому, что Александръ III не позволяетъ намъ сдѣлать этого.

Вѣдь это ужасно!

XVII.

Для того, чтобы совершились самыя великія и важныя измѣненія въ жизни человѣчества, не нужны никакія подвиги: ни вооруженія милліоновъ войскъ, ни постройки новыхъ дорогъ и машинъ, ни устройства выставокъ, ни устройства союзовъ рабочихъ, ни революціи, ни барикады, ни взрывы, ни изобрѣтенія, ни воздухоплаваніе и т. п., а нужно только измѣненіе общественнаго мнѣнія. Для измѣненія же общественнаго мнѣнія не нужно никакихъ усилій мысли, не нужно опровергать что-либо существующее и придумывать что-либо необыкновенное, новое, нужно только не поддаваться ложному, уже умершему, искусственно возбуждаемому правительствами общественному мнѣнію прошедшаго, нужно только, чтобы каждый отдѣльный человѣкъ говорилъ то, что онъ дѣйствительно думаетъ и чувствуетъ, или хоть не говорилъ того, чего онъ не думаетъ. И только бы люди, хоть небольшое количество людей дѣлали это, и тотчасъ само собой спадеть отжившее общественное мнѣніе и проявится молодое, живое, настоящее. А измѣнится общественное мнѣніе, и безъ всякаго

усилія само собою замѣнится все то внутреннее устройство жизни людей, которое томить и мучаетъ ихъ. Совѣстно сказать, какъ мало нужно для того, чтобы всѣмъ людямъ освободиться отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя теперь удручаютъ ихъ: нужно только не лгать. Пускай только не поддаются люди той лжи, которую внушаютъ имъ, пусть только не говорятъ того, что они не думаютъ и не чувствуютъ, и тотчасъ же совершится такой переворотъ во всемъ строѣ нашей жизни, котораго не достигнуть революціонеры столѣтіями, если бы вся власть находилась въ ихъ рукахъ.

Только бы вѣрили люди, что сила не въ силѣ, а въ правдѣ, и смѣло высказывали бы ее или хоть только бы не отступали отъ нея словомъ и дѣломъ: не говорили бы того, чего они не думаютъ, не дѣлали бы того, что они считаютъ нехорошимъ и глупымъ.

„Что же тутъ важнаго, что бы прокричать: *Vive la France* или ура! какому-нибудь императору, королю, побѣдителю, пойти, надѣвъ мундиръ, придворный ключъ, дожидаться его въ передней, раскланиваться и называть его странными титулами, и потомъ внушать всѣмъ и молодымъ и необразованнымъ людямъ, что дѣлать это очень похвально.“

„Или, что важнаго въ томъ, чтобы написать статью въ защиту франко-русскаго союза или таможенной войны, или въ осужденіе нѣмцевъ, русскихъ, французовъ, англичанъ. „Или что важнаго пойти на какое-нибудь патриотическое празднованіе и пить за здоровье и говорить хвалебныя рѣчи людямъ, которыхъ не любишь и до которыхъ тебѣ нѣтъ никакого дѣла. Или даже, „что важнаго въ томъ, чтобы въ разговорѣ признать благотворность и полезность трактатовъ, союзовъ, или даже промолчать, когда при васъ восхваляютъ свой народъ и государство, бранять и чернить другія народности, или когда восхваляютъ католичество, православіе, лютеранство, или какого-нибудь героя войны, или правителя вродѣ Наполеона, Петра или современнаго Буланже, Скобелева?“ Все это кажется такъ не важно. А между тѣмъ, въ этихъ-то кажущихся намъ неважными поступкахъ, въ воздержаніи нашемъ отъ участія въ нихъ, въ указаніи по мѣрѣ силъ нашихъ неразумности того, неразумность чего очевидна намъ, въ этомъ наше великое, непреодолимое могущество то, изъ котораго складывается та непобѣдимая сила, которая составляетъ настоящее дѣйствительное общественное мнѣніе, то мнѣніе, которое, само двигаясь, движетъ всѣмъ чело-

вѣществомъ. Правительства знаютъ это и трепещутъ передъ этой силой и всѣми зависящими отъ нихъ средствами стараются противодѣйствовать ей или завладѣть ею.

Они знаютъ, что сила не въ силѣ, а въ мысли и ясномъ выраженіи ея и потому боятся выраженія независимой мысли больше, чѣмъ арміи, устраиваютъ цензуры, подкупаютъ газеты, захватываютъ управленія религіями, школами. Но та духовная сила, которая движетъ міромъ, ускользаетъ отъ нихъ, она даже не въ книгѣ, не въ газетѣ, она неуловима и всегда свободна, она въ глубинѣ сознанія людей. Самая могущественная и неуловимая, свободная сила эта есть та, которая проявляется въ душѣ человѣка, когда онъ одинъ, самъ собою обдумываетъ явленія міра и потомъ невольно высказываетъ свои мысли своей женѣ, брату, другу, всѣмъ тѣмъ людямъ, съ которыми онъ сходится и отъ которыхъ считаетъ грѣхомъ скрыть то, что онъ считаетъ истиной. Никакіе миллиарды рублей, милліоны войскъ и никакія учрежденія, ни войны, ни революціи не произведутъ того, что можетъ произвести простое выраженіе свободнымъ человѣкомъ того, что онъ считаетъ справедливымъ независимо отъ того, что существуетъ и что ему внушается.

Одинъ свободный человѣкъ скажетъ правдиво то, что онъ думаетъ и чувствуетъ среди тысячъ людей, своими поступками и словами, утверждающими совершенно противоположное. Казалось бы, что высказавшій искренно свою мысль, долженъ остаться одинокимъ, а между тѣмъ большей частью бываетъ такъ, что всѣ или большинство уже давно думаютъ и чувствуютъ то же самое, только не высказываютъ этого. И то, что было вчера новымъ мнѣніемъ одного человѣка, дѣлается нынче общимъ мнѣніемъ большинства. А какъ скоро установилось это мнѣніе, такъ тотчасъ незамѣтно, понемногу, но неудержимо начинаютъ измѣняться поступки людей.

А то каждый свободный человѣкъ говорить себѣ: „что я могу сдѣлать противъ всего этого моря зла и обмана, заливающего насъ? Къ чему высказывать свое мнѣніе? Къ чему даже составлять его? Лучше не думать объ этихъ неясныхъ и запутанныхъ вопросахъ. Можетъ быть эти противорѣчія составляютъ неизбѣжное условіе всѣхъ явленій жизни. И къ чему мнѣ одному бороться со всѣмъ зломъ міра? Не лучше-ли отдаться увлекающему меня потоку: если и можно что-нибудь сдѣлать, то не одному, а только въ обществѣ съ другими людьми“. И остав-

ляя то могущественное орудіе мысли и выраженія ея, которое движеть міромъ,—каждый берется за орудіе общественной дѣятельности, не замѣчая того, что всякая общественная дѣятельность основана на тѣхъ самыхъ началахъ, съ которыми ему предлежитъ бороться, что вступая въ общественную дѣятельность существующаго среди нашего міра, всякій человѣкъ долженъ хоть отчасти отступить отъ истины, сдѣлать такія уступки, которыми онъ уничтожаетъ всю силу того могущественнаго орудія борьбы, которое дано ему. Въ родѣ того, какъ если бы человѣкъ, которому данъ въ руки необыкновенной остроты клинокъ, все перерѣзающій, сталъ бы лезвіемъ этого клинка забивать гвозди.

Всѣ мы плачемся на безумный противорѣчащій всему нашему существу порядокъ жизни, а не только не пользуемся тѣмъ единственнымъ, находящимся въ нашей власти могущественнѣйшимъ орудіемъ: сознанія истины и выраженія ея, но, напротивъ, подъ предлогомъ борьбы со зломъ уничтожаемъ это орудіе и приносимъ его въ жертву воображаемой борьбѣ съ этимъ порядкомъ.

Одинъ не говоритъ той правды, которую онъ знаетъ, потому что онъ чувствуетъ себя обязаннымъ передъ людьми, съ которыми онъ

связанъ, другой — потому что правда могла бы лишить его того выгоднаго положенія, посредствомъ котораго онъ поддерживаетъ семью, третій — потому, что онъ хочетъ достигнуть славы и власти и потомъ уже употребить ихъ на служеніе людямъ: четвертый—потому, что онъ не хочетъ нарушать старинныя священныя преданія, пятый—потому что онъ не хочетъ оскорблять людей, шестой—потому, что высказываніе правды вызоветъ преслѣдованіе и нарушитъ ту добрую общественную дѣятельность, которой отдается или намѣренъ отдаться...

Одинъ служитъ императоромъ, королемъ, министромъ, чиновникомъ, военнымъ и увѣряетъ себя и другихъ, что то уклоненіе отъ истины, которое необходимо при его положеніи, далеко выкупается приносимой имъ пользой.

Другой исполняетъ обязанности духовнаго пастыря, въ глубинѣ души не вѣря всему тому, чему онъ поучаетъ, но позволяетъ себѣ уклоненіе отъ истины 'въ виду приносимой имъ пользы. Третій поучаетъ людей въ литературѣ и, не смотря на необходимое умалчиваніе всей истины для того, чтобы не возстановить противъ себя правительства и общества, не сомнѣвается въ приносимой имъ пользѣ; четвертый прямо борется съ существ-

вующимъ порядкомъ, какъ революціонеры, анархисты, и вполне увѣренъ, что цѣль, преслѣдуемая имъ такъ благотворна, что необходимое для успѣха его дѣятельности умалчиваніе истины и даже ложь, не уничтожатъ благотворности его дѣятельности.

Для того, чтобы измѣнился противный сознанію людей порядокъ жизни и замѣнился соответственнымъ ему, нужно, чтобы отжившее общественное мнѣніе замѣнилось живымъ, новымъ.

Для того же, чтобы 'старое отжившее общественное мнѣніе уступило мѣсто новому, живому, нужно чтобы люди, сознающіе новыя требованія жизни, явно высказывали ихъ. А между тѣмъ всѣ 'люди, сознающіе всѣ эти новыя требованія, одинъ во имя одного, другой во имя другого, не только умалчиваютъ ихъ, но словомъ и дѣломъ утверждаютъ то, что прямо противоположно этимъ требованіямъ. Только истина и высказываніе ея можетъ установить то новое общественное мнѣніе, которое измѣнить отсталый и вредный порядокъ жизни, а между тѣмъ мы не только не высказываемъ той истины, которую знаемъ, а часто даже прямо высказываемъ то, что сами считаемъ неправдой.

Только бы не полагались свободные

люди на то, что не имѣть силы и всегда не свободно, — на внѣшнее могущество, а вѣрили бы въ то, что всегда могущественно и свободно, — въ истину и выраженія ея. Только бы смѣло, ясно высказывали люди уже открывшуюся имъ истину о братствѣ всѣхъ народовъ и преступности исключительной приверженности къ своимъ народамъ, и само собой соскочило бы, какъ отошедшая шкура, то мертвое, ложное общественное мнѣніе, на которомъ держится вся власть правительствъ и все зло, производимое ими, и проявилось бы то новое, живое общественное мнѣніе, которое ждетъ только отпаденія мѣшающаго ему стараго, для того, чтобы явно и властно заявить свои требованія и установить соотвѣтственныя сознанію людей новыя формы жизни.

XVIII.

Стоитъ людямъ только понять, что то, что имъ выдаютъ за общественное мнѣніе, что поддерживается такими сложными, напряженными и искусственными средствами, не есть общественное мнѣніе, а только мертвое послѣдствіе когда то бывшаго общественнаго мнѣнія; стоитъ, главное, повѣрить имъ въ

себя, въ то, что то, что сознается ими въ глубинѣ души, что просится у каждаго наружу и не высказывается только потому, что противорѣчитъ существующему общественному мнѣнію,—есть та сила, которая измѣняетъ міръ, и проявленіе которой составляетъ призваніе человѣка; стоитъ людямъ повѣрить въ то, что правда не есть то, что говорятъ вокругъ нихъ люди, а то, что говоритъ человѣку его совѣсть, т. е. Богъ, и мгновенно исчезнетъ ложное, искусственно поддерживаемое общественное мнѣніе и установится истинное.

Только бы люди говорили то, что они думаютъ, и не говорили того, чего они не думаютъ, и тотчасъ же отпали бы всѣ суевѣрія, вытекающія изъ патріотизма, и всѣ злыя чувства и насилія, основанныя на немъ. Отпала бы раздуваемая правительствами ненависть и вражда государствъ къ государствамъ и народностей къ народностямъ, отпали бы восхваленія военныхъ подвиговъ, т. е. убійства, отпали бы, главное, уваженіе къ властямъ, отдачи имъ своихъ трудовъ и подчиненіе имъ, для которыхъ помимо патріотизма нѣтъ никакихъ основаній.

А только бы сдѣлалось это, и мгновенно вся та огромная масса слабыхъ, всегда извнѣ

руководимыхъ людей, мгновенно перевалить на сторону новаго общественнаго мнѣнія. И новое общественное мнѣніе станетъ царствующимъ на мѣсто стараго.

Пускай обладаютъ правительства школой, церковью, печатью, миллиардами рублей и милліонами дисциплинированныхъ, обращенныхъ въ машины людей, —вся эта кажущаяся страшной организація грубой силы ничто передъ сознаниемъ истины, возникающимъ въ душѣ знающаго силу истины одного человѣка, и отъ этого человѣка сообщится другому, третьему, какъ одна свѣча зажигаетъ безконечное количество другихъ. Стоитъ только загорѣться этому свѣту, и, какъ воскъ отъ лица огня, распадется, растаетъ вся эта кажущаяся столь могущественной организація.

Только бы люди понимали ту страшную власть, которая дана имъ въ словѣ, выражающемъ истину. Только бы 'не продавали люди свое старшинство за чечевичную похлебку. Только бы, пользовались люди этой своей властью, и не только не посмѣли бы властители, какъ теперь, угрожать людямъ всеобщей бойней, въ которую они по своему произволу ввергнуть или не ввергнуть людей. не смѣли бы на глазахъ мирныхъ жителей дѣлать своихъ смотровъ и маневровъ дисципли-

линированнымъ убійцамъ, не смѣли бы правительства для своихъ расчетовъ, для выгодъ своихъ пособниковъ устраивать и разстраивать таможенные договоры, не смѣли бы собирать съ народа и тѣ миллионы рублей, которые они раздаютъ своимъ пособникамъ и на которые приготовляются къ убійству.

Итакъ, измѣненіе не только возможно, но невозможно, чтобы оно не сдѣлалось, такъ же невозможно, какъ невозможно, чтобы не сотлѣло и не развалилось отжившее мертвое дерево и не выросло молодое.

„Миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ: да не смущается сердце ваше и да не устращается“, сказалъ Христосъ. И миръ этотъ дѣйствительно уже есть среди насъ и отъ насъ зависитъ пріобрѣсти его.

Только бы не смущалось сердце отдѣльныхъ людей тѣми соблазнами, которыми ежечасно соблазняютъ ихъ, и не устращалось бы тѣми воображаемыми страхами, которыми пугаютъ ихъ. Только бы знали люди, въ чемъ ихъ могущественная, всепобѣждающая сила, и миръ, котораго всегда желали люди, не тотъ, который пріобрѣтается дипломатическими переговорами, переѣздами императоровъ и королей изъ одного города въ другой,

обѣдами, рѣчами, крѣпостями, пушками, динамитами и меленитами, не изнуреніемъ народа податями, не отрываніемъ цвѣта населенія отъ труда и развращеніемъ его, а тотъ миръ, который пріобрѣтается свободнымъ исповѣданіемъ истины каждымъ отдѣльнымъ чело-
вѣкомъ, уже давно наступилъ бы среди насъ.

Л. Толстой.

17 марта 1894 г. Москва.

Письмо Л. Н. Толстого о франко-русскомъ союзѣ.

Въ отвѣтъ на три вопроса, поставленные ему въ письмѣ Пьетро Мадзини (парижскаго корреспондента итальянскихъ газетъ), Л. Н. Толстой написалъ слѣдующее *):

Мой отвѣтъ на вашъ первый вопросъ, о томъ: «что думаетъ русскій народъ о франко-русскомъ союзѣ?»— слѣдующій: Русскій народъ—настоящій народъ—не имѣетъ ни малѣйшаго по-

нтя о существованіи этого союза; но если бы даже онъ зналъ объ этомъ союзѣ, я увѣренъ, что, такъ какъ всѣ народы для него совершенно одинаковы, то его здравый смыслъ, а также его чувство человѣчности ему указали бы, что этотъ исключительный союзъ съ однимъ народомъ, предпочтительно предъ всякимъ другимъ, — не можетъ имѣть другой цѣли, какъ ту, чтобы вовлечь его во вражду а, быть можетъ, и въ войны съ другими народами, и потому союзъ этотъ былъ бы ему въ высшей степени непріятенъ.

На вопросъ: «раздѣляетъ ли русскій народъ восторги французскаго народа?» — я думаю, что могу отвѣтить, что не только русскій народъ не раздѣляетъ этого восторга (если онъ и существуетъ на самомъ дѣлѣ — въ чемъ очень сомнѣваюсь), но если бы народъ зналъ обо всемъ, что дѣлается и говорится во Франціи по поводу этого союза, то онъ испыталъ бы скорѣй чувство недовѣрія и антипатіи къ тому народу, который безъ всякаго разумнаго основанія начинаетъ вдругъ проявлять къ нему внезапную и исключительную любовь.

Относительно третьяго вопроса: «каково значеніе этого союза для цивилизаціи вообще?» — я думаю,

что въ правѣ предположить, что, такъ какъ союзъ этотъ не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ войны или угрозы войны, направленной противъ другихъ народовъ,—то онъ не можетъ не быть зловреднымъ. Что касается значенія этого союза для обѣихъ составляющихъ его національностей, то ясно, что какъ въ прошломъ, такъ и въ будущемъ онъ былъ положительнымъ зломъ для обоихъ народовъ. Французское правительство, пресса и вся та часть французскаго общества, которая восхваляетъ этотъ союзъ, уже пошли и будутъ принуждены пойти на еще большіе уступки и компромиссы противъ традицій свободнаго и гуманнаго народа для того, чтобы представиться или на самомъ дѣлѣ быть—согласными въ намѣреніяхъ и чувствахъ съ правительствомъ наиболѣе деспотичнымъ, отсталымъ и жестокимъ во всей Европѣ. И это было и будетъ большимъ ущербомъ для Франціи. Между тѣмъ какъ для Россіи этотъ союзъ уже имѣлъ и будетъ имѣть, если онъ продолжится, вліяніе еще болѣе пагубное. Со времени этого злополучнаго союза русское правительство, нѣкогда стыдившееся мнѣнія Европы и считавшееся съ нимъ, теперь уже болѣе не заботится о немъ и, чувствуя за собой поддержку этой странной дружбы со

стороны націи, считающейя наиболѣе цивилизованной въ мірѣ,—становится съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе реакціоннымъ, деспотичнымъ и жестокимъ. Такъ что этотъ дикій и несчастный союзъ не можетъ имѣть, по моему мнѣнію, другого вліянія, кромѣ самаго отрицательнаго на благосостояніе обоихъ народовъ, такъ же какъ и на цивилизацію вообще.

Л. Толстой.

Ясная Поляна, 9-ое сентября 1901 г.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО*).

Вѣра есть смыслъ, даваемый жизни, есть то, что даетъ силу, направленіе жизни. Каждый живущій человѣкъ находитъ этотъ смыслъ и живетъ на основаніи его. Если не нашель, — то онъ умираетъ. Въ исканіи этомъ человѣкъ пользуется всѣмъ тѣмъ, что выработало все человѣчество. Все это, выработанное человѣчествомъ, называется откровеніемъ. Откровеніе есть то, что помогаетъ человѣку понять смыслъ жизни. Вотъ отношеніе человѣка къ вѣрѣ.

---

*) „Церковь и Государство“ представляетъ составленную переписчикомъ и одобренную авторомъ ко м п и л я ц і ю изъ черновыхъ отрывковъ, исключенныхъ послѣднимъ изъ его большого сочиненія „К р и т и к а д о г м а т и ч е с к а г о б о г о с л о в і я“, во время его обработки въ 1872—81 годахъ. Какъ помѣщаемыя здѣсь, такъ и напечатанныя уже нами произведенія Л. Н. Толстого являются перепечаткой съ изданій „Свободнаго Слова“ (А. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. Англія.) Ред.

Что же за удивительная вещь? Являются люди, которые изъ кожи лѣзутъ вонъ для того, чтобы другіе люди пользовались непременно этой, а не той формой откровенія; не могутъ быть покойны, пока другіе не примутъ ихъ, именно ихъ формы откровенія, проклинають, казнятъ, убивають всѣхъ, кого могутъ, изъ несогласныхъ. Другіе дѣлають то же самое — проклинають, казнятъ, убивають всѣхъ, кого могутъ, изъ несогласныхъ. Третьи — тоже самое. И такъ всѣ другъ друга проклинають, казнятъ, убивають, требуя, чтобы всѣ вѣрили, какъ они. И выходитъ, что ихъ сотни вѣрь, и всѣ проклинають, казнятъ и убивають другъ друга.

Я сначала былъ пораженъ тѣмъ, какъ такая очевидная бессмыслица, такое очевидное противорѣчіе не уничтожить самую вѣру? Какъ могли вѣрующіе люди оставаться въ этомъ обманѣ?

И дѣйствительно, съ общей точки зрѣнія, это непостижимо и доказываетъ неотразимо, что всякая вѣра есть обманъ, и что все это есть суевѣріе, что и доказываетъ царствующая теперь философія. Глядя съ общей точки зрѣнія, и я неотразимо пришелъ къ признанію того, что всѣ вѣры — обманы людскіе. Но я не могъ не остановиться на соображе-

ни о томъ, что самая глупость обмана, очевидность его и вмѣстѣ съ тѣмъ то, что все-таки все человѣчество поддается ему,—это самое показываетъ, что въ основѣ этого обмана лежитъ что-то необманчивое. Иначе — все такъ глупо, что нельзя обманываться. Даже общая всему человѣчеству, истинно живущему, поддача себя подъ обманъ заставила меня признать важность того явленія, которое служить причиной обмана; и вслѣдствіе этого убѣжденія я сталъ разбирать ученіе христіанское, служащее основой обману всего христіанскаго человѣчества.

Такъ выходитъ съ общей точки зрѣнія; но съ личной точки зрѣнія, съ той, вслѣдствіе которой каждый человѣкъ, и я, для того, чтобы жить, долженъ имѣть вѣру въ смыслъ жизни и имѣть вѣру,—это явленіе насилія въ дѣлѣ вѣры еще болѣе поразительно своей безсмыслицей.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ, зачѣмъ, кому можетъ быть нужно, чтобы другой не только вѣрилъ, но и исповѣдывалъ бы свою вѣру такъ же, какъ я? Человѣкъ живетъ, стало быть знаетъ смыслъ жизни. Онъ установилъ свое отношеніе къ Богу, онъ знаетъ истину истинъ, и я знаю истину истинъ. Выраженіе ихъ можетъ быть различно, сущность должна быть

одна и та же—мы оба люди.

Какъ, зачѣмъ, что можетъ меня заставить требовать отъ кого бы то ни было, чтобы онъ выражалъ свою истину непремѣнно такъ, какъ я?

Заставить человѣка измѣнить свою вѣру я не могу ни насиліемъ, ни хитростью, ни обманомъ (ложныя чудеса).

Вѣра есть его жизнь, — какъ же я могу отнять у него его вѣру и дать ему другую? Это все равно, что вынуть изъ него сердце и вставить ему другое. Я могу сдѣлать это только тогда, когда вѣра и моя, и его — слова, а не то чѣмъ онъ живетъ,—нарость, а не сердце. Этого нельзя сдѣлать и потому, что нельзя обмануть или заставить вѣрить человѣка въ то, во что онъ не вѣритъ, и нельзя потому, что тотъ, кто вѣритъ, — т. е. установилъ свои отношенія къ Богу и потому знаетъ, что вѣра есть отношеніе человѣка къ Богу, — не можетъ желать установить отношенія другого человѣка съ Богомъ посредствомъ насилія или обмана. Это невозможно, но это дѣлается, дѣлалось вездѣ и всегда; т. е. дѣлаться это не могло, потому что это невозможно, но дѣлалось и дѣлается что-то такое, что очень похоже на это; дѣлалось и дѣлается то, что люди навязываютъ другимъ подо-

біе вѣры, и другіе принимаютъ это подобіе вѣры, — подобіе вѣры, т. е. обманъ вѣры.

Вѣра не можетъ себя навязывать и не можетъ быть принимаема ради чего-нибудь: насилія, обмана или выгоды; а потому это не вѣра, а обманъ вѣры. И этотъ-то обманъ вѣры есть старое условіе жизни человѣчества.

Въ чемъ же состоитъ этотъ обманъ и на чемъ онъ основанъ? Чѣмъ вызванъ для обманывающихъ и чѣмъ держится для обманутыхъ? Не буду говорить о Браманизмѣ, Буддизмѣ, Конфуціанствѣ, Магометанствѣ, въ которыхъ были тѣ же явленія, не потому, чтобы невозможно было и здѣсь найти то же: для каждаго, читавшаго объ этихъ религіяхъ, будетъ ясно, что то же совершалось и въ тѣхъ вѣрахъ, что и въ христіанствѣ; но буду говорить исключительно о христіанствѣ, какъ о вѣрѣ намъ извѣстной, намъ нужной и дорогой. Въ христіанствѣ весь обманъ построенъ на фантастическомъ понятіи церкви, ни на чемъ не основанномъ и поражающемъ съ начала изученія христіанства своей неожиданной и бесполезной бессмыслицей.

Изъ всѣхъ безбожныхъ понятій и словъ нѣтъ понятія и слова болѣе безбожнаго, чѣмъ понятіе церкви. Нѣтъ понятія, породившаго болѣе зла, нѣтъ понятія болѣе враждебнаго уче-

нію Христа, какъ, понятіе церкви. Въ сущности слово эkkлeзія значитъ собраніе и больше ничего и такъ употреблено въ евангеліяхъ. Въ языкахъ всѣхъ новыхъ народовъ слово эkkлeзія означаетъ домъ молитвы.

Дальше этихъ значеній, несмотря на 1500-лѣтнее существованіе обмана церкви, слово это не проникло ни въ какой языкъ. По опредѣленіямъ, которыя даютъ этому слову тѣ жрецы, которымъ нуженъ обманъ церкви, оно выходитъ не что иное, какъ предисловіе, говорящее: все, что я теперь буду говорить, все истина, и если не повѣришь, то я тебя сожгу, или проклянущу и всячески обижу. Понятіе это есть софизмъ, нужный для нѣкоторыхъ диалектическихъ цѣлей, и остается достояніемъ тѣхъ, которымъ оно нужно. Въ народѣ, не только въ народѣ, а въ обществѣ и въ средѣ образованныхъ людей, несмотря на то, что этому учатъ въ катехизисахъ, понятія этого нѣтъ совсѣмъ. Опредѣленіе это, — какъ ни совѣстно разбираться его, но надо сдѣлать это, потому что столько людей такъ серьезно выдаютъ его за что-то важное, — опредѣленіе это совершенно ложно. Когда говорятъ, что церковь есть собраніе истинно-вѣрующихъ, то собственно ничего не говорятъ (не говоря уже о фантастически мертвыхъ), потому что, если

я скажу, что капелла есть собраніе всѣхъ истинныхъ музыкантовъ, то я ничего не сказалъ, если я не сказалъ, что я называю истинными музыкантами. По богословію же оказывается, что истинно вѣрующіе — тѣ, которые слѣдуютъ ученію церкви, т. е. находятся въ церкви.

Не говоря уже о томъ, что истинныхъ вѣрѣ такихъ сотни, опредѣленіе ничего не говоритъ и, казалось бы, такъ же бесполезно, какъ опредѣленіе капеллы собраніемъ истинныхъ музыкантовъ; но тотчасъ же за этимъ виднѣется конецъ ушка. Церковь истинна и едина, и въ ней пастыри и паства; и пастыри, Богомъ установленные, учатъ этому истинному и единому ученію, т. е.: „ей Богу, все, что мы будемъ говорить, — все истинная правда“. Больше ничего нѣтъ. Обманъ весь въ этомъ, — въ словѣ и понятіи церкви. И смыслъ этого обмана только тотъ, что есть люди, которымъ безъ памяти хочется учить своей вѣрѣ другихъ людей.

Для чего же имъ такъ хочется учить своей вѣрѣ другихъ людей? Если бы у нихъ была истинная вѣра, они бы знали, что вѣра есть смыслъ жизни, отношеніе къ Богу, устанавливаемое каждымъ человѣкомъ, и что поэтому нельзя учить вѣрѣ, а только обману вѣ-

ры. Но они хотятъ учить. Для чего? Самый простой отвѣтъ былъ бы тотъ, что попу нужны лепешки и яйца, архіерею — дворець, кулебяка и шелковая ряса. Но этотъ отвѣтъ недостаточенъ. Таковъ, безъ сомнѣнія, внутренній, психологическій поводъ къ обману, поводъ, поддерживающій обманъ; но, такъ разбирая, какимъ образомъ могъ одинъ человѣкъ (палачъ) рѣшиться убивать другого человѣка, противъ котораго онъ не имѣетъ никакой злобы? Было бы недостаточно сказать, что палачъ убиваетъ потому, что ему даютъ водки, калача и красную рубашку; точно также недостаточно сказать, что . . . . . съ монахами набиваетъ соломой мѣшки, называя ихъ мощами угодниковъ, только для того, чтобы имѣть 30 тысячъ дохода. И то, и другое дѣйствіе слишкомъ ужасно и противно человѣческой природѣ для того, чтобы такое простое, грубое объясненіе могло быть достаточно. Какъ палачъ, такъ и . . . . . объясняя свой поступокъ, приведутъ цѣлый рядъ доказательствъ, которыхъ главная основа будетъ историческое преданіе. „Человѣка надо казнить, казнили съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ. Не я, такъ другой. Я сдѣлаю это, надѣюсь, съ Божьей помощью, лучше, чѣмъ другой!“ Такъ же скажетъ митрополитъ: внѣшнее богопочитаніе нуж-

но, съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, почитали мощи угодниковъ. Пещерныя мощи почитаютъ, ходятъ сюда. Не я, такъ другой будетъ хозяйничать надъ ними. Я, съ Божьей помощью, надѣюсь богоугоднѣе употребить эти деньги, вырученныя кощунственнымъ образомъ.

Чтобы понять обманъ вѣры, надо пойти къ его началу и источнику.

Мы говоримъ о томъ, что знаемъ о христіанствѣ. Обратясь къ началу христіанскаго ученія въ Евангеліяхъ, мы находимъ ученіе, прямо исключющее внѣшнее богопочитаніе, осуждающее его, и въ особенности ясно, положительно отрицающее всякое учительство. Но отъ времени Христа, приближаясь къ нашему времени, мы находимъ отклоненіе ученія отъ этихъ основъ, положенныхъ Христомъ. Отклоненіе это начинается со временъ Апостоловъ и особенно охотника до учительства Павла; и чѣмъ дальше распространяется христіанство, тѣмъ больше и больше оно отклоняется и усваиваетъ себѣ приемы того самаго внѣшняго богопочитанія и учительства, отрицаніе котораго такъ положительно выражено Христомъ. Но въ первыя времена христіанства понятіе церкви употребляется только какъ представленіе о всѣхъ, тѣхъ раздѣляющихъ то вѣрованіе, которое я считаю истиннымъ. Понятіе

совершенно вѣрное, если оно не включаетъ въ себя выраженія вѣрованій словами, но всею жизнью, такъ какъ вѣрованіе не можетъ быть выражено словами.

Употреблялось еще понятіе истинной церкви, какъ доводъ противъ разногласящихъ. Но до царя Константина и Никейскаго Собора церковь есть только понятіе. Со времени же царя Константина и Никейскаго Собора церковь становится дѣломъ, — и дѣломъ обмана. Начинается тотъ обманъ . . . . . съ мощами, поповъ съ Евхаристією, Иверскихъ, Синодовъ и т. п., которые такъ поражаютъ и ужасають насъ и не находятъ достаточнаго объясненія, по своему безобразію, въ одной выгодѣ этихъ лицъ. Обманъ этотъ старый и онъ начался не изъ однихъ выгодъ частныхъ лицъ; нѣтъ такого человѣка - изверга, который рѣшился бы это дѣлать, если бы онъ былъ первый и если бы не было другихъ причинъ. Причины, приведшія къ этому, были недобрыя. „По плодамъ ихъ узнаете ихъ“. Начало было зло — ненависть, человѣческая гордость, вражда противъ Арія и другихъ; и другое, еще большее зло — соединеніе христіанъ съ властью. Власть — Константинъ царь, по языческимъ понятіямъ стоящій на высотѣ величія человѣческаго (онъ причтенъ къ богамъ), принима-

еть христіанство, подаетъ примѣръ всему народу, обращаетъ народъ и подаетъ руку помощи противъ еретиковъ и устанавливаетъ посредствомъ вселенскаго собора единую, правую христіанскую вѣру.

Христіанская католическая вѣра установлена навсегда. Такъ естественно было поддаться на этотъ обманъ, и до сихъ поръ еще такъ вѣруютъ въ спасительность этого событія. А это было то событіе, гдѣ большинство христіанъ отрелось отъ своей вѣры. Это были тѣ розстани, гдѣ огромное большинство христіанъ пошло именно по языческой дорогѣ и идетъ до сихъ поръ. Карлъ великій, Владиміръ продолжаютъ то же.

И обманъ церкви идетъ до сихъ поръ, обманъ, состоящій въ томъ, что принятіе властью христіанства нужно для тѣхъ, которые понимаютъ букву, а не духъ христіанства, потому что принятіе христіанства безъ отреченія отъ власти есть насмѣшка надъ христіанствомъ и извращеніе его.

„
Освященіе государственной власти христіанствомъ есть кощунство, есть погибель христіанства.

Проживя 1500 лѣтъ подъ этимъ кощунственнымъ союзомъ мнимаго христіанства съ государствомъ, надо сдѣлать большое усиліе,

чтобы забыть всё сложные софизмы, которыми 1500 лѣтъ, вездѣ въ угоду власти, изуродовавъ все ученіе Христа, чтобы оно могло ужиться съ государствомъ, пытались объяснить святость, законность государства и возможность его быть христіанскимъ.

Въ сущности же слова „христіанское государство“ есть то же, что слова: теплый, горячій ледь. Или нѣтъ государства, или нѣтъ христіанства.

Для того, чтобы ясно понять это, надо забыть всё тѣ фантазіи, въ которыхъ мы старательно воспитываемся и прямо спрашивать о значеніи тѣхъ наукъ историческихъ и юридическихъ, которымъ насъ учать. Основъ эти науки не имѣютъ никакихъ; всё эти науки ничто иное, какъ апологія насилія.

Пропустивъ исторію персовъ, мидянъ и т. д., возьмемъ исторію того государства, которое первое составило союзъ съ христіанствомъ.

Было разбойничье гнѣздо въ Римѣ; оно разрослось грабительствомъ, насиліемъ, убійствомъ; оно завладѣло народами. Разбойники и потомки ихъ, съ атаманами, которыхъ называли то Кесаремъ, то Августомъ, во главѣ, — грабили и мучили народы для удовлетворенія своихъ похотей. Одинъ изъ наслѣдниковъ этихъ разбойничьихъ атамановъ, Константинъ,

начитавшись книгъ и пресытившись похотной жизнью, предпочелъ нѣкоторые догматы христіанства прежнимъ вѣрованіямъ — принесенію людскихъ жертвъ онъ предпочелъ обѣдню, почитанію Аполлона, Венеры и Зевса онъ предпочелъ единого Бога съ сыномъ Христомъ и велѣлъ ввести эту вѣру между тѣми, которыхъ онъ держалъ подъ своею властью.

„Цари царствуютъ надъ народами, между вами да не будетъ такъ; не убей, не прелюбодѣйствуй, не имѣй богатствъ, не суди, не присуждай, терпи „зло“ всего этого никто не сказалъ ему.

А ему сказали: „ты хочешь называться христіаниномъ и продолжать быть атаманомъ разбойниковъ — бить, жечь, воевать, блудить, казнить, роскошествовать? Можно.

И они устроили ему христіанство и устроили очень покойно, даже такъ, что нельзя было ожидать. Они предвидѣли, что прочтя Евангеліе, онъ можетъ хватиться, что тамъ требуется все это, т. е. жизнь христіанская, а не построеніе храмовъ и хожденіе въ нихъ. Они предвидѣли это и внимательно устроили ему такое христіанство, что онъ могъ, не стѣсняясь, жить по-старому, по-язычески. Съ одной стороны — Христось, сынъ Бога, за тѣмъ только и приходилъ, чтобы его и всѣхъ

искупить. Оттого, что Христосъ умеръ, Константинъ можетъ жить, какъ хочетъ. А этого мало — можно покаяться и проглотить кусочекъ хлѣбца съ виномъ, это будетъ спасенье и все простится.

Мало того, — они еще его власть разбойничью освятили и сказали, что она отъ Бога, ... За то и онъ имъ устроилъ, какъ они хотѣли — собраніе поповъ, и велѣлъ сказать, какое должно быть отношеніе каждаго человѣка къ Богу, и каждому человѣку велѣлъ такъ повторять.

И всѣ стали повторять и стали довольны, и вотъ 1500 лѣтъ эта самая вѣра живетъ на свѣтѣ, ... и все, все отъ Бога. Если какой-нибудь злодѣй пограбить всѣхъ, побьетъ много народа, . . . онъ отъ Бога. (У насъ мужеубійца, блудница была отъ Бога, у французовъ — Наполеонъ).

А попы за то — не только отъ Бога, но почти сами боги, потому что въ нихъ сидитъ духъ святой. И въ папѣ, и въ нашемъ Синодѣ съ его командирами — чиновниками.

И какъ какой-нибудь . . . . . атаманъ разбойниковъ, захочетъ побить чужой и свой народъ. — сейчасъ ему едѣлаютъ святой воды, кропятъ крестъ (тотъ крестъ, на которомъ умеръ, неся его, Христосъ за то, что онъ отрицалъ этихъ самыхъ разбойниковъ),

— возьмутъ и благословятъ побить, повѣсить, голову отрубить.

И все бы хорошо, да не умѣли и тутъ согласиться и стали . . . . другъ друга называть разбойниками, — то, что они и есть, — а народъ сталъ прислушиваться и пересталъ вѣрить . . . . . и въ хранителей св. Духа, а выучился у нихъ же называть ихъ, какъ слѣдуетъ и какъ они сами себя называютъ, т. е. разбойниками и обманщиками.

Но о разбойникахъ только пришлось къ слову, потому что они развратили обманщиковъ. Рѣчь же объ обманщикахъ, мнимыхъ христианахъ. Такими они сдѣлались отъ соединенія съ разбойниками. И не могло быть иначе. Они сошли съ дороги съ той первой минуты, какъ освятили перваго царя и увѣрили его, что онъ своимъ насиліемъ можетъ помочь вѣрѣ, — вѣрѣ о смиреніи, самоотверженіи и терпѣніи обидѣ. Вся исторія настоящей церкви, не фантастической, т. е. исторія іерархіи подъ властью царей есть рядъ тщетныхъ попытокъ этой несчастной іерархіи сохранить истину ученія, проповѣдывая ее ложью и на дѣлѣ отступая отъ нея. Значеніе іерархіи основано только на ученіи, которому она хочетъ учить. Ученіе говоритъ о смиреніи, самоотреченіи, любви, нищетѣ; но ученіе пропо-

вѣдуется насиліемъ и зломъ.

Для того, чтобы іерархіи было чему учить, чтобы были ученики, нужно не отречься отъ ученія, но для того, чтобы очистить себя и свою незаконную связь съ властью, нужно всякими ухищреннѣйшими соображеніями скрыть сущность ученія и для этого перенести центръ тяжести ученія не на сущность ученія, а на внѣшнюю сторону его. И это самое дѣлаетъ іерархія — источникъ того обмана вѣры, который проповѣдуется церковью. Источникъ есть соединеніе іерархіи, подъ именемъ церкви, съ властью — насиліемъ. Источникъ же того, что люди хотятъ научить другихъ вѣрѣ, — въ томъ, что истинная вѣра обличаетъ ихъ самихъ, и имъ нужно вмѣсто истинной вѣры подставить свою вымышленную, которая бы ихъ оправдывала.

Истинная вѣра вездѣ можетъ быть, только не тамъ, гдѣ она явно ложная, т. е. насилующая, — не въ государственной вѣрѣ. Истинная вѣра можетъ быть во всѣхъ такъ называемыхъ расколахъ, ересяхъ, но навѣрное не можетъ быть только тамъ, гдѣ она соединилась съ государствомъ. Странно сказать, но названіе „православная, католическая, протестантская вѣра“, какъ эти слова установились въ обыкновенной рѣчи, значать не что

иное, какъ „вѣра, соединенная съ властью“. государственная вѣра и потому ложная.

Понятіе церкви, т. е. единомыслія многихъ, большинства, и вмѣстѣ съ тѣмъ близость къ источнику ученія въ первые два вѣка христіанства, былъ только одинъ изъ плохихъ вѣдшихъ доводовъ. Павелъ говорилъ: „я знаю отъ самого Христа“. Другой говорилъ: „я знаю отъ Луки“. И всѣ говорили: „мы думаемъ вѣрно, и доказательство того, что мы вѣрно думаемъ, — насъ большое собраніе, еклезія, церковь. Но только съ собора въ Никее, устроеннаго царемъ, начался — для части исповѣдующихъ одно и то же ученіе — прямой и осязательный обманъ.

„Изволися намъ и св. Духу“, — стали говорить тогда. Понятіе церкви стало уже не только плохой аргументъ, а стало для нѣкоторыхъ властью. Оно соединилось съ властью и стало дѣйствовать, какъ власть. И все, что соединилось съ властью и подпало ей, перестало быть вѣрою, а стало обманомъ.

Чему учить христіанство, понимая его, какъ ученіе какой бы то ни было церкви или всѣхъ церквей?

Какъ хотите, разбирайте, смѣшивая или подраздѣляя, но тотчасъ же все ученіе христіанское распадается на два рѣзкіе отдѣла:

ученіе о догматахъ, начиная съ божественнаго сына, св. духа, отношенія этихъ лицъ, до евхаристіи съ виномъ или безъ вина, прѣснаго или кислаго хлѣба,—и на нравственное ученіе: смиренія, нестяжательности, чистоты тѣлесной и духовной, неосужденія и освобожденія отъ неволи, узъ и миролюбія. Какъ ни старались учителя церкви смѣшать эти двѣ стороны ученія, онѣ никогда не смѣшивались и, какъ масло отъ воды, всегда были врозь каплями большими и малыми.

Различіе этихъ двухъ сторонъ ученія ясно для каждаго, и каждый можетъ просмотрѣть плоды той и другой стороны ученія въ жизни народовъ, и по этимъ плодамъ можетъ заключить о томъ, какая сторона болѣе важна и, если можно сказать „болѣе истина“, то — какая болѣе истинна? Посмотришь на исторію христіанства съ этой стороны, и ужасъ нападетъ на тебя. Безъ исключенія, съ самаго начала и до самаго конца, до насъ, куда ни посмотришь, на какой ни взглянешь догматъ, хоть съ самаго начала — догмата божественности Христа — и до сложенія перстовъ, до причастія съ виномъ или безъ вина, — плоды всѣхъ этихъ умственныхъ трудовъ, употребленныхъ на разъясненіе догматовъ: злоба, ненависть, казни, изгнанія, побоища женъ и

дѣтей, костры, пытки. Посмотришь на другую сторону нравственнаго ученія, отъ удаленія въ пустыни для общенія съ Богомъ до обычая подавать калачи въ острогъ, и плоды этого: всѣ наши понятія добра, все то радостное, утѣшительное, служащее намъ свѣточемъ въ исторіи...

Заблуждаться тѣмъ людямъ, передъ глазами которыхъ не выразились ясно еще плоды того или другого, можно было, и нельзя было не заблуждаться. Можно было заблуждаться и тѣмъ, которые искренно вовлечены были въ эти споры о догматахъ, не замѣтивъ того, что они этими догматами служатъ дьяволу, а не Богу, не замѣтивъ того, что Христосъ прямо говорилъ, что онъ пришелъ разрушить всѣ догматы; можно было заблуждаться и тѣмъ, которые, унаслѣдовавъ преданія о важности этихъ догматовъ, получили такое превратное умственное воспитаніе, что не могутъ видѣть своей ошибки; можно и тѣмъ темнымъ людямъ, для которыхъ догматы эти не представляютъ ничего, кромѣ словъ, или фантастическихъ представленій. Но намъ, для которыхъ открыть первый смыслъ Евангелія, отрицающаго всякіе догматы, намъ, имѣющимъ передъ глазами плоды въ исторіи этихъ догматовъ, намъ нельзя уже ошибаться. Исторія для

насъ—повѣрка истинности ученія, повѣрка даже механическая.

Догмать непорочнаго зачатія Богородицы — нуженъ онъ или нѣтъ? Что отъ него произошло? Злоба, ругательства, насмѣшки. А польза была? Никакой. Ученіе о томъ, что не надо казнить блудницу, — нужно оно или нѣтъ? Что отъ него произошло? Тысячи и тысячи разъ люди были смягчены этимъ напоминаніемъ.

Другое: въ догматахъ какихъ бы то ни было всѣ согласны? — Нѣтъ. Въ томъ, что бы просящему дать? — Всѣ.

И, вотъ, первое — догматы, въ чемъ никто не согласенъ, что никому не нужно, что губить людей, это-то іерархія выдавала и выдаетъ за вѣру; а второе, то, въ чемъ всѣ согласны, что всѣмъ нужно и что спасаетъ людей, этого, хотя и не смѣла отрицать іерархія, но не смѣла выставлять, какъ ученіе, ибо это ученіе отрицало ее самое.

1882 г.

ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО.

I.

О церковномъ обманѣ.

Получилъ и продолжаю получать ваши безчисленные письма, дорогой ***, и хотѣлось бы обстоятельно отвѣтить на самое для меня главное въ нихъ.

Возражать вамъ на несправедливыя ваши предположенія о томъ, что, 1-е, я сержусь на васъ, 2-ое, что я считаю, что жизнь наша кончается здѣсь, 3-е, что я могу и долженъ озабочиваться денежной помощью нѣкоторымъ (избраннымъ вами изъ миллионовъ такихъ-же людей, окружающихъ меня), — полагаю излишнимъ, потому что всѣ эти возраженія сдѣланы мною впередъ въ моихъ писаніяхъ съ тою обстоятельностью, на которую я только способенъ. (Собраніе сочиненій посылаю вамъ). Въ моихъ писаніяхъ не разрѣшенныхъ, какъ вы знаете, находятся эти возраженія.

Сердиться же я на васъ не могу потому, главное, что я васъ люблю. И поэтому самому мнѣ очень бы хотѣлось помочь вамъ въ томъ тяжеломъ и опасномъ положеніи, въ ко-

торомъ вы находитесь. Я говорю про ваше желаніе загнипотизировать себя въ церковную вѣру. Это очень опасно, потому что при такой гипнотизаціи утрачивается самое драгоценное, что есть въ человѣкѣ, — его разумъ.

Начну съ начала. Письмо это началъ до полученія вашего письма объ Исаакѣ Сиринѣ съ копіей заявленія губернатору, и это ваше письмо и заявленіе еще болѣе возбудили во мнѣ желаніе, вызвали во мнѣ сознаніе обязанности попытаться помочь вамъ, и откровенно скажу, не вамъ одному, а и многимъ людямъ, находящимся или вступающимъ въ то-же положеніе, какъ и вы. Я говорю про людей искреннихъ, чистыхъ, принимающихъ тѣ или другія убѣжденія не для того, чтобы оправдать свое выгодное положеніе, а только потому, что они въ нихъ видятъ истину.

Какъ-то разъ очень богатая и важная придворная дама, говоря о вѣрѣ, сказала мнѣ, что она вѣритъ, „какъ баба Акулина“, и она, очевидно, думала, что она сказала нѣчто очень тонкое и даже глубокое: такая утонченная особа и удостаиваетъ вѣрить, какъ баба Акулина. Но, вѣдь, сказала она не только глупость, но совершенную неправду.

Дама эта знаетъ грамотѣ на разныхъ язы-

кахъ, училась космографіи, исторіи, знаетъ про существованіе Вольтера, Ренана, браминизма, буддизма, конфуціанства, и потому она не можетъ вѣрить, какъ баба Акулина. Баба Акулина въ своей вѣрѣ въ матушку царицу небесную и миколу угодника, въ батюшку царя небеснаго, живущаго на небѣ, и прочее —, вѣрить въ то самое высшее, до чего достигло ея познаніе, и вѣра эта не только не представляетъ никакого противорѣчія съ ея пониманіемъ жизни, но освѣщаетъ для нея, уясняетъ для нея явленія міра. Для дамы же это невозможно. Она знаетъ, что міръ былъ сотворенъ не 6000 лѣтъ тому назадъ; что человѣчество вышло не изъ Адама съ Евой, а изъ развитія животнаго; знаетъ, что, кромѣ христіанъ ея исповѣданія, живутъ въ 5 разъ больше, чѣмъ христіанъ, людей другихъ вѣръ; знаетъ, что христіанство извращалось и извращается и породило сотни, тысячи враждебныхъ между собою сектъ, и вырождалось въ инквизицію и дикій фанатизмъ; знаетъ, какъ происходили соборы, на которыхъ установлены догматы; знаетъ, что то-же происходило въ буддизмѣ съ своимъ царемъ Асокой и въ другихъ вѣрахъ, знаетъ, что религіи подлежатъ такому же закону развитія, какъ организмы и государства: зарождаются, раз-

виваются, доходятъ до высшей степени и потомъ старѣются и исчезаютъ, какъ религіи Египетская и Персидская; знаетъ, что, такъ называемое, наше священное писаніе не сошло съ неба, а писалось людьми, очищалось, извращалось и потому не можетъ имѣть непререкаемаго авторитета; знаетъ, что твердаго неба нѣтъ, и что потому ни Еноху, ни Іліи, ни Христу некуда дѣваться, улетѣвъ съ земли, и что, если они полетѣли вверхъ, то летятъ и до сихъ поръ: знаетъ, что всѣ тѣ чудеса, которыми хотятъ доказать истинность церковной вѣры, повторяются во всѣхъ разныхъ вѣрахъ: и рожденіе отъ дѣвы, и знаменіе при рожденіи, и пророчество, и мудрость въ дѣтствѣ, и исцѣленія, и воскресеніе, и другія — что всѣ выдумки чудесъ повторяются во всѣхъ вѣрахъ, такъ-же, какъ повторяются чудеса подвиговъ героевъ въ народныхъ эпосахъ. Все это должна знать дама, потому что всему этому ее учили, и все это она могла прочесть въ книжкахъ, которыя ей доступны, и все это знаютъ тѣ господа, которыя бывають въ ея гостиной.

И потому она не то, что не имѣетъ права вѣрить, какъ баба Акулина, но она не можетъ такъ вѣрить. Она можетъ говорить, что она такъ вѣрить,—но вѣрить такъ не

можетъ. Для того чтобы ей вѣрить, ей надо такую вѣру, въ которую, такъ-же какъ и для бабы, она вѣрила бы въ то самое высшее, до чего достигло ея сознание, и такую вѣру, которая не только не противорѣчила бы ея пониманію явленій міра, но освѣщала бы, уясняла, приводила къ единству всѣ ея знанія.

Дама эта не пойметъ меня, потому что ей нужна вѣра бабы Акулины для того, чтобы продолжать жить, какъ она живетъ, т. е. безбожно поглощать ежедневно на свои прихоти и роскошь трудъ сотенъ рабочихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, говорить о Богѣ и Христѣ и своей религіозности. Только при усвоеніи, при исповѣданіи вѣры бабы Акулины, другими словами — вѣры людей, жившихъ тысячи двѣ лѣтъ тому назадъ, для нея возможна такая безбожная жизнь съ самодовольствомъ религіозности. И потому для дамы я понимаю; но вамъ то, сосланному на край свѣта и ходящему по острогамъ съ мѣста на мѣсто за то, что вы хотите проводить въ жизнь христіанскія истины, вамъ то зачѣмъ этотъ ужасный обманъ и это неразрѣшимое противорѣчіе вашихъ вѣрованій съ вашими знаніями и пониманіемъ явленій міра?

Вѣдь вы только подумайте о томъ, что вы

исповѣдуете, и о томъ положеніи, въ которомъ вы находитесь. Я понимаю, что это очень хорошо и пріятно чувствовать себя въ единеніи вѣры съ окружающими, и когда постомъ уныло звонятъ къ часамъ и идутъ говѣльщики и просятъ другъ у друга прощенія и красиво молятся въ красивыхъ церквахъ, вызывая представленіе о древней, тихой, торжественной жизни, — очень пріятно бы соединиться съ ними и пожить этой жизнью. Но вѣдь это самообманъ, это только играніе роли. Вѣдь положеніе не въ томъ, что вы находитесь теперь, великимъ постомъ, въ Пудожѣ, а положеніе ваше въ томъ, что вы живете въ мірѣ Божіемъ, на планетѣ Земля, обитаемой 1500 милліонами жителей разныхъ расъ, исповѣдующихъ разныя религіи, въ какомъ то 100-тысячномъ году послѣ появленія первыхъ людей, — въ одномъ изъ уголковъ сѣвернаго полушарія, среди народа называемаго русскимъ, и живете вы въ этомъ мѣстѣ и въ это время по волѣ Бога, того самага, по волѣ котораго существуетъ не только планета земля съ ея обитателями, но и весь кажущійся мнѣ безконечный міръ. Это положеніе свое вы знаете и, соотвѣтственно этому положенію, вы и должны установить свое отношеніе къ Богу, т. е. установить такое от-

ношеніе, которое точно такъ-же годилось бы для каждаго человѣка, находящагося въ томъ же положеніи, какъ и вы, — такое отношеніе, которое было бы ясно, понятно и обязательно для каждаго мыслящаго человѣка: японца, малайца, зулуса.

И какое же вы, съ вашимъ знаніемъ, вы устанавливаете отношеніе къ Богу? Вы говорите: Богъ открылъ себя и свою истину 5000 лѣтъ тому назадъ только одному маленькому азіатскому народцу, и то не совсѣмъ; а 1900 лѣтъ тому назадъ открывалъ ее совсѣмъ тѣмъ, что въ этотъ же народецъ послалъ своего сына, тоже Бога. И то, что этого сына Бога убили тогда люди, это сдѣлало то, что грѣхъ первыхъ людей и всѣхъ послѣдующихъ искупленъ. Но кромѣ этого искупленія Богъ установилъ черезъ этого сына своего церковь, которая блюдетъ всю истину и помогаетъ спасенію людей таинствомъ, — тѣмъ, что мажетъ масломъ, даетъ глотать хлѣбъ съ виномъ... И эта церковь существуетъ только въ Пудожѣ или въ Россіи. Всѣ же люди, жившіе до этой церкви и живущіе внѣ ея, не принимаются въ расчетъ.

Вѣдь скажите это, да еще многое другое про крещеніе, иконы, поминаніе и, главное, про Бога, казнящаго и искупающаго, — ка-

кому-нибудь свѣжему, умному человѣку, никогда не слыхавшему про это, — вѣдь онъ вытаращить глаза на васъ и или убѣжить отъ васъ, боясь что вы, бѣснуясь, начнете бить его, или свяжетъ васъ, какъ опасно безумнаго.

Вѣдь только отъ того, что ядъ этотъ привить намъ съ дѣтства, мы такъ, — какъ будто незамѣтно, — переносимъ его. И, — что ужаснѣе всего, — этотъ страшный, понемногу привитый намъ ядъ сдѣлалъ для насъ бесполезнымъ и недѣйствительнымъ данное намъ Христомъ вѣрованіе, которое отвѣчаетъ высшимъ требованіямъ людей нашего времени.

Мы прожили послѣ Христа 1900 лѣтъ; но ученіе его во всей его чистотѣ до сихъ поръ отвѣчаетъ вполне нашимъ требованіямъ установленія нашего отношенія къ Богу, — не къ Богу израильскому и православной, или католической, или протестантской церкви, а къ Богу тому, по волѣ котораго существуетъ этотъ безконечный міръ, и среди него планета Земля, и на землѣ я, живущій послѣ сотенъ тысячъ лѣтъ развитія животной жизни въ Пудожѣ, или въ Нью-Йоркѣ, или пустыняхъ Африки.

Главная разница между тѣмъ отношеніемъ частнымъ, исключительнымъ, которое называ-

ютъ своей вѣрой церковники, буддисты, брамины, магометане и другіе, и истинной христіанской вѣрой — та, что всѣ тѣ вѣры, не говоря объ ихъ несоотвѣтствіи знанію и здравому смыслу, имѣютъ свойство исключать, отрицать одна другую, тогда какъ вѣра Христова такова, что не только понятна, доступна всякому, но что и отрицать ее, не соглашаться съ ней невозможно. Вѣра эта не только не исключительна, но она, напротивъ, сливается и совпадаетъ со всѣмъ истиннымъ и высокимъ, что есть во всѣхъ другихъ вѣрахъ.

Она говоритъ, что начало всего — духовное, разумное и любовное. И начало это называется Богомъ и Отцомъ. Отцомъ она называетъ это начало потому, что это же начало человѣкъ сознаетъ въ себѣ. Вступая въ жизнь, человѣку кажется, что онъ живетъ своимъ животнымъ, — что его животное и есть его „я“; но, по мѣрѣ развитія своего разума, онъ видитъ что это животное — не свободное, страдаетъ и гибнетъ, а въ сознаніи своемъ онъ чувствуетъ, что есть что-то, не подлежащее ни стѣсненію, ни страданію, ни гибели; и человѣкъ вступаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою и въ отчаяніе.

Вотъ на это внутреннее противорѣчіе, развивая его, и отвѣчаетъ ученіе Христа. Оно

говорить человѣку: тебѣ только кажется, что ты живешь животнымъ; но это только кажется, какъ кажется, что бѣжить берегъ, когда ѣдешь на лодкѣ, — что ходитъ солнце. Живеть въ человѣкѣ только его духовное, разумное и благое начало, — сынъ Бога. Человѣкъ долженъ перенести свое „я“ изъ животнаго въ духовное и удовлетворять требованія не животнаго, а духовнаго существа. И стоитъ человѣку понять это, какъ противрѣчіе его жизни исчезаетъ: уничтожается всякое стѣсненіе, страданіе, онъ становится вполне свободнымъ. Уничтожается смерть, потому что то, что духовно, — что есть самъ Богъ, — не можетъ уничтожиться: оно всегда было, есть и будетъ.

Въ этомъ перенесеніи своего „я“ изъ животнаго въ духовное — сущность ученія Христа, подробности же этого ученія, начатыя Христомъ и продолжаемая всѣмъ человѣчествомъ, состоятъ въ уничтоженіи, разоблаченіи тѣхъ соблазновъ, которыми люди животной жизни, по инерціи преданія, стараются скрыть отъ человѣка его погибель въ животной жизни и поддерживать его на этомъ ложномъ пути. Разоблаченіе этихъ соблазновъ есть работа жизни людей, — есть то, чего хочетъ Богъ отъ людей.

Таково, въ самыхъ крупныхъ очертаніяхъ, ученіе Христа,—то ученіе, которымъ устанавливается отношеніе человѣка къ міру. И это ученіе не исключительное, а общее, высшее, доступное всѣмъ и не только не противорѣчащее другимъ ученіямъ и современному знанію, но освѣщающее, уясняющее ихъ.

И тутъ-то на мѣсто этого, мы будемъ возвращаться къ пониманію жизни — съ жертвами, искупленіями, таинствами, злымъ, карающимъ и награждающимъ личнымъ Богомъ, — за 5000 лѣтъ тому назадъ. Зачѣмъ? Избави васъ Богъ отъ этого, милый другъ.

То, что вы дѣлаете, и дѣлаютъ многіе, мнѣ представляется подобнымъ вотъ чему: человекъ ѣдетъ на паровомъ самокатѣ. Онъ не знаетъ дороги или просто усталъ скоро ѣхать и онъ хочетъ остановить ходъ и выпускаетъ въ колеса прутьи. Онъ выпустилъ одинъ пруть, колеса захватили его, и машина еще идетъ, но медленнѣе. Онъ выпускаетъ другой съ тонкаго конца. Кажется не бѣда, машина еще идетъ; но скоро дойдетъ до комля и машину запретъ, и она испортится. Нельзя безнаказанно допускать въ свою вѣру что либо неразумное, что либо, не оправдываемое разумомъ. Разумъ намъ данъ свыше, чтобы руководить насъ. Если же мы заглушимъ его,

— это не пройдет безнаказанно. И гибель разума — самая ужасная гибель.

Вотъ, кое что сказалъ вамъ изъ того, что думалъ, — сказалъ любя. Пожалуйста, не отвѣчайте мнѣ по пунктамъ, споря противъ какого-нибудь изъ нихъ. Если же несогласны, то объясните мнѣ, какъ вы связываете свою вѣру съ вашимъ пониманіемъ жизни, и кратко и ясно выразите свое міропониманіе.

Прощайте пока. Цѣлую васъ.

Москва, 16-го марта 1896 г.

Л. Толстой.

II.

Къ православному священнику.

Любезный братъ ***, сожалѣю, что не знаю отчества. Письмо ваше доставило мнѣ большое удовольствіе. Вы—четвертый священникъ, въ которомъ я встрѣчаю полное согласіе — не съ моими взглядами, а съ сущностью ученія Христа, которое въ настоящемъ его значеніи доступно младенцамъ и не можетъ вы-

звать разногласія. И это мнѣ очень радостно.

Одно въ вашемъ письмѣ немного смутило меня. Это ваше упоминаніе о метафизикѣ и церковности. Боюсь, что у васъ составилаcя своя метафизика или вы держитесь церковной метафизики, которая даетъ вамъ возможность съ вашими взглядами оставаться священникомъ. По тому, что вы служите 10 лѣтъ, я заключаю, что вы еще молодой человекъ и годитесь мнѣ въ сыновья, если не внуки, и потому я позволю себѣ дать вамъ непрощенный совѣтъ о томъ, какъ по моему мнѣнію долженъ поступать священникъ, освободившійся отъ суевѣрія и понявшій ученіе Христа въ его настоящемъ значеніи и желающій слѣдовать ему. Часто, находясь въ положеніи несоединимомъ съ слѣдованіемъ ученію Христа, —каково положеніе военнаго и священника, — люди придумываютъ или усваиваютъ себѣ, какую нибудь сложную, запутанную систему метафизики, которая должна оправдать ихъ положеніе. Вотъ отъ этого соблазна я бы хотѣлъ предостеречь васъ. Для христіанина нѣтъ и не можетъ быть никакой сложной метафизики. Все, что можно назвать метафизикой въ христіанскомъ ученіи, состоитъ въ простомъ, понятномъ всѣмъ положеніи, что всѣ люди — сыны Бога, братья и потому должны любить

и отца, и братьевъ и, вслѣдствіе этого, поступать съ другими такъ же, какъ желаешь, чтобы поступали съ тобой. Я думаю, что всякая метафизика сверхъ этого — отъ лукаваго и придумана только затѣмъ, чтобы примирить свое — непримиримое съ христіанскимъ ученіемъ — положеніе. Есть еще священники — я знаю такихъ, — которые, чувствуя несовмѣстимость своего положенія съ чистымъ пониманіемъ христіанства, думаютъ оправдаться тѣмъ, что въ ихъ положеніи они легче могутъ бороться съ суевѣріями и распространять христіанскую истину. Полагаю и такое положеніе еще болѣе неправильнымъ. Въ религіозномъ дѣлѣ цѣль не можетъ оправдывать средства уже потому, что средства отступленія отъ истины уничтожаютъ всякую возможность достиженія цѣли, состоящей въ наученіи истинѣ. Главное же то, что ни одинъ человѣкъ не призванъ къ тому, чтобы поучать другихъ, (Мѡ. XXIII, 8, 9) *) — а только къ тому, чтобы самому совершенствоваться въ истинѣ

---

*) Мѡ. XXIII, 8. „А вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ Учитель Христосъ; всѣ же вы братья“.

9. „И отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ: ибо одинъ у васъ Отець, который на небесахъ“.

и любви. И только черезъ это совершенствованіе себя (безъ всякой мысли о другихъ) можетъ человѣкъ дѣйствовать на другихъ.

Простите, что возражаю вамъ на то, чего вы не говорили и можетъ быть и не думаете, но получивъ сильное и радостное впечатлѣніе отъ вашего письма, мнѣ захотѣлось высказать все, что я думалъ о трагическомъ положеніи священника, познавшаго истину и о наилучшемъ выходѣ изъ этого положенія и объ опасностяхъ этого положенія.

Лучшій выходъ изъ этого положенія, — героическій выходъ — по моему тотъ, чтобы священникъ, собравъ своихъ прихожанъ, вышелъ къ нимъ на амвонъ и, вмѣсто службы и поклоновъ иконамъ, поклонился бы до земли народу, прося прощенія у него за то, что вводилъ его въ заблужденіе. Второй выходъ тотъ, который избралъ, лѣтъ 10 тому назадъ, замѣчательный человѣкъ, покойникъ, знакомый мнѣ изъ Вятской семинаріи священникъ Апполовъ, служившій въ Ставропольской епархіи. Онъ заявилъ архіерею, что не можетъ, по измѣнившимся взглядамъ, продолжать священствовать. Его вызвали въ Ставрополь, и начальство и семейные такъ мучили его, что онъ согласился вернуться на свое мѣсто. Но, пробывъ меньше года, не выдержалъ и опять

отказался, и разстригся. Жена оставила его. Всѣ эти страданія такъ повліяли на него, что онъ умеръ, какъ святой, не измѣнивъ своимъ убѣжденіямъ, и, главное — любви.

Это второй выходъ; но я знаю, какъ онъ страшно труденъ — въ виду семейныхъ отношеній всякаго священника и окружающей его среды, — и потому я вполне понимаю и никакъ не осуждаю священника, который по слабости остался священникомъ, не смотря на то, что не вѣритъ въ то, что дѣлаетъ. Одно, что я говорю и позволяю себѣ совѣтовать (совершенно то же совѣтую людямъ, христіанамъ, отъ которыхъ требуютъ солдатской службы) — это то, чтобы не употреблять свой разумъ на ухищренія, посредствомъ которыхъ представлялось бы, что поступаая дурно, — я поступаю хорошо. Только бы человекъ держалъ передъ собою истину во всей ея чистотѣ, не кривилъ бы душой, и онъ найдетъ средство, поступить наилучшимъ, смотря по своимъ силамъ, образомъ. Священникъ, понимающій истинно христіанское ученіе, долженъ по моему мнѣнію, какъ и всякій христіанинъ, дѣлать первое — стремиться познать истину во всей ея чистотѣ и полнотѣ — независимо отъ своего положенія, и второе, по мѣрѣ силъ измѣнять свое положеніе, приближая его къ

познанной истинѣ. (Приближеніе это дѣлается само собой, если человѣкъ искренень). Насколько же человѣкъ приблизится (священнику это очень трудно, такъ какъ его положеніе не только далеко, но противоположно, враждебно истинѣ), насколько и какъ онъ приблизится — это дѣло его съ Богомъ, о которомъ посторонніе судить не могутъ.

Братски привѣтствую васъ.

Любящій васъ братъ

Левъ Толстой.

15 августа 1901 г.

III.

Къ французскому пастору *).

М. Г.

Я получилъ ваше письмо и благодарю васъ

---

*) Переводъ съ французскаго оригинала А. Ч.

за чувства, которыя вы мнѣ выражаете. Очень благодаренъ вамъ также за выдержки изъ Огюста Сабатье **). Я очень жалѣю, что только по имени и по отзывамъ, знакомъ съ этимъ выдающимся человѣкомъ. Выдержки, приводимыя вами о его способѣ пониманія христіанства доказываютъ мнѣ, что я могъ бы быть съ нимъ въ полномъ общеніи мыслей и чувствъ, такъ же какъ и съ вами, и всѣми тѣми, которые раздѣляютъ его пониманіе.

Есть, тѣмъ не менѣе одинъ пунктъ, въ которомъ я не схожусь съ вами: это съ вашимъ представленіемъ о необходимости церкви, и потому — пасторовъ (священниковъ), т. е. лицъ, облеченныхъ извѣстной властью, (авторитетомъ). Я не могу забыть 8 и 9 стиховъ изъ XXIII гл. Мѡ. — не потому, что это стихи изъ евангелія, но потому, что для меня — совершенно очевидная истина, что не можетъ быть пасторовъ, учителей, руководителей между христіанами, и что именно это нарушеніе евангельскаго закона до настоящаго времени свело почти къ нулю проповѣдь истиннаго христіанскаго ученія.

***) Извѣстный писатель—авторъ біографіи Франциска Ассизкаго.

По моему главнѣйшій смыслъ христіанскаго ученія есть возстановленіе прямого общенія между Богомъ и человѣкомъ. Всякій человѣкъ, который беретъ на себя роль посредника въ этомъ общеніи, мѣшаетъ тому, кѣмъ онъ хочетъ руководить, войти въ прямое общеніе съ Богомъ и, — что еще хуже, — самъ совершенно удаляется отъ возможности жить по-христіански. По моему, — верхъ гордости, грѣхъ, болѣе всего отдаляющій отъ Бога, это — сказать себѣ, что я въ состояніи помогать другимъ жить хорошо и спасать ихъ души. Все, что можетъ сдѣлать человѣкъ, старающійся слѣдовать христіанскому ученію, — это стараться совершенствоваться сколько только возможно (Мѣ. V, 48) употреблять на это самосовершенствованіе всѣ свои силы, всю свою энергію. Это единственный способъ воздѣйствія на своихъ ближнихъ и помощи имъ на пути добра. — Если существуетъ церковь — то никому не дано знать ея предѣловъ и никто не можетъ знать, принадлежитъ ли онъ къ ней или нѣтъ. Все, что человѣкъ можетъ желать и на что надѣяться, — это стремиться стать частью ея, но никто не можетъ быть увѣренъ, что онъ сталъ таковымъ на самомъ дѣлѣ, и еще менѣе того предполагать, что онъ имѣетъ пра-

во и возможность руководить другими. Прошу васъ, Милостивый Государь, извинить меня за откровенность, съ которой я излагаю мое мнѣніе противное вашему, и вѣрить чувствамъ симпатіи и уваженія, съ которыми я остаюсь готовый къ услугамъ.

Левъ Толстой.

26 августа 1901 года, с. с.

Ясная Поляна.

IV.

О православіи.

Я нахожу, что основанія вашихъ сомнѣній совершенно вѣрны, но что средство вселенскаго собора, предлагаемое вами для разрѣшенія ихъ, не можетъ достигнуть цѣли.

Всѣ церкви, въ томъ числѣ и русско-греческая, называемая православною, давно знаютъ, что ихъ догматы и писаніе, признаваемое ими священнымъ, не только не священны, но исполнены безсмыслицъ и противорѣчій, не выдерживающихъ критики. И потому единственная возможность для церквей сохранить свое положеніе, — а люди, составляющіе церкви, ихъ служители, дорожатъ имъ, — состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать всякаго обсужденія догматовъ и писаній, а основываться только на преданіи. Это они и дѣлаютъ.

Христіанское человѣчество уже давно пережило ту церковную вѣру, которую столько вѣковъ выдавали за христіанскую, такъ что теперь всякое серьезное разсмотрѣніе основъ этой вѣры неизбѣжно приведетъ къ распаденію ея, какъ гнилое дерево, которое стоитъ подобно живому, но стоитъ тронуть его, и оно распадется прахомъ.

Если бы и собрали соборъ, то онъ былъ бы такимъ же мошенническимъ и насильническимъ, какими были прежніе, такъ называемые, вселенскіе соборы.

Настоящій-же вселенскій соборъ давно уже существуетъ и не переставая работаетъ и обнародываетъ выработанныя имъ положенія: соборъ этотъ состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ людей, которые во имя Бога истины изслѣдуютъ писаніе, называемое священнымъ, выдѣляя изъ него все разумное и доброе, выкидываютъ, доказывая ихъ нелѣпость и вредъ, установленные десятками людей, называвшихъ себя пастырями и учителями (тѣмъ самымъ, чѣмъ Христосъ запретилъ называться), мнимо-христіанскіе догматы, и выясняютъ смыслъ христіанскаго ученія. И соборъ этотъ соединяетъ все большее и большее количество людей, иногда даже и не знающихъ про существованіе другъ друга.

Для успокоенія человѣка, который, какъ вы, не только усумнился въ истинѣ преподаваемаго ему ученія, но и понялъ, что оно не христіанское, а еврейское (по моему оно даже не еврейское, а чисто языческое), есть только два пути: или, заглушая въ себѣ голосъ совѣсти, опереться только на преданіе, убѣдить себя, что истина въ томъ, чему вѣрило

и вѣрить большинство людей, стараться поддаться гипнотическому воздействию церковнаго одуренія и не провѣрять утверждаемыхъ церквами положеній разумомъ; или, признавъ то, что разумъ данъ намъ не для того, чтобы вводить насъ въ обманъ, а для того, чтобы указывать намъ истину, отдаться его руководству не во имя празднаго любопытства или тщеславія, а во имя спасенія своей души и исполненія воли того Бога, который далъ мнѣ разумъ. И тогда, не робѣя уже, не ожидая рѣшенія вопросовъ своей жизни, могущей черезъ часъ кончиться, отъ собора, который соберется черезъ годъ и опредѣлитъ для меня мое отношеніе къ Богу, а съ помощью всѣхъ тѣхъ людей, которые жили прежде меня и такъ же, какъ я, искали истины, съ помощью этихъ людей, изъ которыхъ первый и самый важный для насъ Христосъ, оставившій свое ученіе въ Евангелии, — установить свое отношеніе къ Богу и жить по немъ.

Я поступилъ такъ и съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ такъ, чувствую такую, все увеличивающуюся, по мѣрѣ того, какъ я приближаюсь къ смерти, увѣренность, что не могу не совѣтовать каждому усумнившемуся въ томъ обманѣ, въ которомъ воспитываемся мы и нашъ несчастный народъ, избрать этотъ второй путь,

не могущій привести ни къ чему дурному, а только къ полной увѣренности и радости и къ истинному единенію людей между собой.

Говорятъ, писаніе и преданіе церковное — отъ Бога; это еще можетъ быть неправда, но то, что разумъ, вложенный въ меня—отъ Бога, въ этомъ уже не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если я приму даже и преданіе и писаніе, то приму его только потому, что разумъ мой признаетъ это преданіе и писаніе достовѣрнымъ. Стало быть, авторитетъ разума сильнѣе всего, и потому, повѣривъ разуму, (опять повторяю, во имя не личныхъ цѣлей, а исканія истины и спасенія души) я не могу ошибиться. Богъ далъ мнѣ свыше орудіе познанія Себя; я употребилъ это орудіе съ однимъ желаніемъ познать и исполнить Его волю, я сдѣлалъ все, что могъ, и потому не могу быть виноватъ, и спокоенъ.

Л. Толстой.

V.

Я не помню вашихъ прежнихъ писемъ, но послѣднее, полученное мною нынче письмо ваше, — такое доброе, любовное и искреннее, — тронуло меня, и мнѣ хочется отвѣтить вамъ хотя бы только для того, чтобы показать, что я цѣню ваше доброе чувство ко мнѣ.

Исполнить ваше желаніе для меня такъ же невозможно, какъ находится въ двухъ мѣстахъ въ одно и то же время, или заснуть, когда не хочешь спать, или перестать думать тотчасъ же о той мысли, которая пришла въ голову. Мнѣ это, т. е. возвращеніе къ догматическому православію или христіанству, вообще невозможно не потому, чтобы я не вѣрилъ въ него, а потому именно, что я вѣрилъ въ него, — и хотя самъ и не служилъ литургію, — испытывалъ тѣ самыя чувства умиленія, которыя вы описываете. Сойдя на твердый берегъ съ той утлой лодочки, на которой я еле-еле держался надъ водой, я никакъ не могу сознательно вернуться на эту лодочку.

Главное же то, что я испытываю полное, совершенное спокойствіе и въ жизни и въ смерти въ той вѣрѣ, которую не то, что я исповѣдую, а къ которой неизбѣжно былъ приве-

день и жизнью, и разумомъ, и преданіями (не преданіями одного вѣроученія, а преданіями всего человѣчества). И потому не имѣю ни надобности, ни права искать чего-нибудь еще болѣе твердаго и прочнаго, чѣмъ то, что мнѣ дано не моимъ разсужденіемъ, а самимъ Богомъ. Тѣмъ болѣе не могу вернуться къ тѣмъ вѣрованіямъ, которыя оставилъ по сознанию ихъ непрочности.

Вѣдь если бы я вѣровалъ во что-нибудь выдуманное мною, я бы понималъ увѣщанія о томъ, чтобы я не вѣрилъ своимъ выдумкамъ, а призналъ бы то, что признано и признается всѣмъ міромъ. Но вѣдь я именно вѣрю въ то, во что вѣрять весь міръ и вѣрите вы, — вѣрю въ Бога Отца, пославшаго меня въ міръ для того, чтобы я исполнялъ Его волю. А вѣря въ это и зная, что Богъ есть Любовь,—что я отъ Него изшелъ и къ Нему пойду, я не только ничего не боюсь ни въ жизни, ни въ смерти, но мнѣ не нужно никакихъ другихъ вѣрованій. Мнѣ некуда ихъ помѣстить, и я невольно смотрю на всѣ прибавочныя къ этой вѣрѣ вѣрованія, какъ на оскорбленія Бога, на признакъ недовѣрія къ Нему.

Если бы меня, нищаго, пикуда пегоднаго бродягу принялъ бы къ себѣ добрый хозяинъ

и общалъ бы кормить и содержать, только бы я не нарушалъ порядковъ его дома, неужели я бы сталъ стараться обезпечить свое существованіе посторонними, кромѣ исполненія воли хозяина, средствами? Развѣ не ясно бы было, что человѣкъ, поступающій такъ, не вѣритъ и желаетъ найти способы жить, не исполняя его воли?

Такъ думаю и чувствую теперь и я.

Вѣрю въ Бога, по волѣ котораго я живу и умру, и стараюсь, по указанію великаго учителя жизни, — Христа, исполнять волю пославшаго меня. Знаю, что Богъ есть Любовь, и потому вѣрю, что кромѣ добра мнѣ отъ Него ни въ этой ни въ будущей жизни ничего быть не можетъ. Стараюсь же исполнять Его волю, — которая въ томъ, чтобы мы любили другъ друга и дѣлали другому то, что хотимъ, чтобы намъ дѣлали, — не изъ страха, а потому, что чѣмъ больше я исполнялъ Его волю, тѣмъ мнѣ, моей душѣ, лучше. Для того же, чтобы какъ можно больше исполнять Его волю, — не забывать, не ослабѣвать, — стараюсь постоянно помнить Его, молиться ежечасно и кромѣ того общаться съ лучшими, святыми людьми міра — живыми и въ особенности умершими — въ ихъ писаніяхъ.

Такъ что, какъ вы видите, я въ духовномъ смыслѣ такъ удовлетворенъ, что мнѣ некуда помѣстить тѣ вѣрованія (не говоря уже о томъ, что я когда-то раздѣлялъ ихъ), которыя вы и многіе добрые люди предлагаютъ мнѣ. Я нахожусь въ духовномъ смыслѣ въ томъ же положеніи пѣшехода путешественника, у котораго есть все, что только ему можетъ понадобиться, даже съ избыткомъ, а ему предлагаютъ еще предметы, которые онъ несомнѣнно, постоянно, по опыту знаетъ, что они не нужны ему.

Я не позволю себѣ, да и не считаю нужнымъ обсуждать или осуждать вашу вѣру, чувствуя, во-первыхъ, то, что если жестоко и недобро осуждать поступки, характеръ, даже наружность человѣка, то тѣмъ болѣе жестоко, недобро осуждать самое драгоцѣнное для человѣка, его святая святыхъ, его вѣру; во-вторыхъ—потому что знаю, что вѣра человѣка складывается въ его душѣ сложными, тайными, внутренними путями и можетъ измениться не по желанію людей, а по волѣ Бога.

Я только на ваше доброе письмо, за которое благодарю васъ, высказалъ вамъ основы моей вѣры и причины невозможности для меня исповѣданія той вѣры, которой вы

держитесь.

Отъ души желаю, чтобы эта ваша вѣра дала вамъ радостное руководство въ жизни и спокойствіе въ часъ смерти.

Левъ Толстой.

VI.

Письмо къ дѣятелю по народной школѣ.

Когда я училъ въ школѣ, я еще не уяснилъ себѣ своего отношенія къ церковному ученію, но, не приписывая ему важности, избѣгалъ говорить о немъ съ учениками, а читалъ съ ними библейскія исторіи и Евангеліе, обращая преимущественно вниманіе на нравственное ученіе и отвѣчая всегда искренно на всѣ вопросы, которые они задавали мнѣ.

Если спрашивали о чудесахъ, я говорилъ, что не вѣрю въ нихъ.

Теперь же, много перемучившись въ исканіи правды и руководства въ жизни, я пришелъ къ тому убѣжденію, что наше церковное ученіе есть бѣзсовѣстная и вредная ложь, и преподаваніе его дѣтямъ есть величайшее преступленіе.

Сказать ребенку, который у меня, старого человека, ищет помощи и указания о томъ, какъ ему понимать свою жизнь, источникъ ея и отношеніе его къ этому источнику и къ міру, — что Богъ сотворилъ 6000 лѣтъ тому назадъ въ 6 дней міръ и Адама и потомъ отдыхалъ, и что Адамъ согрѣшилъ, и чтобы поправить дѣло, надо было сына Бога послать въ міръ, чтобы его убили, и всѣ тѣ ужасныя, кощунственныя утвержденія церкви, которыя разрушаютъ окончательно въ ребенкѣ всякую возможность представленія о Богѣ—духѣ любви, источникѣ жизни и внушаютъ ему ужасныя понятія мести, искушенія, награды, казни, невозможности своими силами совершенствоваться... и всѣ другія церковныя лжи, какъ бы нарочно придуманныя для развращенія чистаго дѣтскаго ума и сердца, — сказать это просящему истины ребенку есть ужаснѣйшее, хуже физическаго растлѣнія, преступленіе. Такъ, я смотрю теперь на церковное преподаваніе.

Несмотря на полную мою убѣжденность въ этомъ, я и теперь, если бы былъ учителемъ, не сталъ бы внушать этого дѣтямъ, уважая свободу ихъ и ихъ родителей, считающихъ эту ложь святыней. Но какъ и прежде, хотя и избѣгалъ бы прямыхъ раз-

говоровъ объ этомъ, всякій разъ, когда бы дѣти обращались ко мнѣ съ вопросомъ, отвѣчалъ бы имъ вполнѣ правдиво все то, что я думаю объ этихъ предметахъ. Такъ я теперь поступаю съ взрослыми и дѣтьми.

Истина есть всегда святыня. И нигдѣ такъ не преступно нарушеніе этой святыни, какъ при воспитаніи: «Богу надо служить въ духѣ и истинѣ», «Я есмь путь, истина и жизнь».

Такъ вотъ все, что я могу отвѣтить на вашу вопросъ: считайте своей священной обязанностью, избѣгая какого либо религіознаго наученія, отвѣчать всегда всю правду на религіозные вопросы учениковъ.

Если же у васъ нѣтъ еще ясныхъ отвѣтовъ на ихъ вопросы, то постарайтесь выработать ихъ, сначала самъ себѣ, а потомъ и для нихъ. Если же не знаете, то скажите, что не знаете.

И этотъ отвѣтъ будетъ не только плодотворнѣе, чѣмъ отвѣтъ, почерпнутый изъ катехизиса, но отвѣтъ „не знаю“ будетъ святъ, потому что правда, отвѣтъ же изъ катехизиса будетъ преступленіе, потому что будетъ произведеніемъ отца лжи, по слову Евангелія.

Левъ Толстой.

LR

T6545pu

459315

Tolstoi, Lev Nikolaevich, Graf (comp.)
Путь жизни. Т.3.

[Title transliterated: Put' zhizni].

DATE.

NAME OF

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

